Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 31 МАЯ 10

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП (б)

СОДЕРЖАНИЕ.

1 9 2 7
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
«П Р А В Д А»

Главлит № 88718. Москва. Тираж 75.000 экз.
Тип. изд-ва „Правда" и „Беднота", Яузский мост, Серебряническая наб., д. 23а.

К пленуму ИККИ.

VIII пленум ИККИ собрался в чрезвычайно напряженной обстановке.

Шесть месяцев назад VII расширенный пленум ИККИ следующим образом характеризовал общие тенденции современной международной обстановки:

«Общей тенденцией является антисоветская тенденция, прокладывающая себе, под водительством Англии, путь через все противоречия между империалистами. Германская западная ориентация, новейшее направление итальянской политики, Польша, система договоров между пограничными государствами, итальянско-румынский и франко-румынский договоры, деятельность Англии в Прибалтике, на Балканах, Персии, Афганистане и т. д.,—все это есть выражение указанной основной тенденции. Не подлежит также никакому сомнению тенденция к окружению Китая с целью перевести его развитие на национально-капиталистический путь под гегемонией иностранного капитала, если не удастся прямое подавление национальной революции».

Жизнь подтвердила буквально каждое слово этого анализа. Разве не развертывается на наших глазах обостренная борьба против СССР, разве не делаются бесчисленные попытки спровоцировать на войну первую Республику Труда? Разве не осуществилась с особой четкостью гегемония английской буржуазии, свирепо наступающей на английский рабочий класс (напр., билль о профсоюзах), в этом готовящемся «крестовом походе» против СССР? «Через все противоречия между империалистами», которые остаются и обостряются с каждым днем, с новой силой пробилась основная тенденция окружения СССР, сняв с порядка дня такие события, как Локарно, как англо-французский конфликт и т. д. Исключительный темп развертывания международных событий привел к тому, что сегодня уже воплотилось в жизнь то, что VII пленумом было выявлено, как *тенденция* развития международных отношений. С еще большей яркостью и остротой подтверждается этот анализ на событиях в Китае. Китайская революция—это ключ к пониманию международного положения. Уже первые серьезные победы национально-освободительного движения вызвали самое глубокое беспокойство в рядах империалистов. По мере продвижения национально-революционной армии на север, соединенные силы империалистов занимали наиболее важные стратегические пункты, захватывали китайские порты своим флотом, концентрировали в Китае свои войска. Война об'единенного блока империалистов против Китая—это важнейший фактор международной жизни. Империалистам не удалось «прямое подавление китайской революции», но им удалось перетянуть на свою сторону китайскую буржуазию, которая под напором растущего движения рабочего

класса и поднявшейся на громадную высоту аграрной революции, перешла в лагерь контрреволюции. Китайская революция, прошедшая уже через ряд серьезных поражений, но все глубже уходящая корнями в массы, все яснее показывает свое подлинное лицо не только антиимпериалистической революции, но и революции, в которой заложена тенденция перехода в социалистическую. СССР, как база мировой пролетарской революции, китайская революция, как ее великий союзник в борьбе против империализма, как мощный революционный тыл, являются основными пунктами, на сокрушении которых сосредоточивает все свои силы мировой империализм. Сейчас, как никогда, становится ясной вся гениальная сила предвидения Ленина, который указывал, что линия фронта будущего мирового столкновения будет пролегать между подымающимися революциями на Востоке, во главе которых будет стоять СССР, и мировым империализмом.

Но если действительность подтверждает правильность нашей оценки международного положения, если все яснее становятся главные тенденции международного развития, то это далеко не значит, что мы можем предвидеть конкретные формы, в которых реализуются эти основные тенденции. Ленин предупреждал международный пролетариат: «Надо об'яснять людям реальную обстановку того, как велика тайна, в которой война рождается и как беспомощна обычная организация рабочих, хотя и называющая себя революционной, перед лицом действительно надвигающейся войны». Было бы величайшей ошибкой забывать о том, что не только рабочий класс, трудящиеся массы всего мира, но и мировая буржуазия по-своему учитывает опыт мировой войны и всей полосы развития после войны. Мировая буржуазия великолепно понимает, что ей нужны новые методы, новые способы воздействия, новые лозунги, чтобы вовлечь в войну широкие трудящиеся массы, еще сохранившие в памяти жестокие, кровавые уроки войны 1914 года, массы, бывшие свидетелями и участниками ряда пролетарских революций, которые видят перед собой пример СССР.

Лучшей иллюстрацией к этому является интервенция в Китае, которая была начата под флагом так называемой «защиты жизни иностранцев», а развернулась в прямую войну против китайской революции. И тот факт, что эта война империалистов в Китае не вызвала еще достаточно сильного отпора рабочего класса Европы и Америки, то, что наличие войны в Китае недостаточно проникло в сознание европейского рабочего класса, необходимо серьезнейшим образом учесть и нам.

Надо заранее предвидеть, что в своем стремлении развернуть войну в Китае также в войну против СССР, международные империалисты применят еще более тонкие приемы. Несмотря на кампанию лжи и клеветы, которую с помощью социал-демократических прихвостней и ультра-левых ренегатов международная буржуазия ведет против СССР, им не удалось поколебать величайшее сочувствие и поддержку, которую встречает в рядах рабочего класса всего мира, растущая и крепнущая пролетарская революция в СССР. Буржуазия держит наготове фашистские банды в окраинных с СССР буржуазных государствах, всеми силами пытаясь создать прочный блок этих государств. Своей главной задачей она поставила представить СССР, как нападающую сторону, как угрозу «цивилизованному» миру, а своим

излюбленным методом для осуществления этой задачи она избрала провокации СССР.

Все это означает, что Коммунистический Интернационал должен со всей остротой развернуть сейчас свою программу борьбы против войны, программу, которая проверена опытом войны 1914 года, программу, которую через все испытания мировой войны наша партия пронесла, сохранила, как знамя международного большевизма.

О том, что делать коммунистам в борьбе против опасности войны, мы имеем четкие, ясные указания Ленина. Исключительное значение придавал Ленин тому, чтобы поставить правильно пропаганду и раз'яснение уроков войны 1914 года. «В связи с недавним опытом войны мы должны раз'яснить, какая масса и теоретических и житейских вопросов станет на другой день после об'явления войны, отнимая всякую возможность у громадного большинства призываемых относиться к этим вопросам со сколько-нибудь ясной головой и сколько-нибудь добросовестной предубежденностью».

Надо сделать так, чтобы эти теоретические вопросы стали ясными возможно более широким кругам рабочего класса сегодня, сейчас. Ленин указывал также, что наиболее распространенным предрассудком является тот, который поддерживают в широких массах социал-демократы, а именно, что вопрос об отношении к войне прост и ясен.

Пролетариям всех стран надо уже сейчас отдать себе ясный отчет в том, какую позицию они должны занимать в войне, которую буржуазия их страны поведет против социалистического государства, которую они уже ведут против национально-освободительной революции на Востоке.

Главным лозунгом, который выдвигала наша партия в империалистической войне 1914 г., был лозунг превращения ее в войну гражданскую. Это остается абсолютно верным и сейчас. Борясь против возглавлявшегося т. Троцким течения в рядах социалистов,—течения, которое выдвинуло якобы революционный, а на деле оппортунистический лозунг «ни побед, ни поражений»,— Ленин писал: «Единственной политикой действительного, не словесного разрыва «гражданского мира», признания классовой борьбы, является политика *использования* пролетариатом *затруднений* своего правительства и своей буржуазии *для их низвержения*. А этого нельзя достигнуть, к этому *нельзя стремиться*, не желая поражения своему правительству, не содействуя такому поражению» (т. XIII, стр. 82).

За или против лозунга—«поражение своего правительства в империалистической войне»—это было водоразделом между подлинными противниками империалистской войны, между подлинными борцами за превращение империалистской войны в войну гражданскую и теми, кто, прикрываясь «надутыми фразами», на деле являлись оппортунистами.

Ленин указывал также конкретные шаги, направленные к осуществлению этих лозунгов, в том числе создание нелегальной организации, братание и поддержку массовых выступлений рабочего класса.

Меняется ли что-нибудь в нашей тактике, в наших лозунгах в случае новой войны, поскольку речь идет о тактике компар-

тии в буржуазных странах? Нет. Эти лозунги остаются в силе, приобретая, однако, другой характер и другие формы.

Война империалистических государств против СССР имеет только один об'ективный смысл: это есть война империалистической буржуазии против базы, опоры международной революции, это есть борьба против одного из отрядов международного рабочего класса, которому удалось вырваться из рамок капиталистического мира и организоваться, как рабочее государство. Борьба капиталистов против СССР—это есть борьба обреченного на гибель, но борющегося за свое сохранение империалистического строя против новой формы политической и хозяйственной организации общества, которую способен создать только рабочий класс. И в войне, которую ведет буржуазия, против пролетарского государства рабочий класс капиталистических стран должен не только желать поражения своему правительству, не только использовать его затруднения для низвержения власти буржуазии, но быть целиком и полностью *на стороне* рабочего социалистического государства. Это означает также, что коммунисты капиталистических стран, ведущих борьбу против СССР, должны призывать солдат не только к братанию, но и к прямому переходу на сторону социалистического государства. Все это относится также к борьбе империалистов против национально-освободительных движений и революций. Рабочий класс империалистических стран должен быть целиком и полностью на стороне народов, ведущих национально-освободительную борьбу против империалистов.

Совершенно ясно также, что рабочий класс должен по-другому ставить вопрос о наступательной и оборонительной войне со стороны СССР и со стороны национально-освободительной революции. Одной из форм обмана трудящихся масс в войне 1914 года была попытка со стороны буржуазных правительств при активной поддержке социал-демократов оправдать участие в войне тем соображением, что «на нас напали», «мы ведем войну оборонительную». Этот обман подготовляется снова. Французские социал-оппортунисты уже сейчас создают предпосылки для новой войны своими разговорами об опасности нападения со стороны Германии, замалчиванием стремлений «своей» буржуазии, «своего» правительства. Новый военный закон, проведенный руками социалистов во Франции, ярко окрашен в «оборонительные» цвета.

Только одна страна в мире действительно не ставит перед собой никаких захватнических задач, только одна страна ведет действительную борьбу за мир—это СССР. Сбить с толку массы рабочего класса в этом вопросе, доказать, что и СССР является таким же империалистическим государством, как и остальные, государством, которое-де хочет «на штыках нести революцию» в другие страны—над этим уже давно, с помощью ренегатов от коммунизма, работает международная социал-демократия. Но вся политика СССР, выражающая стремление обеспечить мирные условия для социалистического строительства, его реагирование на участившиеся в последнее время провокации служит достаточным доказательством тому, что действительную наступательную войну против СССР готовят империалисты, что страной, которая будет обороняться, отстаивая свою самостоятельность от капиталистического мира, является СССР. Раз'яснение

этого на основе конкретных фактов, на основе всей истории борьбы СССР за свое существование, в особенности на основе опыта интервенции империалистов против СССР—это важнейшая задача коммунистов всех стран. Необходимо раз'яснять, что в той войне, которую империалисты готовят против СССР, всякий успех рабочего государства будет расшатывать империалистический фронт, помогая рабочим капиталистических стран в их борьбе за выход из империалистической войны против СССР, в их борьбе за свержение своих буржуазных правительств и в создании союза с первым социалистическим государством рабочего класса.

Этими проблемами далеко не исчерпываются задачи коммунистов в их борьбе против опасности войны. Важнейшей задачей, которую поставил Ленин, является создание нелегальной организации для борьбы против войны. Коммунистический Интернационал имеет уже большой опыт в этом отношении: опыт русских большевиков, опыт спартаковцев, опыт борьбы коммунистов во время оккупации Рура и т. д. Изучить этот опыт, сделать его доступным широким массам членов компартии и рабочим, упорно раз'яснять, что буржуазия в подготовке войны, а в особенности после об'явления войны, сделает все возможное, чтобы разбить организации рабочего класса, которые будут вести антивоенную работу—это задача наиболее важная из всех, стоящих перед Коминтерном.

Повседневная усиленная пропаганда, раз'ясняющая все эти вопросы, пропаганда, которая должна регистрировать все мельчайшие факты, показывающие, как растет опасность войны, как империалисты готовят ее, является могучим орудием в борьбе против опасности войны. Именно сейчас громадную роль, если не в предотвращении, то хотя бы в отсрочке войны, может и должен сыграть активный отпор рабочего класса. Повышение активности рабочего класса, усиление классовой борьбы, сопротивление всем попыткам милитаризации рабочей молодежи, борьба с фашистской опасностью—это лучший залог того, что рабочий класс сумеет активно реагировать и на опасность войны.

Борьба за влияние на широкие массы рабочего класса и расширение связей с широкими массами трудящихся приобретает в свете растущей опасности войны новый великий смысл, так как эта борьба означает не только возможность усиления отпора рабочего класса, но и возможность увеличения поддержки рабочему классу и трудящимся массам революционного Китая.

Останавливаясь особо на событиях в Китае, отметим сначала, что вооруженная борьба иностранных империалистов против китайской революции представляет собою факт отнюдь не только китайского значения. Борьба с Китаем—одно из звеньев наступления капитала в мировом масштабе, кульминационным пунктом которого должна будет явиться блокада и интервенция против СССР.

В настоящий момент можно считать уже бесспорным, что шанхайская измена, которая рассматривается и провозглашается оппозиционными паникерами, как *катастрофическое* поражение китайской революции, на самом деле выражает собою ее переход в следующую, высшую фазу развития. Было бы чистейшей маниловщиной предполагать, что подобного рода переходы могут протекать безболезненно. Но в то же время надо быть очень

сильно пораженным фракционной слепотой, чтобы, за временным ослаблением, за временной утратой некоторых позиций, не видеть огромного и положительного значения происходящей сейчас перегруппировки классовых сил. Еще в декабре прошлого года VII пленум ИККИ в своей резолюции отметил, что в Китае «движение находится на пороге третьей стадии, накануне новой перегруппировки классов. На этой ступени развития основной силой движения явится блок еще более революционного характера—блок пролетариата, крестьянства и городской мелкой буржуазии... Гегемоном в движении на этой стадии все более и более становится пролетариат». Этот прогноз оправдался полностью. И попытки оппозиции изобразить дело таким образом, будто предательство Чан-Кай-Ши свидетельствует о крахе линии КИ в китайском вопросе, представляют собою лишь чудовищную, позорную клевету.

Мы видим, что уже за несколько месяцев до предательства Чан-Кай-Ши ИККИ предсказывал отход буржуазии от революции и ее переход в лагерь контрреволюции. Было бы, однако, ошибкой определять тактику революции на одном этапе ее развития, исходя из того соотношения сил, которое сложится на другом этапе. Было бы ошибкой, исходя из того, что буржуазия, представляемая Чан-Кай-Ши, предаст на третьей стадии, отказаться от ее использования на второй стадии. Между тем, именно эту ошибку старается сейчас выдать за перл политической мудрости оппозиционный блок, задним числом вопя о переоценке буржуазного крыла ГМД, о том, что с ним надо было рвать раньше, что сотрудничество с ним было не чем иным, как торможением развертывания китайской революции.

Каков итог, который мы сейчас подводим в Китае? Разбив последовательно, одного за другим У-Пей-Фу, Сун-Чаун-Фана и Чжан-Цзу-Чана, захватив основной экономический узел страны—бассейн реки Янцзы,—национальная армия и Гоминдан вышли из кантонской окраины на всекитайскую арену. Выход на всекитайскую арену, захват таких индустриальных центров, как Ханькоу, Ухан, Шанхай сопровождался и не мог не сопровождаться мощным развертыванием рабоче-крестьянского движения. При чем военный разгром милитаристов, душивших огромный район великой реки, являлся существеннейшей предпосылкой этого развертывания. С другой стороны, развязывание рабоче-крестьянского движения неизбежно должно было привести к развязыванию классовой борьбы в кантонском лагере, борьбы крупной буржуазии с пролетариатом, крестьянством и городской мелкой буржуазией. Этот процесс завершился отколом первой, предательством Чан-Кай-Ши.

В свете последних шанхайских событий становится особенно очевидной нелепость утверждения оппозиции, будто бы правительство Гоминдана представляло не что иное, как диктатуру буржуазии. Будь это так,—выступление Чан-Кай-Ши было бы совершенно необ'яснимо. С какой стати станет лидер буржуазии устраивать мятеж против буржуазной диктатуры? Если бы Гоминдан был орудием буржуазной диктатуры, то невозможно было бы понять наличность уханского правительства, борющегося с контрреволюционным центром, который Чан-Кай-Ши пытается сколотить в Нанкине. Если бы оппозиционная точка зрения была верна, то отход буржуазии от революции означал бы окончательную ликвидацию Гоминдана, как революционной организации. Между тем, как на деле совершенно бесспорно, что отход буржуазии несет с собой дальнейшее закрепление и упрочение именно революционной позиции Гоминдана.

Перегруппировка классовых сил внутри Китая повлекла за собой и известную перестройку рядов в среде империалистов. Именно переход китайской революции на новую, высшую ступень, уточнение ее социального характера ставит по-новому вопрос об иностранной интервенции. *Дифференциация* в национально-революционном лагере, выделение в нем революционного антикапиталистического ядра повлекла за собой известное *сплочение* сил в контрреволюционном лагере. Глубокая пропасть, созданная 12 апреля между Гоминданом и буржуазией, в значительной степени сгладила противоречия между империалистическими группировками и создала предпосылки для установления у них более или менее единой точки зрения более или менее единой линии действия.

В чем заключалось существо разногласия между Англией, с одной стороны, Америкой и Японией, с другой, в китайском вопросе? Английский капитализм, наиболее загнивший и потому наиболее реакционный, с самого начала занял резко-враждебную позицию в вопросе о китайской революции независимо от ее социального характера. Английская буржуазия считала, что победа китайской революции *даже* как чисто буржуазной революции означала бы серьезную угрозу британскому колониальному господству. Отсюда попытки Англии организовать интервенцию уже против Чан-Кай-Ши, вождя буржуазного крыла Гоминдана. На этой стадии ей, однако, трудно было сговориться с Америкой и Японией, которые полагали, что китайская революция, как *чисто буржуазная*, представляла бы значительно меньшую опасность, компенсирующуюся перспективами вытеснения английского конкурента. Более умеренная позиция Японии и Соед. Штатов до шанхайских событий нашла чрезвычайно характерное обоснование на столбцах газеты «Джапан Таймс» от декабря 1926 года:

> «Разговоры о том, что движение в Китае—красного цвета, будто оно предназначено уничтожить существующие учреждения страны, выражают близорукую точку зрения. Даже в том случае, если иностранные державы и потеряют коекакие из своих непосредственных выгод, в конечном счете они все же больше выиграют от создания замиренного и прогрессивого Китая».

Само собою разумеется, что под «прогрессивным Китаем» «Japan Times» понимает буржуазный Китай. Этому буржуазному Китаю американская и японская буржуазия на определенных условиях, за известную плату согласна была не мешать.

Сейчас положение изменилось. Стало очевидным для всех, что «красный цвет» движения в Китае—это не только разговоры. Факт единого фронта китайской революции, отныне являющейся революцией только рабочих, крестьян и городской мелкой буржуазии, с революционным пролетариатом Запада и в первую очередь СССР, встал во весь свой рост перед международным капиталом. И если возможны были колебания и расхождения, когда речь шла об интервенции против движения,

которое казалось движением китайской буржуазии, то этих колебаний и сомнений не будет в вопросе об интервенции против движения китайских рабочих и крестьян, в вопросе о вооруженном подавлении китайского участка мирового революционного фронта. Китайской революции придется вести борьбу с об'единенными силами иностранных империалистов и блока отечественных милитаристов и отечественной буржуазии. Это будет борьба неслыханно трудная, во много раз более трудная, чем та, которая велась до сих пор. Справится ли революция, справится ли руководящий ею Гоминдан с этими трудностями?

Сумеет ли Гоминдан разрешить огромные и усложненные военные задачи, которые перед ним стоят? Вне всякого сомнения, сумеет, если он правильно разрешит стоящие перед ним политические задачи, если он будет вести правильную революционную политику. Противопоставление военных и политических задач, находящее свое выражение в формуле тов. Чен-Ду-Сю: «углубление революции лишь после ее расширения» в корне неверно в корне ошибочно точно так же, как в корне неверно находящее свое выражение в криках оппозиции *игнорирование* задач антиимпериалистской борьбы, задач борьбы против милитаристов.

Недавно опубликованная резолюция по аграрному вопросу V С'езда Китайской Компартии свидетельствует о том, что, вопреки клевете, распространяемой относительно нее нашей оппозицией и ее ультра-левыми подголосками за границей, китккомпартия достаточно отчетливо осознала стоящие перед нею задачи. Сформулированная в этой резолюции программа конфискации земельных владений джентри и земельного передела, осуществление которой приведет к национализации земли—эта программа послужит твердой основой для закрепления и упрочения роли пролетариата, как гегемона китайской революции.

Вопрос о гегемонии пролетариата в китайской революции на данной стадии развития становится центральным. Только при гегемонии пролетариата, только под его руководством может завершиться окончательной победой аграрная революция.

Каким образом, в каких организационных формах осуществима гегемония пролетариата в китайской революции? Мы должны со всей четкостью заявить, что на нынешнем этапе единственной исторически данной организационной формой союза китайских рабочих и крестьян, союза, в котором руководящую роль может и должен завоевать, уже завоевывает пролетариат,—является Гоминдан. Непонимание этого положения означает полное непонимание механики развертывания революционного процесса в Китае.

Оппозиция выдвинула разбитую вдребезги фактами теорию, согласно которой Гоминдан является орудием буржуазной диктатуры. Необходимым логическим выводом отсюда было требование выхода китайской компартии из Гоминдана, ибо, в самом деле, очевидно, что коммунистическая партия не может оставаться в рядах организации, осуществляющей буржуазную диктатуру. Совершенно ясно, что это требование имело в своей основе глубокое неверие в возможность для китайского пролетариата и его партии отвоевать в рамках Гоминдана у буржуазии руководство крестьянством и мелкой буржуазией, составляющими главную массу ГМД. Сейчас о выходе компартии из ГМД

оппозиция уже говорить не решается. Но она протаскивает эту же «идею» в другом выражении, когда требует *немедленного* создания советов рабочих и крестьянских депутатов. Оппозиция фактически требует создания советов *для борьбы* с Гоминданом и его правительством, которое с ее точки зрения является буржуазным, является силой, тормозящей развертывание революции. Гоминдан—орудие буржуазной диктатуры, компартия должна выйти из Гоминдана; в противовес Гоминдану и для борьбы с ним необходимо *немедленное* создание советов—такова цепь оппозиционных посылок и выводов, цепь гнилая в каждом своем звене и в целом представляющая собою оппортунистическое искажение действительного положения вещей, намечающая пораженческую линию китайской компартии, которая является кратчайшим и вернейшим путем к гибели как самой компартии, так и революции.

Задача заключается не в том, чтобы через советы мобилизовать массы на борьбу с Гоминданом. Задача в том, чтобы возможно более широкие массы вовлечь в Гоминдан. Демократизация Гоминдана, всасывание новых и новых отрядов трудящихся как в индивидуальном порядке, так и через коллективный прием, через включение в ряды Гоминдана профессиональных союзов, крестьянских союзов, крестьянских комитетов, арм. организаций—вот что сделает Гоминдан еще в большей мере, чем сейчас, орудием *масс* в их борьбе за свое национальное и классовое освобождение. Только таким образом Гоминдан сумеет разрушить старую государственную машину, забитую продажными и реакционными чиновниками, крепко овладеть армией и военным аппаратом, создать не только наверху, но и внизу подлинно-революционную народную власть. Только проводя в ГМД *эту* линию, китайские коммунисты могут осуществить историческое призвание своего класса.

Великая китайская революция теперь теснее, неразрывнее, чем когда бы то ни было раньше, связана с мировой революцией, больше, чем когда бы то ни было раньше, является ее составной частью. Наступление на нее мирового империализма—этап и звено общего наступления мирового империализма на международный пролетариат. Застрельщиком в этом наступлении является английская буржуазия. При помощи желтых «рабочих» вождей она разгромила всеобщую и угольную стачку, проводить билль, кастрирующий профсоюзы, и, закрепив таким образом тыл, ринулась в Китай и готовит прыжок в СССР. Интервенция в Китае—это ступень к интервенции в СССР, к новому кровавому побоищу, которое всячески провоцируется налетами на наши представительства, взломами сейфов, фабрикацией и публикованием фальшивок и т. п., «джентльменскими» методами. Война в Китае, подготовка войны с СССР самым непосредственным образом задевает кровные интересы мирового пролетариата; она является знаменем мировой реакции. В той же мере знаменем мирового рабочего класса является борьба за мир до тех пор, пока это возможно, борьба с войной через ее превращение в гражданскую войну, если она вспыхнет.

Идеологическая подготовка войны буржуазией заключается в первую очередь в том, что она отравляет сознание трудящихся пацифистскими иллюзиями. Эту задачу ей в высокой степени облегчают ее социал-демократические лакеи. Беспощадное, после-

довательное разоблачение этих иллюзий является поэтому первым элементом нашей боевой подготовки.

Усиление работы в армии, создание такого аппарата, который сделал бы возможным во всякое время переход наших заграничных партий на нелегальное положение, закрепление под этим углом зрения всевозможных организационных связей—таков другой элемент этих связей.

Время не ждет. Необходима работа форсированным темпом. Коминтерн находится перед великой исторической проверкой. И мы глубочайшим образом убеждены, что он с честью выдержит эту проверку.

Революция в Китае и задачи Коминтерна.

(Речь, произнесенная на X заседании ИККИ 24 мая 1927 г.).

1. Некоторые мелкие вопросы.

Товарищи! Я должен извиниться, что опоздал сегодня на заседание Исполкома и не мог заслушать полностью речь т. Троцкого, которую он здесь читал на Исполкоме. Я думаю, однако, что т. Троцкий дал за последние дни такую массу литературы, тезисов и писем в Исполком по китайскому вопросу, что в материалах для критики оппозиции у нас не может быть недостатка. Поэтому в своей критике ошибок т. Троцкого я буду исходить из этих документов, не сомневаясь, что эта критика будет вместе с тем критикой основ сегодняшней речи т. Троцкого.

Я постараюсь, по возможности, отмести личный элемент в полемике. Личные нападки тт. Троцкого и Зиновьева на отдельных членов Политбюро ЦК ВКП и Президиума ИККИ не стоят того, чтобы останавливаться на них. Видимо, т. Троцкий хотел бы изобразить из себя некоего героя на заседаниях Исполкома Коминтерна с тем, чтобы превратить работу Исполкома по вопросам о военной опасности, китайской революции и т. д.,— в работу по вопросу о Троцком. Я думаю, что т. Троцкий не заслуживает такого большого внимания. (Голос с места: «Правильно!»). Тем более, что он напоминает больше актера, чем героя, а смешивать актера с героем нельзя ни в коем случае. Я уже не говорю о том, что нет ничего оскорбительного для Бухарина или Сталина в том, что такие люди, как тт. Троцкий и Зиновьев, уличенные VII расширенным пленумом Исполкома в социал-демократическом уклоне, поругивают почем зря большевиков. Наоборот, было бы для меня глубочайшим оскорблением, если бы полуменьшевики типа тт. Троцкого и Зиновьева хвалили, а не ругали меня.

Я не буду также распространяться о том, нарушила ли оппозиция своими нынешними фракционными выступлениями обязательства, данные ею 16-го октября 1926 г. Тов. Троцкий уверяет, что по декларации оппозиции от 16-го октября 26 г. он имеет право отстаивать свои взгляды. Это, конечно, верно. Но, если т. Троцкий думает утверждать, что этим исчерпывается декларация, то это нельзя назвать иначе, как софизмом. В декларации оппозиции от 16-го октября говорится не только о правах оппозиции отстаивать свои взгляды, но и о том, что эти взгляды могут быть отстаиваемы лишь в партийно-допустимых рамках, что фракционность должна быть отброшена и ликвидирована, что оппозиция обязана «безоговорочно подчи-

няться» воле партии и решениям ЦК, что оппозиция должна не только подчиняться этим решениям, но и «проводить» их в жизнь добросовестно. Следует ли еще доказывать после всего этого, что декларация оппозиции от 16-го октября 1926 г. нарушена ею и разорвана в клочки самым грубым образом.

Не буду также распространяться о неприличных и грубо-клеветнических извращениях позиции ЦК ВКП и Коминтерна по китайскому вопросу, данных в многочисленных тезисах, статьях и речах оппозиции. Тт. Троцкий и Зиновьев не перестают утверждать, что ЦК ВКП и Коминтерн отстаивали и отстаивают, будто бы, политику «поддержки» национальной буржуазии в Китае. Едва ли нужно доказывать, что это утверждение тт. Троцкого и Зиновьева является вымыслом, клеветой, умышленным извращением дела. На самом деле ЦК ВКП и Коминтерн отстаивали не политику поддержки национальной буржуазии, а политику *использования* национальной буржуазии, *пока* революция в Китае была революцией *общенационального* об'единенного фронта, и эту политику *заменили* они потом политикой *вооруженной борьбы* с национальной буржуазией, *когда* революция в Китае стала революцией *аграрной*, а национальная буржуазия стала отходить от революции. Стоит просмотреть такие документы, как резолюция VII расширенного пленума, известное воззвание Исполкома Коминтерна, тезисы Сталина для пропагандистов, наконец, тезисы т. Бухарина, представленные на-днях Президиуму Исполкома Коминтерна,—чтобы убедиться в этом. Несчастье оппозиции в том именно и состоит, что она не может обойтись без клеветы и извращений.

Перейду прямо к делу.

2. Аграрно-крестьянская революция, как основа буржуазно-демократической революции.

Основная ошибка т. Троцкого состоит в том, что он не понимает смысла и характера китайской революции. Коминтерн исходит из того, что преобладающим фактором гнета в Китае в данный момент, стимулирующим аграрную революцию, являются *пережитки феодализма*. Коминтерн исходит из того, что пережитки феодализма в китайской деревне и вся милитаристско-бюрократическая надстройка над этими пережитками со всеми дзюдзюнами, губернаторами, генералами, Чжан-Цзо-Линами и т. д.,—являются той базой, на основе которой возникла и развертывается нынешняя аграрная революция. Если 70% крестьянских доходов в целом ряде провинций принадлежат помещику и джентри, если помещики, вооруженные и невооруженные, являются не только экономической, но административной и судебной властью, если до сих пор еще в ряде провинций практикуется средневековая купля и продажа женщин и детей,—то нельзя не признать, что феодальные пережитки являются основной формой гнета в китайских провинциях. Именно потому, что феодальные пережитки со всей их милитаристско-бюрократической надстройкой являются основной формой гнета в Китае,— именно поэтому и переживает теперь Китай величайшую по своей силе и размаху аграрную революцию. А что такое аграрная революция? Она именно и есть основа и содержание буржуазно-демократической революции. Именно поэтому и говорит Коминтерн, что Китай переживает в настоящий момент буржуазно-демократическую революцию.

Но буржуазно-демократическая революция в Китае направлена не только против феодальных пережитков. Она направлена вместе с тем против империализма. Почему? Потому, что империализм со всей его финансовой и военной мощью в Китае есть та сила, которая поддерживает, вдохновляет, культивирует и консервирует феодальные пережитки со всей их бюрократически-милитаристской надстройкой. Потому, что нельзя ликвидировать феодальные пережитки в Китае, не ведя вместе с тем революционную борьбу против империализма в Китае. Потому, что, кто хочет уничтожить феодальные пережитки в Китае, тот должен обязательно поднять руку против империализма и империалистических групп в Китае. Потому, что, не ведя решительной борьбы с империализмом, нельзя добить и ликвидировать феодальные пережитки в Китае. Именно поэтому и говорит Коминтерн, что буржуазно-демократическая революция в Китае является вместе с тем революцией антиимпериалистической.

Таким образом, нынешняя революция в Китае является соединением двух потоков революционного движения: движения против феодальных пережитков и движения против империализма. Буржуазно-демократическая революция в Китае есть соединение борьбы против феодальных пережитков с борьбой против империализма.

Таков исходный пункт всей линии Коминтерна (а, значит, и ЦК ВКП) по вопросам китайской революции.

А каков исходный пункт позиции т. Троцкого по китайскому вопросу? Он *прямо противоположен* только-что изложенной точке зрения Коминтерна. Тов. Троцкий либо вовсе не признает наличия феодальных пережитков в Китае, либо не придает им решающего значения. Тов. Троцкий (а, значит, и оппозиция), недооценивая силу и значение феодально-бюрократического гнета в Китае, полагает, что основной причиной китайской национальной революции является государственно-таможенная зависимость Китая от стран империализма. Позвольте сослаться на известные тезисы т. Троцкого, присланные в ЦК ВКП и в Исполком Коминтерна несколько дней тому назад. Заглавие этих тезисов т. Троцкого: «Китайская революция и тезисы Сталина». Вот что пишет т. Троцкий в этих тезисах:

«В корне несостоятельна попытка т. Бухарина оправдать оппортунистическую, соглашательскую линию ссылками на преобладающую, будто бы, роль в китайской экономике «остатков феодализма». Если бы даже оценка т. Бухариным китайского хозяйства была основана на экономическом анализе, а не на схоластических определениях, «остатки феодализма» все равно не могли бы оправдать ту политику, которая столь явно облегчила апрельский переворот. Китайская революция имеет национально-буржуазный характер *по той основной причине*, что развитие производительных сил китайского капитализма уперлось в *государственно-таможенную* [1]) зависимость Китая от стран империализма» (см. Троцкий, «Китайская революция и тезисы Сталина»).

[1]) Подчеркнуто мною. *И. Ст.*

При невнимательном отношении к этой цитате, можно подумать, что т. Троцкий воюет не против линии Коминтерна по вопросу о характере китайской революции, а против «соглашательской политики» тов. Бухарина. Но это, конечно, неверно. На самом деле в этой цитате речь идет об *отрицании* «преобладающей роли» феодальных пережитков в Китае. На самом деле речь идет здесь о том, чтобы об'явить развертывающуюся ныне *аграрную* революцию в Китае революцией верхушечной, революцией, так сказать, антигаможенной. Болтовня о «соглашательской политике» т. Бухарина понадобилась здесь т. Троцкому для того, чтобы прикрыть свое отступничество от линии Коминтерна. Это есть—скажу прямо—обычный мошеннический прием т. Троцкого.

По-Троцкому выходит, таким образом, что феодальные пережитки в Китае со всей их милитаристско-бюрократической надстройкой являются не основной пружиной китайской революции в данный момент, а второстепенной и незначительной силой, заслуживающей лишь того, чтобы ставить ее в кавычки.

По-Троцкому выходит, таким образом, что «основной причиной» нацинальной революции в Китае является таможенная зависимость Китая от империалистов, что революция в Китае является, в виду этого, главным образом, революцией, так сказать, антитаможенной.

Таков исходный пункт концепции т. Троцкого. Такова точка зрения т. Троцкого на характер китайской революции.

Позвольте отметить, что эта точка зрения есть точка зрения статского советника «его величества» Чжан-Цзо-Лина.

Если точка зрения т. Троцкого правильна, тогда надо признать, что правы Чжан-Цзо-Лин и Чан-Кай-Ши, не желающие ни аграрной, ни рабочей революции и добивающиеся лишь того, чтобы отменить неравные договоры и установить таможенную автономию Китая. Тов. Троцкий скатился на точку зрения канцеляристов Чжан-Цзо-Лина и Чан-Кай-Ши.

Если остатки феодализма надо ставить в кавычках; если Бухарин неправ, а, стало быть, неправ и Коминтерн, что остатки феодализма имеют преобладающее значение на данной стадии революции; если основой китайской революции является таможенная зависимость, а не борьба с феодальными пережитками и с поддерживающим их империализмом,—то что же остается тогда от аграрной революции в Китае? Откуда взялась аграрная революция с требованием конфискации и национализации помещичьих земель? На каком основании считают, в таком случае, китайскую революцию революцией буржуазно-*демократической*? Разве это не факт, что аграрная революция является основой буржуазно-*демократической* революции? Неужели аграрная революция могла упасть с неба? Разве это не факт, что миллионы и десятки миллионов крестьян вовлечены в величайшую аграрную революцию в таких провинциях, как Хунань, Хубей, Хенань и т. д., где крестьяне устанавливают свою власть, свой суд, свою самооборону, изгоняя вон помещиков и расправляясь с ними «по-плебейски»? Откуда могло взяться такое мощное аграрное движение, если феодально-милитаристский гнет не является преобладающей формой гнета в Китае? Как могло это мощное движение десятков миллионов крестьян принять, вместе с тем, антиимпериалистический характер, если не считать, что империализм является основным союзником феодально-милитаристских угнетателей китайского народа? Разве это не факт, что в одной только Хунани насчитывается теперь в крестьянском союзе свыше двух с половиной миллионов членов? А сколько их состоит теперь в Хубее, в Хенани, и сколько их будет состоять в самое ближайшее время в других провинциях Китая? А «красные пики», «союзы подтянутых животов» и т. д.,—неужели все это выдумка, а не реальность? Неужели можно серьезно утверждать, что аграрная революция десятков миллионов крестьян с лозунгом конфискации помещичьих земель направлена не против действительных и несомненных пережитков феодализма, а против воображаемых пережитков феодализма в кавычках? Разве не ясно, что т. Троцкий скатился на точку зрения канцеляристов «его величества» Чжан-Цзо-Лина?

Таким образом, мы имеем две основные линии:

а) *линия Коминтерна*, учитывающая наличие феодальных пережитков в Китае, как преобладающей формы гнета, решающее значение мощного аграрного движения, связь феодальных пережитков с империализмом, буржуазно-демократический характер китайской революции с заострением борьбы против империализма;

б) *линия т. Троцкого*, отрицающая преобладающее значение феодально-милитаристского гнета, не видящая решающего значения аграрно-революционного движения в Китае и об'ясняющая антиимпериалистический характер китайской революции лишь интересами китайского капитализма, требующего таможенной самостоятельности Китая.

Основная ошибка т. Троцкого (а, значит, и оппозиции) состоит в недооценке аграрной революции в Китае, в непонимании буржуазно-демократического характера этой революции, в отрицании предпосылок многомилионного аграрного движения в Китае, в недооценке роли крестьянства в китайской революции.

Ошибка эта не новая для тов. Троцкого. Она является характернейшей чертой всей линии т. Троцкого за весь период его борьбы с большевизмом. Недооценка роли крестьянства в буржуазно-демократической революции является той ошибкой, которая преследует т. Троцкого с 1905 года, которая проявилась особенно ярко перед Февральской революцией 1917 года и которая не оставляет его до нынешнего времени.

Позвольте сослаться на некоторые факты из области борьбы т. Троцкого с ленинизмом, напр., накануне Февральской революции в 1917 году, когда мы шли к победе буржуазно-демократической революции в России. Тов. Троцкий утверждал тогда, что, так как среди крестьянства усилилась дифференциация, так как мы имеем империализм и пролетариат противопоставляет себя буржуазной нации, то роль крестьянства будет падать, а аграрная революция не будет иметь того значения, какое придавали ей в 1905 г. Что же отвечал на это Ленин? Позвольте привести цитату из сочинений Ленина в 1915 г. по вопросу о роли крестьянства в буржуазно-демократической революции в России:

«Оригинальная теория Троцкого (речь идет о «перманентной» революции Троцкого. *И. Ст.*) берет у большевиков призыв к решительной революционной борьбе пролетариата и к завое-

ванию им политической власти, а у меньшевиков—«отрицание» роли крестьянства. Крестьянство-де расслоилось, дифференцировалось; его возможная революционная роль все убывала; в России невозможна «национальная» революция: «мы живем в эпоху империализма», а «империализм противопоставляет не буржуазную нацию старому режиму, а пролетариат—буржуазной нации».

Вот—забавный пример «игры в словечко»: империализм. Если в *России* уже противостоит пролетариат «буржуазной нации», тогда значит Россия стоит прямо перед *социалистической* революцией!! Тогда неверен лозунг «конфискации *помещичьих* земель» (повторяемый Троцким в 1915 году вслед за январской конференцией 1912 года), тогда надо говорить не о «революционном рабочем», а о «рабочем в *социалистическом* правительстве»!! До каких пределов доходит путаница у Троцкого, видно из его фразы, что решительностью пролетариат увлечет и «*не*пролетарские (!) народные массы» (№ 217)!! Троцкий не подумал, что если пролетариат увлечет непролетарские массы деревни на конфискацию помещичьих земель и свергнет монархию, то это и будет завершением «национальной буржуазной революции» в России, это и будет *революционно-демократической диктатурой пролетариата и крестьянства*! [1]).

Все десятилетие—великое десятилетие—1905—1915 гг. доказало наличность двух и только двух классовых линий русской революции. Расслоение крестьянства усилило классовую борьбу внутри него, пробудило очень многие политически спавшие элементы, приблизило к городскому пролетариату сельский (на *особой* его организации большевики настаивали с 1906 года и ввели это требование в резолюцию Стокгольмского, меньшевистского с'езда). Но антагонизм «крестьянства» и Марковых-Романовых-Хвостовых усилился, возрос, обострился. Это такая очевидная истина, что *даже* тысяче фраз в десятках парижских статей Троцкого не «опровергнуть» ее. Троцкий на деле помогает либеральным рабочим политикам России, которые под «отрицанием» роли крестьянства понимают *нежелание* поднимать крестьян на революцию. А в этом сейчас гвоздь» (см. Ленин, т. XIII, стр. 213—214).

Вот эта особенность схемы тов. Троцкого, состоящая в том, что он видит буржуазию, видит пролетариат, но не замечает крестьянства и не понимает его роли в буржуазно-демократической революции,—эта именно особенность и составляет основную ошибку оппозиции по китайскому вопросу.

В этом именно и состоит «полуменьшевизм» т. Троцкого и оппозиции в вопросе о характере китайской революции.

Из этой основной ошибки проистекают все остальные ошибки оппозиции, вся путаница в тезисах оппозиции по китайскому вопросу.

3. Гоминдан правых в Нанкине, истребляющий коммунистов, и Гоминдан левых в Ухане, поддерживающий союз с коммунистами.

Взять, напр., вопрос об Ухане. Установка Коминтерна по вопросу о революционной роли Ухана известна и ясна. Так как

---

[1]) Подчеркнуто мною. *И. Ст.*

Китай переживает аграрную революцию; так как победа аграрной революции есть победа буржуазно-демократической революции, победа революционной диктатуры пролетариата и крестьянства; так как Нанкин является центром национальной контрреволюции, а Ухан центром революционного движения в Китае,—то необходима поддержка уханского Гоминдана, необходимо участие коммунистов в этом Гоминдане и в его революционном правительстве, при условии, что будет обеспечена гегемония пролетариата и его партии как в Гоминдане, так и вне Гоминдана. Является ли нынешнее уханское правительство органом революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства? Нет, пока еще не является и не скоро еще станет таким органом. Но оно имеет все шансы развиться в такой орган при дальнейшем развитии революции, при успехах этой революции.

Такова установка Коминтерна.

Совершенно по-иному смотрит на дело тов. Троцкий. Он считает, что Ухан есть «фикция», а не центр революционного движения. На вопрос о том, что представляет сейчас левый Гоминдан, тов. Троцкий отвечает: «Пока еще ничего, или почти ничего» (см. Троцкий, «Китайская революция и тезисы Сталина»). Допустим, что Ухан есть фикция. Но если Ухан есть фикция, почему т. Троцкий не требует решительной борьбы против этой фикции? С каких это пор коммунисты стали поддерживать фикцию, участвовать в фикции, возглавлять фикцию и т. д.? Разве это не факт, что коммунисты обязаны бороться с фикцией? Разве это не факт, что отказ от борьбы с фикцией со стороны коммунистов есть обман пролетариата и крестьянства? Почему же т. Троцкий не предлагает борьбы с фикцией, хотя бы путем немедленного ухода коммунистов из уханского Гоминдана и уханского правительства? Почему т. Троцкий предлагает остаться в этой фикции, не уходить оттуда? Где же тут логика? Не об'ясняется ли эта логическая несообразность тем, что тов. Троцкий, размахнувшись насчет Ухана и назвав его фикцией, струсил потом и не решился сделать соответствующий вывод в своих тезисах?

Или, напр., возьмем т. Зиновьева. В своих тезисах, розданных пленуму ЦК ВКП в апреле этого года, т. Зиновьев квалифицирует Гоминдан в Ухане, как правительство кемалистов периода 1920 г. Но правительство кемалистов это есть правительство борьбы против рабочих и крестьян,—правительство, где нет и не может быть места коммунистам. Казалось бы, что из такой квалификации Ухана может быть лишь один вывод: решительная борьба с Уханом, свержение уханского правительства. Но так могут думать обыкновенные люди, с обыкновенной человеческой логикой. Не так думает т. Зиновьев. Квалифицируя уханское правительство в Ханькоу, как правительство кемалистов, он вместе с тем предлагает оказать самую энергичную поддержку этому самому правительству, не выходить оттуда коммунистам, не покидать Гоминдана в Ухане и т. д. Он прямо говорит: «Необходимо оказать самую энергичную и всестороннюю помощь Ханькоу, организовав оттуда отпор Кавеньякам. В ближайшее время необходимо сосредоточить усилия именно на то, чтобы помочь сорганизоваться и упрочиться в Ханькоу» (см. тезисы Зиновьева). Пойми, кто может! Тов. Троцкий говорит, что Ухан есть фикция. Тов. Зиновьев, наоборот, утверждает, что Ухан есть правительство кемалистов. Отсюда следовало бы сделать вы-

вод: борьба с фикцией, или борьба за свержение уханского правительства. А между тем как т. Троцкий, так и Зиновьев пассуют перед выводом, неизбежно вытекающим из их предпосылок, а т. Зиновьев идет даже дальше, предлагая «самую энергичную и всестороннюю помощь Ханькоу». О чем говорит все это? О том, что оппозиция запуталась в противоречиях, она потеряла способность мыслить логически и растеряла все перспективы.

Путаница во взглядах, потеря всякой перспективы по вопросу об Ухане,—такова установка т. Троцкого и оппозиции, если вообще можно назвать путаницу установкой.

4. О советах рабочих и крестьянских депутатов в Китае.

Или еще возьмем, напр., вопрос о советах рабочих и крестьянских депутатов в Китае. По вопросу об организации советов мы имеем три резолюции, данные на II Конгрессе Коминтерна: тезисы Ленина об образовании *непролетарских*, крестьянских советов в отсталых странах, тезисы Роя об образовании *рабочих* и крестьянских советов в таким странах, как Китай и Индия, и специальные тезисы о том, «Когда и при каких условиях можно создавать советы рабочих депутатов».

Тезисы Ленина трактуют об образовании «крестьянских», «народных», *непролетарских* советов в странах в роде Туркестана, где нет или почти нет промышленного пролетариата. В тезисах Ленина нет ни одного слова об образовании советов *рабочих* депутатов в таких странах. При этом тезисы Ленина считают одним из необходимых условий развития и образования «крестьянских», «народных» советов в отсталых странах *прямую* поддержку революции в таких странах со стороны пролетариата СССР. Ясно, что эти тезисы имеют в виду не Китай или Индию, где есть известный минимум промышленного пролетариата и где создание *рабочих* советов, при известных условиях, является предпосылкой образования крестьянских советов, а другие страны, более отсталые, в роде Персии и т. д.

Тезисы т. Роя имеют в виду, главным образом, Китай и Индию, где имеется промышленный пролетариат. В этих тезисах предлагается образование, при известных условиях, в переходный период от буржуазной революции к пролетарской,—советов *рабочих* и крестьянских депутатов. Ясно, что эти тезисы имеют прямое отношение к Китаю.

Особые тезисы II Конгресса под заглавием «Когда и при каких условиях можно создавать советы рабочих депутатов» говорят о роли советов рабочих депутатов на основе опыта революции в России и Германии. Эти тезисы утверждают, что «советы без пролетарской революции неизбежно превращаются в пародию на советы». Ясно, что при обсуждении вопроса о немедленном образовании советов рабочих и крестьянских депутатов в Китае мы должны учесть и эти последние тезисы.

Как обстоит дело с вопросом о немедленном создании советов рабочих и крестьянских депутатов в Китае, если учесть при этом как обстановку в Китае в данный момент и существование Гоминдана в Ухане, как центра революционного движения, так и указания двух последних тезисов II Конгресса Коминтерна?

Создать советы рабочих и крестьянских депутатов *теперь*, напр., в районе деятельности уханского правительства,—это значит создать двоевластие, дать лозунг борьбы за свержение левого Гоминдана и образование новой, советской власти в Китае. Советы рабочих и крестьянских депутатов есть органы борьбы за свержение существующей власти, органы борьбы за новую власть. Появление советов рабочих и крестьянских депутатов не может не создать двоевластия, а двоевластие не может не обострить вопроса о том, кому должна принадлежать *вся* власть. Так обстояло дело в России в марте—апреле—мае—июне 1917 г. Существовало тогда Временное Правительство, которое имело в своих руках половину власти, но, пожалуй, более реальную власть, так как его все еще поддерживали войска. Наряду с этим существовали советы рабочих и солдатских депутатов, которые тоже имели в своих руках половину власти, хотя не столь реальную власть, как Временное Правительство. Лозунг большевиков состоял тогда в свержении Временного Правительства и в передаче *всей* власти советам рабочих и солдатских депутатов. Никто из большевиков не думал тогда о вхождении в состав Временного Правительства, ибо нельзя входить в состав правительства, если ведешь дело к свержению этого правительства. Можно ли сказать, что обстановка в России в марте—июне 1917 года является аналогичной нынешней обстановке в Китае? Нет, нельзя сказать. Нельзя сказать не только потому, что Россия стояла тогда перед пролетарской революцией, между тем, как Китай стоит теперь перед буржуазно-демократической революцией, но и потому, что Временное Правительство в России являлось тогда правительством контрреволюционным, тогда как нынешнее правительство в Ухане является правительством революционным в буржуазно-демократическом смысле этого слова.

Что предлагает нам, в связи с этим, оппозиция? Она предлагает немедленное создание советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов в Китае, как центров организации революционного движения. Но советы рабочих и крестьянских депутатов не есть только центры организации революционного движения. Они являются, прежде всего и главным образом, органами восстания против существущей власти, органами образования новой революционной власти. Оппозиция не понимает, что *только* как органы восстания, только как органы новой власти могут быть превращены советы рабочих и крестьянских депутатов в центры революционного движения. Без этого советы рабочих депутатов превращаются в фикцию, в придаток существующей власти, как это имело место в Германии в 1918 году и в России в июле 1917 года. Понимает ли оппозиция, что создание советов рабочих и крестьянских депутатов теперь означает создания двоевластия между советами и уханским правительством и ведет обязательно и неизбежно к лозунгу свержения уханского правительства? Я очень сомневаюсь, чтобы т. Зиновьев понимал эту простую вещь. Но т. Троцкий вполне понимает это, ибо он прямо говорит в своих тезисах, что «лозунг советов означает призыв к созданию действительных органов власти через переходный режим двоевластия» (см. тезисы Троцкого «Китайская революция и тезисы Сталина»).

Выходит, таким образом, что, создавая советы в Китае, мы создаем вместе с тем «режим двоевластия», свергаем уханско-

правительство и образуем новую, революционную власть. Очевидно, т. Троцкий берет тут за образец события из истории революции в России периода перед Октябрем 1917 года. Тогда у нас, действительно, было двоевластие, и мы, действительно, свергали тогда Временное Правительство. Но я уже говорил, что никто не думал тогда входить в состав Временного Правительства. Почему же тов. Троцкий не предлагает теперь немедленного выхода из Гоминдана и уханского правительства? Как можно создавать советы, создавать режим двоевластия и вместе с тем входить в состав того самого уханского правительства, которое собираешься свергнуть? Тезисы тов. Троцкого не дают ответа на этот вопрос. А между тем ясно, что т. Троцкий безнадежно запутался здесь в дебрях своих же собственных противоречий. Он спутал буржуазно-демократическую революцию с революцией пролетарской. Он «забыл», что буржуазно-демократическая революция в Китае не только не закончена и не только не победила еще, а стоит лишь на первой фазе своего развития. Тов. Троцкий не понимает, что отказаться от поддержки уханского правительства, дать лозунг двоевластия и свергать уханское правительство *теперь* через немедленное образование советов,—это значит оказать прямую и несомненную поддержку Чан-Кай-Ши и Чжан-Цзо-Лину.

Нам говорят: а как понять, в таком случае, образование советов рабочих депутатов в 1905 г. в России,—разве тогда мы не переживали буржуазно-демократическую революцию? Но, во-первых, советов было тогда всего два—в Ленинграде и Москве, и существование двух советов еще не создавало системы советской власти в России. Во-вторых, ленинградский и московский советы были тогда органами восстания против старой, царской власти, что лишний раз подтверждает, что нельзя рассматривать советы, как только лишь центры организации революции, что советы могут быть такими центрами лишь как органы восстания и органы новой власти. В-третьих, история рабочих советов говорит, что такие советы могут существовать и развиваться дальше лишь в том случае, если имеются благоприятные условия для прямого перехода буржуазно-демократической революции в революцию пролетарскую, если имеются, стало быть, благоприятные условия для перехода от власти буржуазной к диктатуре пролетариата. Не потому ли погибли рабочие советы в Ленинграде и в Москве в 1905 году так же, как и рабочие советы в Германии в 1918 году, что не было тогда таких благоприятных условий?

Возможно, что в 1905 г. в России не было бы советов, если бы существовала тогда в России широкая революционная организация в роде нынешнего левого Гоминдана в Китае. Но такая организация не могла существовать тогда в России, ибо элементов национального гнета не было в среде русских рабочих и крестьян, русские сами угнетали другие национальности, а организация в роде левого Гоминдана может возникнуть лишь в обстановке национального гнета, стягивающего в одну широкую организацию революционные элементы страны. Только слепые могут отрицать за левым Гоминданом роль органа революционной борьбы, роль органа восстания против феодальных пережитков и империализма в Китае. Но что из этого следует? А из этого следует то, что левый Гоминдан в Китае играет для нынешней буржуазно-демократической революции в Китае приблизительно такую же роль, какую играли советы в 1905 г. для буржуазно-демократической революции в России. Другое дело, если бы не было в Китае такой популярной и революционно-демократической организации, как левый Гоминдан. Но раз имеется такая специфическая революционная организация, приспособленная к особенностям китайских условий и доказавшая свою пригодность для дальнейшего развития буржуазно-демократической революции в Китае,—было бы глупо и неразумно разрушать эту годами созданную организацию теперь, когда буржуазно-демократическая революция только началась, которая еще не победила и которая не скоро еще победит.

Исходя из этого, некоторые товарищи делают вывод о том, что Гоминдан можно будет использовать и в будущем, при переходе к пролетарской революции, как форму государственной организации диктатуры пролетариата, при чем в этом они видят возможность мирного перехода от революции буржуазно-демократической к революции пролетарской. Возможность мирного развития революции, вообще говоря, конечно, не исключена. У нас в России тоже говорилось в начале 1917 г. о возможности мирного развития революции через советы. Но, во-первых, Гоминдан не есть советы, и если он приспособлен к делу развития буржуазно-демократической революции, то это еще не значит, что он может быть приспособлен к делу развития революции пролетарской, тогда как советы рабочих депутатов являются наиболее приспособленной формой диктатуры пролетариата. Во-вторых, даже при советах в России в 1917 г. оказался на деле исключенным мирный переход к пролетарской революции. В-третьих, пролетарских центров в Китае так мало, а враги китайской революции так сильны и многочисленны, что каждое продвижение революции вперед и каждый натиск со стороны империалистов неизбежно будут сопровождаться новыми отколами от Гоминдана и новым усилением компартии за счет авторитета Гоминдана. Я думаю, что мирный путь развития китайской революции надо считать исключенным. Я думаю, что советы рабочих и крестьянских депутатов придется обязательно создавать в Китае в переходный период от революции буржуазно-демократической к революции пролетарской. Ибо без советов рабочих и крестьянских депутатов невозможен такой переход. Надо дать сначала развернуться аграрному движению по всему Китаю, надо укрепить Ухан и поддержать его в борьбе с феодально-бюрократическим режимом, надо помочь Ухану добиться победы над контрреволюцией, надо развить широко и повсеместно крестьянские союзы, профсоюзы рабочих и другие революционные организации, как базы для создания советов, надо дать китайской компартии укрепить свое влияние в крестьянстве и в армии,—и лишь после этого необходимо создать советы рабочих и крестьянских депутатов, как органы борьбы за новую власть, как факторы двоевластия, как факторы подготовки перехода от революции буржуазно-демократической к революции пролетарской.

Создание рабочих советов в Китае не есть пустое слово или пустая «революционная» декламация. На этот вопрос нельзя смотреть так легкомысленно, как это делает тов. Троцкий. Образовать рабочие и крестьянские советы это значит, прежде всего, выйти из Гоминдана, ибо нельзя создавать советы и двигать

вперед двоевластие, призывая рабочих и крестьян к созданию новой власти, и оставаться вместе с тем в составе Гоминдана и его правительства. Создать советы рабочих депутатов это значит заменить нынешний блок *внутри* Гоминдана блоком *вне* Гоминдана, блоком, аналогичным тому блоку, который существовал у большевиков в Октябре 1917 г. с левыми эсэрами. Почему? Потому, что если там при буржуазно-демократической революции речь идет о создании революционной диктатуры пролетариата и крестьянства, и этому вполне соответствует политика блока внутри Гоминдана, то здесь, при образовании советов и при переходе к пролетарской революции речь будет итти о создании диктатуры пролетариата, о создании власти советов, а такую власть можно подготавливать и создавать лишь под руководством *одной* партии, партии коммунистов.

Далее. Советы рабочих депутатов обязывают. Сейчас в Китае рабочие получают в месяц 8—15 рублей, живут в невозможных условиях, работают чрезмерно много. Этому нужно и можно положить конец теперь же, увеличив заработную плату, введя восьмичасовой рабочий день, улучшив жилищные условия рабочего класса и т. д. Но рабочие на этом не остановятся при советах рабочих депутатов. Они скажут коммунистам—и они будут правы: если мы имеем советы, а советы являются органами власти, то нельзя ли потеснить буржуазию и «немножечко» ее экспроприировать. Коммунисты будут пустыми болтунами, если они не станут на путь экспроприации буржуазии при наличии советов рабочих и крестьянских депутатов. Можно ли и нужно ли становиться на этот путь теперь, на данной фазе революции? Нет, не нужно. Можно ли и нужно ли отказываться в будущем от экспроприации буржуазии при советах рабочих и крестьянских депутатов? Нет, нельзя. Но думать, что можно сохранить при этом блок коммунистов *внутри* Гоминдана,—значит впасть в иллюзию и не понимать механики борьбы классовых сил в период перехода от революции буржуазной к революции пролетарской.

Вот как обстоит дело с вопросом об образовании советов рабочих и крестьянских депутатов в Китае.

Как видите, он не так прост, как это изображают нам некоторые не в меру легкомысленные люди, в роде тт. Троцкого и Зиновьева.

Допустимо ли вообще, с точки зрения *принципиальной*, участие марксистов и сотрудничество с революционной буржуазией в одной общей революционно-демократической партии или в одном общем революционно-демократическом правительстве? Некоторые из оппозиционеров думают, что недопустимо. А история марксизма говорит, что при известных условиях и на известный срок вполне допустимо такое участие. Я могу бы сослаться на такой пример, как пример с Марксом в 1848 г. в Германии, во время революции против германского абсолютизма, когда Маркс с его единомышленниками входил в буржуазно-демократический союз в Рейнской провинции и когда орган этой революционно-демократической партии, «Новая Рейнская Газета», редактировался Марксом. Находясь в этом буржуазно-демократическом союзе и толкая вперед революционную буржуазию, Маркс и его единомышленники всемерно критиковали половинчатость своих союзников справа так же, как компартия в Китае, находясь в

Гоминдане, должна всемерно критиковать колебания и половинчатость своих союзников из левых гоминдановцев. Известно, что лишь весною 1849 г. Маркс и его единомышленники покинули этот буржуазно-демократический союз и приступили к самостоятельной организации рабочего класса с совершенно самостоятельной классовой политикой. Как видите, Маркс шел даже дальше, чем китайская компартия, которая входит в Гоминдан, как самостоятельная классовая партия пролетариата. Можно спорить или не спорить насчет целесообразности вхождения Маркса и его единомышленников в этот буржуазно-демократический союз в 1848 г. Роза Люксембург думает, напр., что Маркс не должен был вступать в этот буржуазно-демократический союз. Это вопрос *тактики*. Но что *принципиально* Маркс и Энгельс допускали возможность и целесообразность вхождения в состав буржуазно-революционной партии в период буржуазно-демократической революции, при известных условиях и на известный срок,— в этом не может быть никаких сомнений. Что касается участия марксистов в революционно-демократическом правительстве и сотрудничества там с революционной буржуазией, при известных условиях и известной обстановке, то на этот счет мы имеем указания таких марксистов, как Энгельс и Маркс. Известно, что Энгельс в своей брошюре «Анархисты за работой» высказывался за такое участие. Известно также, что Ленин в 1905 г. также высказывался за допустимость такого участия в буржуазно-демократическом революционном правительстве.

5. Две линии.

Итак, перед нами две совершенно различных линии по китайскому вопросу: линия Коминтерна и линия тт. Троцкого и Зиновьева.

Линия Коминтерна. Феодальные пережитки и опирающаяся на них бюрократически-милитаристская надстройка, всячески поддерживаемая империалистами всех стран, являются основным фактом нынешней китайской действительности. Китай переживает в настоящий момент аграрную революцию, направленную как против феодальных пережитков, так и против империализма. Аграрная революция составляет основу и содержание буржуазно-демократической революции в Китае. Гоминдан в Ухане и уханское правительство являются центром буржуазно-демократического революционного движения. Нанкин и нанкинское правительство представляют центр национальной контрреволюции. Политика поддержки Ухана является вместе с тем политикой развертывания буржуазно-демократической революции со всеми вытекающими отсюда последствиями. Отсюда участие коммунистов в уханском Гоминдане и в уханском революционном правительстве, участие, которое не исключает, а предполагает всемерную критику со стороны коммунистов половинчатости и колебаний своих союзников в Гоминдане. Это участие коммунистов должно быть использовано для того, чтобы облегчить пролетариату роль гегемона в китайской буржуазно-демократической революции и приблизить момент перехода к революции пролетарской. К моменту, когда буржуазно-демократическая революция будет приближаться к полной победе и когда в ходе буржуазной революции будут намечаться пути к переходу к проле-

тарской революции,—к этому моменту нужно создавать советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, как факты двоевластия, как органы борьбы за новую власть, как органы новой власти, власти советов. К этому времени блок коммунистов внутри Гоминдана должен быть заменен блоком вне Гоминдана, а компартия должна стать *единственной* руководительницей *новой* революции в Китае. Предлагать теперь, как это делают тт. Троцкий и Зиновьев, *немедленное* образование советов рабочих и крестьянских депутатов и *немедленное* создание двоевластия, теперь, когда буржуазно-демократическая революция находится еще в начальной фазе своего развития, когда Гоминдан является наиболее приспособленной и наиболее соответствующей специфическим особенностям Китая формой организации национально-демократической революции,—это значит дезорганизовать революционное движение, ослабить Ухан, облегчить его падение и оказать помощь Чжан-Цзо-Лину и Чан-Кай-Ши.

Линия тт. Троцкого и Зиновьева. Пережитки феодализма в Китае—это выдумка тов. Бухарина. Их либо вовсе нет в Китае, либо они так незначительны, что не могут иметь сколько-нибудь серьезного значения. Аграрная революция, оказывается, есть теперь в Китае. Но откуда она взялась, сам чорт не разберет. (Смех). Но раз она, эта самая аграрная революция, есть, то, конечно, придется ее так или иначе поддержать. Главное теперь не в аграрной революции, а в революции за таможенную самостоятельность Китая, в революции, так сказать, антитаможенной. Уханский Гоминдан и уханское правительство либо «фикция» (Троцкий), либо кемализм (Зиновьев). С одной стороны, нужно создать двоевластие для *свержения* уханского правительства путем немедленного образования советов (Троцкий). С другой стороны, нужно *укрепить* уханское правительство, необходима энергичная и всесторонняя *помощь* уханскому правительству, тоже, оказывается, путем немедленного образования советов (Зиновьев). По правилу, следовало бы немедленно уйти коммунистам из этой «фикции», из уханского правительства и уханского Гоминдана. А, впрочем, было бы лучше остаться им в этой самой «фикции», т.-е. и в уханском правительстве, и в уханском Гоминдане. А для чего им оставаться в Ухане, если Ухан есть «фикция»,—это, оказывается, одному лишь богу известно. А кто не согласен с этим,—тот изменник и предатель.

Такова так называемая линия тт. Троцкого и Зиновьева.

Едва ли можно представить что-либо более несообразное и путанное, чем эта так называемая линия.

Получается впечатление, что мы имеем дело не с марксистами, а с какими-то оторванными от жизни канцеляристами или,— еще лучше,—«революционными» туристами, которые путешествовали по разным Сухумам и Кисловодскам, проглядели VII расширенный пленум Коминтерна, давший основную установку о китайской революции, узнали потом из газет, что в Китае, в самом деле, разыгралась какая-то революция, не то аграрная, не то антитаможенная, и решили, что необходимо составить целую кучу тезисов,—в апреле одни тезисы, в начале мая другие тезисы, в конце мая третьи тезисы,—и, составив целую кучу тезисов, забросать ими Исполком Коминтерна, полагая, видимо, что обилие путанных и противоречивых тезисов является основным средством спасения китайской революции.

Таковы, товарищи, две линии по вопросам китайской революции.

Вам придется выбирать между этими двумя линиями.

Я кончаю, товарищи. Хотел бы сказать под конец несколько слов о политическом смысле и значении фракционных выступлений тт. Троцкого и Зиновьева *в данный момент.* Они жалуются, что им не дают достаточной свободы для беспримерной ругани и недопустимой брани по адресу ЦК ВКП и ИККИ. Они жалуются на «режим» в Коминтерне и в ВКП. По сути дела, они хотят свободы для дезорганизации Коминтерна и ВКП. По сути дела, они хотят пересадить в Коминтерн и ВКП нравы Маслова и К°. Я должен сказать, товарищи, что тов. Троцкий выбрал для своих нападений на партию и Коминтерн слишком неподходящий момент. Я только-что получил известие, что английское консервативное правительство решило порвать отношения с СССР. Нечего и доказывать, что теперь пойдет повсеместный поход против коммунистов. Этот поход уже начался. Одни угрожают ВКП войной и интервенцией. Другие—расколом. Создается нечто вроде единого фронта от Чемберлена до Троцкого. Возможно, что нас хотят этим запугать. Но едва ли нужно доказывать, что большевики не из пугливых ребят. История большевизма знает немало таких фронтов. История большевизма показывает, что такие фронты разбивались революционной решимостью и беспримерной отвагой большевиков. Можете не сомневаться, что мы сумеем разбить и этот новый фронт. (Аплодисменты).

А. С.

К характеристике идеологии современной социал-демократии.

(Статья третья).

«Хозяйственная демократия» и политическая демократия.

Социал-демократы, подменившие борьбу за социализм «хозяйственно-демократическим» «движением» в рамках капитализма, рассматривают «хозяйственную демократию» как политику, рассчитанную на столетия.

Вот что, напр., пишет по поводу перспектив «хозяйственной демократии» один из крупнейших с.-д. теоретиков профдвижения, редактор «Gewerkschaftsarchiv'a», Карл Цвинг [1]).

> «Подобно тому, как в политике, где ноябрь 1918 года завершил в упорных боях длящееся *столетиями* развитие к *политическому* равноправию,—*подобно этому* осуществление равноправия в области *хозяйства* требует также длительного исторического развития. Мы стоим, как мы увидим позже, только в *начале* этого развития».

Итак, «мы» стоим «в начале» процесса развития «хозяйственной демократии», который, подобно процессу развития политической демократии, считается *столетиями*.

Это сказано, по крайней мере, ясно. Вместо общих, неопределенных рассуждений о незрелости общества для социализма, Карл Цвинг говорит совершенно определенно и конкретно: *ряд столетий* пролетариат должен терпеть капитализм, пока не наступит пора полного осуществления «хозяйственного равноправия».

Но в чем же будут заключаться эти отношения «хозяйственного равноправия»? Будут ли они фундированы обобществлением экспроприированных у капиталистов средств производства?

В решении этого вопроса социал-демократия пережила весьма любопытную эволюцию. Прежде всего, она сошла с рельс марксовой постановки вопроса. «Экспроприации экспроприаторов» она *противопоставила* эволюционную «социализацию».

Какие иллюзии связаны у идеологов социал-демократии с «социализацией», можно видеть из следующего выступления с.-д. профессора Erik'a Nölting'a на Гейдельбергском с'езде партии (1925 г.» по докладу Гильфердинга о партийной программе [2]):

[1]) Karl Zwing. «Soziologie der Gewerkschaftsbewegung», I Teil. Gewerkschaften und Wirtschaft, Jena, 1925.

[2]) См. «Sozialdemokratischer Parteitag 1925 in Heidelberg». Protokoll. Verlag Dietz Nachfolger, Berlin, 1925, стр. 290.

> «*Великая волшебная формула: «экспроприация экспроприаторов» ныне больше уже не удовлетворяет.* Я говорил некогда, еще будучи молодым студентом в Берлине, о социализации, и один нахальный сын фабриканта встал и сказал:—Ну хорошо, я хочу разрешить социализировать мое предприятие; не можете ли вы сообщить мне адрес и телефонный номер вашего «Общества»? Я должен был молчать, но я надеюсь, что еще ко времени моей старости, я буду иметь возможность дать ответ, который я остался должен в период моей юности, на вопрос, где помещаются общественные инстанции, перенимающие частнокапиталистические предприятия».

Профессор оптимистичней своих коллег по партии: необходимо лишь всего несколько десятков лет для того, чтобы капиталисты «поумнели» и становились в затылок длинной вереницей перед «общественными инстанциями, перенимающими частные предприятия» и переводящими их в общественную собственность.

Не перспектива «экспроприации экспроприаторов», а эволюционная «социализация», не исключающая и «мирной», добровольной передачи капиталистами своих предприятий в общественную собственность—такова *первая* стадия социал-демократического ревизионизма в данной области.

Возможность добровольного отказа капиталистов от собственности на средства производства увязана в социал-демократической перспективе социализации с выкупом. По сути дела, вместо «экспроприации экспроприаторов» социал-демократы говорят лишь о *покупке* у капиталистов их средств производства государством.

Каутский, например, раз'ясняет в комментариях к Гейдельбергской программе, что о конфискации предприятий при социализации говорить не приходится, что в целях сохранения непрерывности производственного процесса обобществляемые средства производства должны быть оплачены, что конфискация мыслима только как средство наказания в тех случаях, когда отдельные капиталисты будут противиться «демократии» [1]).

Мы оставляем здесь в стороне оппортунистическую утопичность этого выкупного плана. Выкупить средства производства, стоящие десятки миллиардов,—это значит, во-первых, оставить за капиталистами—в виде оплаты—их средства угнетения, оставить, в основном, *прежние условия* экономического господства капиталистов; во-вторых, это будет означать усиленнейшую эксплоатацию пролетариата и трудящихся масс вообще, за счет которых государство стало бы выплачивать капиталистам стоимость их средств производства. Мы оставляем здесь в стороне финансово-экономическую невозможность выполнения подобного плана, как и доводы о том, что эксплоатируемые массы не потерпят подобной, ни на одну йоту не перестающей быть капиталистической, реформы. Не будем критиковать специально плана «социализации», ибо на его место уже властно вступил план «хозяйственной демократии». Провал «социализаторских» проектов делает весь план социализации неосуществимым и в глазах самих социал-де-

[1]) См. «Das Heidelberger Programm», Grundsätze und Forderungen der Sozialdemokratie. Verlag Dietz Nachfolger, 1925, стр. 21.

мократов. Но если в толщах пролетариата разочарование в реформистском «социализме» все более будит классовое революционное самосознание и, отталкивая массы от оппортунистической каутскианской перспективы «социализации», влечет их к революционным марксовым перспективам «экспроприации экспроприаторов», то среди вождей линяние «социализаторской» идеологии вызывает тягу к еще более «скромным», еще более ублюдочным, еще более оппортунистическим позициям.

«Хозяйственная демократия»—вот путь, по которому можно итти без потрясений, без кровавой борьбы, без «экспроприации экспроприаторов».

Пусть у капиталистов остаются их средства производства, но рабочие организации могут и должны добиться некоторого контроля над производством, чтобы через длительную эпоху «мелких дел» провести в жизнь «хозяйственное равноправие», одинаковое право буржуазии и пролетариата на управление производством.

В предыдущей статье мы познакомили читателя с попыткой одного с.-д. профессора, Карла Гермберга, добросовестно проанализировать возможные пути «хозяйственной демократии»; мы были свидетелями того, что даже социал-демократ, если он сохраняет в себе элементарную теоретическую добросовестность (что случается только в порядке исключений и только на минутку) вынужден притти в выводу, что о какой-либо реальной «хозяйственной демократии» без захвата средств производства в руки пролетариата и думать нечего. За подобный «уклон» опростоволосившийся профессор нещадно критиковался многими своими сопартийцами.

Один из них, профсоюзный теоретик, Карл Менникке, прямо окрестил г-на Гермберга большевиком [1]).

В социал-демократической партии установилась теперь такая идейная атмосфера, в которой даже *разговоры* об обобществлении средств производства являются признаком большевизма.

Со ступеньки на ступеньку ниже [2]), к буржуазии.

Раньше отказ от «экспроприации экспроприаторов» и противопоставление этому программному лозунгу Маркса эволюционной «социализации»; затем «социализация» сохраняется лишь как лозунг для праздников, а для повседневного обихода изготовляется теория «хозяйственной демократии», по пути которой, оказывается, можно двигаться к «социализму» и без «социализации». «Хозяйственная демократия» шаг за шагом должна привести к осуществлению паритетного принципа в капиталистически-рабочем руководстве производством.

Но все это победоносное развитие «хозяйственной демократии», долженствующее привести к формальному равноправию капиталистов и рабочих в управлении производством, должно протекать в условиях, когда *средства производства принадлежат капиталистам.*

В с.-д. перспективе «хозяйственной демократии» нет места экспроприации экспроприаторов; в этой перспективе «вымыта» и пресловутая «социализация». Идеологи хозяйственной демократии исходят из того теоретического положения, что одного формального права «соучастия» в руководстве производством достаточно для уничтожения отношений эксплоатации.

1) «Gewerkschaften und Betriebsräte» von Karl Mennicke, «Die Arbeit». 1926 № 7.

2) С точки зрения гг. с.-д-ов это означает «выше».

«Предусмотрительный» Карл Цвинг, широкими мазками набросавший картину «хозяйственно-демократической» гармонии, пуще всего боится, чтобы рабочие на пути «хозяйственной демократии», хотя бы и через сотню-другую лет, не послали капиталистов к чорту и не овладели средствами производства; это, дескать, может «создать» (!?) неравенство.

> «Очень часто,—наставительно раз'ясняет он,—демократию приравнивают к принципу майоритета, в то время как суть хозяйственной демократии заключается в выравнивании неравенства, но отнюдь не в создании посредством майоритета нового неравенства».

Хотя и кудряво сказано, но подло. Если капиталисты владеют средствами производства и рабочие в условиях капиталистической монопольной собственности тщетно добиваются «хозяйственной демократии»—то это допустимое «выравнивание неравенства»; если же у капиталистов отнимают созданные трудом рабочих средства производства—то это «создает новое неравенство».

Так и запомним. Запомним, что своей теорией *«хозяйственной демократии»* социал-демократы в новой форме и в новой области хотят повторить тот *обман*, которому они подвергли и подвергают рабочих своей теорией *политической демократии.*

Существо «хозяйственно-демократической» идеологии состоит именно в этом перенесении принципа формальной буржуазной демократии из политики также в область хозяйства [1]), а ее политический смысл заключается в умножении иллюзий о мирном, покоящемся на реформистском приспособлении к капитализму, развитии социализма. Порочность теории формального политического равноправия, как сие уже было установлено Лениным, определяется тем, что ее представители скрывают от пролетариата действительное неравноправие. Поскольку буржуазия господствует в обществе экономически, постольку демократия является буржуазной демократией, поскольку «всеобщее, прямое, равное и тайное» является не средством и выражением действительного политического равноправия, а только «цивилизованным» методом господства капитала.

Только разбивши государственный аппарат буржуазии и организовав пролетарскую диктатуру, рабочие массы могут осуществить действительную демократию для трудящихся и обеспечить тем самым движение к социализму.

Но предпосылкой этого переворота является освобождение пролетариата от иллюзий формального *политического* равноправия, которые дополняются ныне иллюзиями *хозяйственного* формального равноправия.

Средства производства остаются—согласно теории хозяйственной демократии—у капиталистов. Тем самым за капиталистами оставляется фактическое распоряжение производственным процессом, тем самым производство сохраняет капиталистиче-

1) Что, напр., прямо так и формулирует один из с.-д. идеологов профдвижения Leipart (см. его статью «Gewerkschaften und Volk», «Die Arbeit», 1926 г. Heft I).

скую цель, тем самым обусловлен и буржуазный способ распределения.

Формальное уравнение в правах на руководство производством, составляющее цель «хозяйственной демократии», само по себе, даже если бы оно осуществилось (а осуществиться оно не может), ни в коем случае не изменило бы фактических отношений эксплоатации; оно придало бы капитализму лишь более «цивилизованную» форму.

Социал-демократические апологеты капитализма не хотят и не могут этого понять.

Но формальное хозяйственное равноправие является *конечной целью* «хозяйственной демократии»: ее исходным пунктом является действительное положение вещей, для которого характерно полное и безраздельное господство капиталистов в производстве даже с *формальной* точки зрения.

Только безнадежные оппортунистические кретины могут утверждать, что имеющаяся теперь система «трудовых договоров» и вся «законная» деятельность профессиональных союзов уже «ограничивает» капитализм и свидетельствует об эволюционном преобразовании системы производственных отношений в социалистическом направлении [1]).

Обыкновенно же даже умеренные социал-демократы склонны признать, что в *настоящее* время во всех буржуазных странах капиталисты безраздельно господствуют над производством и поворачиваются спиной к профсоюзам, выступающим с предложениями о *совместном руководстве* производством [2]).

Но это не смущает социал-демократов: они надеются, что наступят другие времена и капиталисты пойдут им навстречу. Необходимо только провести расширение прав профсоюзов в производстве, преобразовать *законодательство* таким образом, чтобы профсоюзы шаг за шагом получили права сорегулирования производства и тем приблизились к «хозяйственному равноправию». «Хозяйственная демократия» натыкается в производстве на нежелание капиталистов «работать совместно». Только государство может помочь профсоюзам, носителям и осуществителям «хозяйственной демократии», выйти из тупика. Государство должно им обеспечить *законодательные предпосылки* соучастия в руководстве производством. Поэтому должно быть усилено соответствующее «давление» на государство. Так плетется мысль социал-демократии.

«Но *социальная демократия* будет осуществлена только посредством успешной политической борьбы, ибо она может выполнить свои функции *только на законной основе*» [3]).

Законодательство, таким образом, призвано спасти «хозяйственную демократию» в производстве, обеспечить правовые предпосылки успешного развития «хозяйственной демократии».

Но *какое* государство должно выступить «спасителем» хозяйственной демократии?

---

[1]) Впрочем, таких кретинов не мало: на подобной точке зрения стоят не только такие идеологи профессионального «делячества», как Эрдманн, Лотар и др., но даже левый «австро-марксист» Карл Реннер.

[2]) См. об этом в уже неоднократно указанной книге Карла Цвинга.

[3]) «Gewerkschaften und Wissenschaft» von Richard Seidel «Die Gesellschaft», 1925, № 3.

Настоящее государство во всех капиталистических странах есть буржуазное государство, которое в своей законодательной работе не может выступить против интересов капитала.

Даже отмеченный выше социал-демократический профсоюзный теоретик Рихард Зейдель вынужден признать буржуазный характер «демократического» государства в Германии.

«Я не оспариваю того,—пишет он [1]),—что это государство является классовым государством; почему оно является таковым, в данной связи не требуется раз'яснять. Я точно так же твердо убежден, что изменения, происшедшие в государстве и его законодательстве с 1918 года не дают никаких оснований для нашего отказа от изменения современного социального порядка».

Автор уклоняется от об'яснения причин подобного состояния государства; он уклоняется от ответа на вопрос, *почему* республиканское государство с 1918 года не внесло никаких существенных изменений в «современном социальном порядке», хотя на вершине этого государства находились иногда и социал-демократы. Факт поучительный; на таких фактах должно учить современное рабочее поколение, помогая ему об'яснить и честно продумать эти факты и таким образом обогатить опыт пролетариата в классовой борьбе.

Но как раз на этот *решающий* вопрос Зейдель не дает ответа; он самым нечестным образом умалчивает об этом *критическом* пункте. Зато он имеет готовый ответ относительно *дальнейшей* политической линии.

Законодательство призвано «спасти» «хозяйственную демократию». Но государство является буржуазным государством, а логические доводы и исторический опыт неопровержимо доказывают, что буржуазное государство всегда ведет только буржуазную политику.

Но этим Зейделя не смутишь. Проблема, оказывается, решается очень легко. Демократическое государство должно быть «спасено» от господства буржуазии «*хозяйственной* демократией», являющейся, по Зейделю, важнейшим видом *функциональной* [2]) или *социальной* демократии.

«Итак,—заключает Зейдель [3]),—функциональная, или, как мы ее называем, *социальная демократия является средством усиления влияния пролетариата на органы политической демократии, средством поднять политическую мощь пролетариата*».

Теперь мы видим социал-демократического барона Мюнхгаузена во всей его красе: он вытягивает себя из трясины за свою собственную косу.

«Хозяйственная демократия» «спасается» от экономического господства капиталистов с помощью демократического *государства*.

Последнее, наоборот, «спасается» от господства буржуазии с помощью «хозяйственной демократии».

---

[1]) «Staatsverneinung—Staatsbejahung» von Richard Seidel, «Die Arbeit», 1926, Heft 10.

[2]) Этот туманный термин выдуман Отто Бауэром.

[3]) «Staatsverneinung—Staatsbejahung» von Richard Seidel, «Die Arbeit», 1926, Heft 10.

Но где же тот рычаг, нажим на который может привести в движение стоячую воду болота? Чем же может быть *радикально* изменено положение? Автор отсылает от Понтия к Пилату. Он не может дать никакого ответа, потому что в его концепции «социализма» нехватает «мелочи»: *марксистской теории революции.*

Вследствие этого органического недостатка автор не может перешагнуть за грани своего теоретического «порочного круга».

* * *

Присмотримся, однако, к проблеме «давления» пролетариата на государство поближе.

Социал-демократы, как известно, видят в политической, формальной демократии *непосредственный* путь к социализму. Они всемерно оспаривают тот факт, что формальная политическая демократия является *буржуазным* принципом.

Гильфердинг утверждал, напр., на Гейдельбергском с'езде социал-демократии в 1925 г., в своем докладе о программе партии, что буржуазия, в противоположность пролетариату, стояла и стоит *только* за конституционно-монархический принцип государства, что *формально-демократический* принцип ей *принципиально* чужд [1]).

К. Каутский с «тяжелым остроумием» выступает против тех, что трактуют формально-политическую демократию, как буржуазный принцип.

> «Существуют люди,—пишет Карл Каутский [2]),—которые из того обстоятельства, что новейшая демократия возникла и укрепилась одновременно с индустриальным капитализмом, выводят заключение, что демократия является открытием и орудием власти капитала. Но с таким же правом можно сказать, что классовая борьба является открытием и орудием власти капитала, ибо она возникла и укрепилась одновременно с капиталом».

Каутский, таким образом, против того, что «демократию» следует рассматривать как «капиталистическое открытие и средство власти капитала».

Может быть, Каутский хочет этим сказать, что политическая демократия в такой стране, напр., как Франция, является уже со времени Великой французской революции *антибуржуазной*? Может быть, он рискнет оспорить тот несомненный факт, что политическая демократия обоснована идеологически политическими мыслителями (вспомним, хотя бы, энциклопедистов)?

Каутский утверждает прямо, что буржуазия вообще против принципов политической демократии.

> «Правильно только то, что в *демократии* заинтересован *не один пролетариат, но все трудящиеся* классы населения; заинтересованы также ремесленники и крестьяне, которые могут осуществить свое влияние на государство *своей массой*, а не благодаря значительности своих владений или государственно-поддерживаемым привилегиям» [3]).

---

[1]) См. «Sozialdemokratischer Parteitag 1925 in Heigelberg», Protokoll, Verlag Dietz Nachfolger, стр. 275.

[2]) «Das Heidelberger Programm», Grundsätze und Forderungen der Sozialdemokratie», стр. 15.

[3]) Там же.

Формальная политическая демократия рассматривается Каутским как существеннейший *антибуржуазный* политический принцип, находящий свое осуществление в демократической республике («совершеннейшей формой демократии является форма демократической республики»).

Но как же тогда Каутский об'яснит тот факт, что демократическая республика представляет форму *буржуазного* господства в различных странах, в том числе и в Германии? Как об'яснить, напр., тот факт, что в германской республике во главе государства стоит *буржуазный* блок, чего *не может* отрицать и социал-демократия?

Как об'яснить тот факт, что буржуазия вполне удовлетворена республиканским строем и осуществляет свое политическое господство в рамках этого строя?

В качестве корректива Каутский высказывает допущение, что в отдельных случаях буржуазная республика может быть формой господства буржуазии.

> «Она (республика. *А. С.*) при *особых обстоятельствах* также может быть поставлена на службу целям крупных эксплоататоров» [1]).

Особенно замечательны в этой формуле слова «при особых обстоятельствах».

Вообще, видите ли, демократическая республика—форма политического господства пролетариата и широких непролетарских масс трудящихся; и только «*при особых обстоятельствах*», *в порядке исключения*, она используется буржуазией в классовых целях.

Однако, подобное утверждение обязывает Каутского к ревизии всего марксистского исторического мировоззрения. Каутский обязан тогда доказать, что в буржуазных республиканских странах, в которых республика насчитывает за собой многие десятилетия (напр., Франция и Америка) до сих пор *стоял и стоит* у власти пролетариат, а не буржуазия.

А так как подобной глупости не может утверждать ни один нормальный человек, то «особые обстоятельства» Каутскому придется расшифровать, как всю эпоху господства капитализма до наших дней.

Каутскому не удастся доказать даже того, что, если-де *вообще* демократическая республика является формой господства буржуазии,—то «при определенных условиях» она может стать формой господства пролетариата. При этом Каутский мог бы иметь в виду как «исключения» такие исторические моменты, когда социал-реформисты имели в буржуазных странах правительственное большинство (Англия, Австрия, Германия).

Но и на этом пути Каутский не может иметь успехов, ибо он не может доказать, что социал-демократические правительства вели принципиально-*антикапиталистическую* политику, что они потревожили хотя бы одну из основ капиталистической общественной системы [2]). А если Каутский не сможет дока-

---

[1]) Там же.

[2]) Весьма любопытно, что Гильфердинг, восхвалявший в своих статьях английское «рабочее» правительство Макдональда, с удовольствием отмечает «иронию истории», которая проявилась в том, что именно *«рабочее»* правительство укрепило *финансовую* систему английского *капитализма и усилило зависимость колоний от Британской империи*. См. об этом «Realistischer Pazifismus» von Rudolf Hilferding. «Die Gesellschaft», 1924, Zweiter Band.

зать этого, тогда становится совершенно ясным, что социал-демократические и подобные ему «рабочие» правительства представляли собою всего лишь разновидность *буржуазно-республиканской* государственной власти.

С точки зрения социал-демократии, основная политическая задача текущего периода заключается в том, чтобы, «поднимая» политическую активность пролетариата, наполнять постепенно демократически-республиканскую форму государства социалистическим содержанием.

Эта задача не представляется социал-демократам особенно трудной. Так, напр., Зейдель, согласившийся с тем, что теперешняя германская республика является формой классового буржуазного государства, утверждает одновременно, что эволюционное преобразование классового содержания государства *уже происходит*, что государственная ткань *уже испытывает* перерождение в социалистическом направлении [1]).

Свое суждение о буржуазно-классовом характере германского республиканского государства он смягчает утверждением, что «давление» пролетариата и трудящихся на государство заставляет последнее терять его классово-буржуазный характер.

Он стремится убедить рабочих в том, что Гинденбург, Маркс и Штреземан, сами того не замечая, все больше и больше становятся социалистами. Организации рабочего класса понуждают государство своими давлениями итти на все бо́льшие уступки и предоставлять пролетариату все бо́льшие права.

Отсюда следует у с.-д. очень многое.

> «Если же государство делает такие уступки, то это означает, что оно изменяется не только по своему образу, но уже и по своему *социальному содержанию*.
>
> И эти изменения в государственной конституции и прогресс в законодательстве являются для класса, который добился их в своих интересах, в данном случае для ра-

---

1) В оценке социальной сущности *теперешнего* республиканского государства в германской социал-демократии существуют различные оттенки.

Так, напр., Шейдеман выражал на Гейдельбергском с'езде (1925) «деликатное» неудовольствие по поводу того, что отношение к *современному* (т.-е. явно-буржуазному) государству не выражено в с.-д. программе в *категорически-положительной* форме.

«Быть может,— заявил он,— *следовало бы выразить* неразрывную связь демократического и социалистического мышлений и *положительную установку партии в отношении государства еще яснее*».

С другой стороны, среди «левых» элементов социал-демократии складывается *отрицательное* отношение к современному буржуазно-республиканскому государству. Вот что, напр., заявляет в своей резолюции «о задачах с.-д. в республике» партейтаг в Цвикау: «Буржуазия вскоре после своей победы над феодализмом познала, что республика, созданная как революционная форма борьбы, образует наиболее приспособленную для развития капитализма почву... Таким образом под прикрытием республиканской формы развились ныне экономическое угнетение, эксплоатация и коррупция» и т. д. и т. п. («Vorwärts» 1927, № 192).

Однако, подобное различие оценок не приводит *пока* к существенному различию *политическо-практических* оценок. «Левые» из Цвикау не прочь даже признать, что в отношении контрреволюционной буржуазии принципиально допустимо применение методов «диктатуры», но все сие для того, чтобы, оставаясь в основном на почве буржуазной демократии, добиться правительства с с.-д. большинством.

> бочего класса,—средством содействия дальнейшим изменениям в *социальном содержании государства*» [1]).

Автор полагает, таким образом, что те законодательные акты, которые предпринимаются буржуазным государством под воздействием руководимых социал-демократами рабочих организаций (например, статья 165 конституции о хозяйственном «равноправии классов»), доказывают преобразование *существа* этого государства в социалистическом направлении.

Социализм Карла Маркса «опрокидывается», и на его место воздвигается «социализм» Гинденбурга!

Как будто законодательные реформы противоречат развитию капитализма!

Только мещанский ум может усмотреть в рабочем законодательстве эволюцию капитализма в социалистическом направлении.

В истории не дано еще ни одного случая, чтобы *капиталистическое* государство приняло закон *социалистического* характера—и такого случая не может быть никогда. Волк всегда остается волком. Но нельзя, исходя из этого, утверждать, что законодательство в буржуазном государстве уже не имеет перспектив дальнейшего развития на принципиально-капиталистической основе. Так, напр., во время мировой империалистической войны буржуазному государству оказалось выгодным привлечь профсоюзы, руководимые оппортунистами, к частичному регулированию производства, обслуживающего армию и войну вообще. В этом направлении наметились и некоторые *элементы* нового законодательства.

На этом основании такой идеолог оппортунизма, как Гильфердинг, заключил, что рабочий класс очень сильно увеличил во время войны свое влияние на буржуазное государство.

> «Происшествие величайшего социально-психологического значения и действия! — декламирует Гильфердинг [2]). — Организации производителей чувствуют себя подлинными носителями государства, особенно ее бюрократия, чувствующая себя неразрывным органом государства, равнозначной государственной бюрократии—даже более важной, чем последняя, ибо без ее помощи неразрешимы производственные проблемы!».

Гильфердинг хочет изобразить успехом рабочего класса превращение рабочих организаций в придаток к империалистическому государству; он пытается об'явить успехом социализма то, что на деле являлось решающим успехом *империализма*.

Империалистическое государство еще имеет возможности *развития* своего законодательства. Теоретически, напр., вполне мыслимо, что это законодательство будет двигаться в направлении государственного капитализма.

Но даже в этом *предельном случае* капиталистическое государство не изменяет своим классовым принципам.

Современный *оппортунизм* характерен тем, что он пытается привить рабочим массам представления некоторых старых уто-

---

1) «Staatsverneinung—Staatsbejahung» von Richard Seidel, «Die Arbeit» 1926, Heft 10.

2) «Problem der Zeit» von R. Hilferding, 1924, Erster Band.

пистов о «добрых капиталистах», что он стоит на точке зрения *возможности осуществления социализма классом капиталистов.*

С точки зрения революционного марксизма это означает откровеннейшую и гнуснейшую измену пролетариату, означает открытый переход на сторону капиталистов.

Идеологи социал-демократии, ее большие и малые теоретики, культивируют в рабочем классе идеологию *приказчиков капитализма,* которые сотрудничают с господствующей буржуазией в деле укрепления капитализма, помогая последнему «приспособиться» к новым условиям.

Но социал-демократов не удовлетворяют функции *политических* приказчиков. Вступая на путь «хозяйственной демократии», они об'ективно стремятся воспитать *экономических приказчиков* капитализма. Само собой разумеется, политика от экономики не отделена китайской стеной. Но в своей оппортунистической деятельности социал-демократы достигают теперь высшей ступени более *дифференцированного* предательства. Политические приказчики в оппортунистической системе разделения труда дополняются экономическими приказчиками капитализма.

Идеологи «хозяйственной демократии» сами осознают социальный смысл своей стратегии.

> «Если,—пишет Гильфердинг [1]),—развитие идет все более и более в направлении образования массовых организаций и индустриальных *об'единений,* то борьба за хозяйственную демократию ведет к новым различиям внутри масс, к под'ему личности внутри организации и тем самым к *новому духу соревнования за социальный под'ем».*

Существо плана «хозяйственной демократии» расшифровывается, таким образом, как создание условий для *конкурса на лучшего капиталистического приказчика.*

В этом выражаются духовное крохоборчество и мелкобуржуазная ограниченность идеологов оппортунизма, но одновременно проявляется и хитрость прожженных и опытных реформистских дельцов. Потому, что этот план означает курс на рабочую аристократию и на тех рабочих, которые надеются и склонны ценою предательства общеклассовых интересов выбиться в ряды рабочей аристократии, добиться успехов в «соревновании за социальный под'ем» и в качестве приказчиков капитализма снискать «милость» хозяина.

Но этот план неминуемо будет провален обострением классовых противоречий, прояснением классового самосознания пролетариата, успехами революционного коммунистического движения. Пролетариат разоблачит и отбросит идеологию социал-демократических приказчиков капитализма.

---

[1]) Там же.

П. Александров, К. Розенталь, И. Хавин.

Замечания к материалам по пятилетнему перспективному плану народного хозяйства СССР [1]).

Переход от использования наличных материально-технических ресурсов страны к новому строительству, переход от восстановительного периода к периоду реконструктивному, поставил перед нашими плановыми органами новые задачи, выдвинул и пред'явил новые требования. «Контрольные цифры, оперативные годовые хозпланы и кон'юнктурные учеты становятся недостаточными; над заботами текущего момента все более и более доминируют многолетние перспективы».

Эта необходимость перехода от годовых планов к планам, рассчитанным на более продолжительный срок, не только вполне правомерна, но и экономически необходима, когда мы приступаем к фундаментальнейшим капитальным вложениям в наше народное хозяйство, когда мы приступаем к крупнейшим строительствам, рассчитанным на многие годы и долженствующим оказать глубокие изменения в народнохозяйственной жизни не только тех или иных районов, но и всего Союза в целом. Но вложения многих миллиардов рублей в основные фонды нашего хозяйства при тех ограниченных ресурсах, которыми мы располагаем, требуют особо внимательного, особо вдумчивого отношения ко всем предпринимаемым нами капитальным работам. И совершенно очевидно, конечно, что максимально эффективный план предполагаемого нами строительства, или, максимально эффективный план распределения производительных сил, обеспечивающий «бескризисное расширенное воспроизводство этих производительных сил возможно быстрым темпом, в целях максимального удовлетворения текущих потребностей трудящихся и скорейшего приближения их к полному переустройству общества на началах социализма и коммунизма», возможен только на основе всестороннего учета всех отраслей народного хозяйства, увязанных в своем предполагаемом пятилетнем развитии в единый перспективный план всего народного хозяйства в целом.

С другой стороны, наличие перспективных пятилетних планов дает бо́льшую обоснованность, бо́льшую устойчивость годовым оперативным планам, являющимся отрезками более длительных планов развертывания нашего хозяйства.

Таково экономическое «оправдание» предпринятой работы по составлению *материалов к пятилетнему плану* развития народного хозяйства СССР и такова та насущная потребность, кото-

---

[1]) В порядке обсуждения. Настоящей статьей редакция открывает обсуждение вопросов, связанных с перспективными планами нашего народного хозяйства. *Ред.*

рые заставили Госплан взяться за эту сложнейшую и труднейшую задачу и выделить специальную комиссию по собиранию и составлению материалов к пятилетке.

Исходя из столь общих положений, составители материалов к пятилетнему плану развертывания народного хозяйства нашего Союза должны были дать отражение картины дальнейшего продвижения вперед по пути индустриализации нашего хозяйства и перевода его на более высокий технический уровень, сглаживания и устранения так называемых «узких» мест в нашем хозяйстве и противоречий между городом и деревней, вовлечения в производство новых кадров свободной рабочей силы и уменьшения безработицы и, наконец, дальнейшего продвижения вперед в деле обобществления народного хозяйства.

По этим основным направлениям в первую очередь и должен быть направлен критический анализ, критическое исследование *материалов* центральной комиссии по пятилетнему плану.

Индустриализация, капитальные вложения и их эффективность.

Принимая курс на индустриализацию страны, как основное направление нашей экономической политики, наша партия ставила своей задачей «в минимальный исторический срок пагнать, а затем и перегнать уровень развития передовых капиталистических стран». Под этим углом зрения, положив эту директиву в основу, и подошла комиссия Госплана к составлению материалов пятилетнего плана. Из общей суммы капитальных вложений за пятилетие в 17.578 милл. руб., 6.460 милл. руб., или 36,7%, падают на долю промышленности. Если же к этим вложениям в промышленность прибавить вложения, приходящиеся на долю электрификации, то общая сумма вложений повысится до 7.799 милл. руб., или до 44,3%. В то же время основные фонды промышленности вырастают с 6.104 милл. руб. на 1/X—26 г. до 9.456 милл. руб., или на 54,9% на 1/X—31 г.

Не касаясь по существу вопроса о *размерах* капитальных вложений в промышленность и роста основных фондов промышленности (несомненно, преуменьшенных, ибо материалы комиссии, совершенно, впрочем, сознательно, не учитывают прироста заграничных кредитов), нельзя не признать все же некоторую скромность результатов этих вложений. В самом деле, при общей сумме вложений в промышленность в размере 6½ мрд. рублей, при возрастании основных фондов промышленности больше чем в полтора раза динамика продукции промышленности рисуется в таком виде:

Валовая продукция пр-сти в мил. дов. рублей.

25—26	26—27	27—28	28—29	29—30	30—31	Прирост за 5 лет Абс.	в %
5.318	6.326	7.188	7.948	8.723	9.517	4.199	79,5

Однако, этот прирост валовой продукции получает иной смысл и иное выражение, если учесть, что прирост валовой продукции всего народного хозяйства выразится более чем 52%. Таким образом, столь значительными капитальными вложениями и еще более значительным приростом основных фондов промышленности достигаются в конечном итоге весьма скромные результаты в изменении удельного веса промышленности в экономике страны.

Валовая продукция СССР

(в мил. руб. по ценам 1913 г.).

Отрасли хозяйства	1913 Абс.	1913 в %	1925—26 Абс.	1925—26 в %	1930—31 Абс.	1930—31 в %
Сельское хозяйство	11.281	34,8	11.289	36,6	13.995	29,7
Промышленность (с акц.)	8.440	26,2	7.450	24,1	12.892	27,3
Строительство	1.274	3,9	1.075	3,5	2.174	4,6
Транспорт	1.538	4,7	1.425	4,7	2.130	4,6
Связь	105	0,4	127	0,4	209	0,4
Торговый оборот	9.703	30,0	9.470	30,7	15.800	33,4
Всего	32.341	100	30.863	100	47.200	100

Удельный вес промышленности в продукции всего народного хозяйства повышается за пятилетие всего лишь на 3,2% по сравнению с 1925—26 г. и на 1,1% по сравнению с 1913 годом. Такой результат, повторяем, надо признать весьма и весьма скромным, несомненно, преуменьшенным даже по сравнению с теми вложениями, которые будут сделаны по материалам в промышленность в это пятилетие. Директиву на индустриализацию страны, т.-е. на повышение удельного веса промышленности в экономике страны, надо было бы признать выполненной в полной мере, если бы не допущенный некоторый пессимизм, некоторая преуменьшенность эффективности капитальных вложений.

Надо заметить, что весь имеющийся у нас опыт в деле учета эффективности капитальных вложений с величайшей убедительностью свидетельствует о том, что эффективность капитальных вложений неизменно преуменьшается. Достаточно сослаться хотя бы на такой пример, как перспективная пятилетка по промышленности, составленная ОСВОК'ом.

Сопоставление капитальных вложений и уровня производства по плану ОСВОК'а и реальному их выполнению дает такие результаты. При капитальных затратах в 1925—26 г. всего только около 80% от предположений пятилетки уровень производства в 1926—27 г. составляет по сравнению с уровнем, предположенным пятилеткой, 92%. Если же осуществятся имеющиеся предположения относительно уровня производства в 1927—28 году, то окажется, что хотя за эти два года (1925—26 и 1926—27) промышленность затратит только 65% от суммы затрат, предположенных пятилеткой, уровень производства в 1927—28 г. отстанет от запроектированного пятилеткой уровня всего только на 15% [1]).

О неизменном преуменьшении эффективности капитальных вложений свидетельствует вся практика промышленного строительства. До сих пор сознательно или бессознательно преуменьшается эффект рационализаторской работы, дающей значительнейшие результаты при сравнительно скромных вложениях. Достаточно напомнить о результатах рационализации производства, проведенной в резиновой промышленности, освободившей нас от необходимости строить новую гигантскую фабрику и таким образом позволившей с'экономить несколько десятков миллионов

[1]) «Перспективы развития пром-сти на 1925/26 — 1929/30 гг.». Вып. V. Финансовые перспективы развития пр-сти. Составил С. Д. Абрамович.

рублей. Достаточно напомнить о результатах рационализаторской работы, проведенной на своих предприятиях Укрсельмаштрестом, позволившей уже в текущем году выполнить производственную программу, рассчитанную к выполнению лишь в конце пятилетки и т. д., и т. п.

При той невероятной отсталости как в области технической, так и в организационной, которая господствует на наших предприятиях, рационализаторский эффект должен быть поистине грандиозным. И самое подчас незначительное изменение в ходе производственного процесса дает *скачкообразное* повышение производительности труда и выпуска продукции.

Таким образом, с безусловной категоричностью должен быть отмечен в материалах к перспективному плану недоучет эффективности капитальных вложений в промышленность. Конечно, здесь можно возражать в том смысле, что допускается известный запас «прочности». Но, нам думается, это возражение и мало убедительно и мало утешительно. В то же время это преуменьшение эффективности капитальных вложений, несомненно, искажает перспективу индустриального развития нашего хозяйства и дает несомненное оружие в руки тех, кого принятый план индустриализации так «не удовлетворяет» своим темпом и кто требует для целей индустриализации такого напряжения, таких жертв от народного хозяйства, на которые оно пойти не может.

Нельзя, наконец, не отметить совершенно недопустимых, с точки зрения разрешения задачи индустриализации, результатов, в части движения основных групп производства, к которым приходит к концу пятилетки наша промышленность по материалам перспективного плана. При общем увеличении валовой продукции по группам производства за пять лет (на 103,0% для отраслей, производящих оборотный капитал, 90,4%—производящих основной капитал и 67,3% для отраслей, производящих предметы широкого потребления) в последнем 30—31 году происходит резкое перемещение двух последних групп. На последнем месте в смысле прироста валовой продукции оказываются уже не отрасли, производящие предметы широкого потребления, а отрасли, производящие *основной капитал*. При увеличении продукции отраслей, производящих средства широкого потребления на 8,1%, отрасли, производящие основной капитал, увеличивают свою валовую продукцию в 30—31 г. всего лишь на 7,8%!

Такой результат, несомненно, ошибочный, мог явиться только следствием недостаточно правильного распределения по группам и отраслям промышленности капитальных вложений.

В этой же таблице (стр. 124) бросается в глаза преуменьшенная цифра прироста валовой продукции для 1926—27 г., определяемого в 19,1% (а при правильном подсчете—18,9%), в то время, как принятая промышленностью программа предполагает прирост валовой продукции в 20,1% и до сих пор не было никаких оснований предполагать, что эта цифра будет изменена в сторону ее уменьшения.

Как несомненный дефект, надо, наконец, отметить потухающую кривую капитальных вложений в промышленность, так резко выраженную в пятилетке ОСВОК'а, и которую не удалось целиком преодолеть и в материалах к пятилетнему плану комиссии Госплана.

Динамика капитальных вложений в промышленность

(в милл. руб.)

	25—26 г.	26—27	27—28	28—29	29—30	30—31	Итого за 5 л.
ОСВОК . , .	935,2	1.549,1	1.454,4	1.251,1	958,9	—	6.148,7
Материалы .	—	918	1.142	1.183	1.206	1.205	5.654

По пятилетке, проектируемой ОСВОК'ом, капитальные вложения в промышленность после скачка вверх в 1926—27 г., в последующем должны были из года в год уменьшаться, спустившись к концу пятилетия до уровня начала пятилетия. При чем чистое сальдо в пользу бюджета должно было выразиться в 178,6 милл. рублей. Таким образом, по гипотезе ОСВОК'а получалось, что после первого скачка вверх, промышленность будет все меньше и меньше нуждаться в капитальных вложениях и к концу пятилетки не только удовольствуется размерами капитальных вложений 1925—26 года, но еще будет в состоянии отдать в бюджет, не получая ничего взамен, около 200 милл. рублей. Такого рода вывод ОСВОК'ской гипотезы, носящий яркую печать своеобразной ограниченности ее вдохновителя, явился следствием того, что за проектируемым пятилетием авторы не увидели идущего нового пятилетия, которое должно будет предъявить свои требования к промышленности. Сверхиндустриалистский курс резко обрывался к концу пятилетия, и промышленность после столь «блистательного» развертывания, подобно падающей звезде, блеснув в вышине, должна была скатиться вниз.

Материалы комиссии Госплана столь резко выраженной ошибки в движении капитальных вложений избежали, но целиком преодолеть ее все же не сумели. Размеры капитальных вложений в промышленность достигают своего предела в 29—30 году с тем, чтобы в последующем остаться стабильными.

Особенно выпукло потухающая «кривая» сказывается во взаимоотношениях промышленности и бюджета. Определяя *чистые* вложения со стороны бюджета в промышленность в размере 775 милл. рублей за пятилетие, по годам эти вложения распределяются так:

(в милл. черв. руб.)

26—27	27—28	28—29	29—30	30—31
185	220	160	120	90

При общем курсе на индустриализацию страны, при том условии, что наибольшая тяжесть капитальных вложений в промышленность падает на конец пятилетия, такая потухающая «кривая» *чистых* вложений в промышленность со стороны бюджета едва ли может и будет иметь место[1]).

Мелкая и кустарная промышленность.

В тесной связи с общими задачами по индустриализации страны и переводу всего народного хозяйства на более высокий технический уровень; в тесной связи с задачами ослабления и

[1]) Кстати сказать, в другом месте чистое сальдо в пользу промышленности определяется в размере 500 млн. руб. за пятилетие (при общей сумме вложений в пр-сть в размере 6.460 млн. руб. собственные накопления пр-сти определяются в размере 5.961 млн. руб.).

устранения «узких» мест в народном хозяйстве и вовлечения в производство незанятой, свободной рабочей силы,—сокращения безработицы,—стоит проблема мелкой и кустарно-ремесленной промышленности.

В довоенное время в мелкой и кустарно-ремесленной промышленности было занято, в пределах прежних границ России, более 4,0 милл. лиц, а стоимость валовой продукции оценивалась в 1,8 мрд. дов. рублей, составляя 27% стоимости валовой продукции промышленности.

Современное число лиц, занятых в кустарной мелкой промышленности по данным ЦСУ, составляет на 1925 г. около 2,6 милл. и в 1926 г. (предположительно) более 2,9 милл. В то же время валовая продукция по контрольным цифрам Госплана составляет в 1925 г. 1,7 мрд. черв. руб., в 1926 г.—1,9 мрд. и в 1926—27 г.—2,1 мрд. черв. руб. (без мукомолья).

Таким образом, удельный вес мелкой и кустарно-ремесленной промышленности во всей промышленности по числу занятых лиц в 1925—26 г., по данным ЦСУ, составляет 54% и по стоимости валовой продукции (по данным Госплана)—17,2%.

За последние годы динамика соотношения цензовой и кустарно-ремесленной промышленности представлялась в таком виде:

Годы	По числу занятых лиц (в тыс.)			По стоимости продукции (в милл. черв. руб.)		
	Вся промышл.	Цензов. пром.[1])	Мелк. и куст. пром.[2])	Вся пром.	Ценз. промышл.	Мелк. и куст. пром.
1923—24 г.	3.981	1.600	2.381	5.885	4.466	1.419
в %	100	40,2	59,8	100	75,9	24,1
1924—25 г.	4.609	1.900	2.709	8.248	6.530	1.718
в %	100	41,3	58,7	100	79,2	20,8
1925—26 г.	5.482	2.500	2.982	11.508	9.532	1.976
в %	100	45,6	54,4	100	82,8	17,2
1926—27 г.	—	—	—	13.001	10.867	2.134
в %	—	—	—	100	83,6	16,4

Приведенные данные говорят о том, что с восстановлением всего народного хозяйства темп развития мелкой и кустарной промышленности резко отстает от темпа развития крупной промышленности. Это находит особенно отчетливое выражение в сопоставлении данных последних лет с 1913 годом.

Число рабочих в тысячах.

Цензовая пр-сть	1913 г.	23/24	24/25	25/26	26/27
абс	2.552	1.617	1.893	2.421	2.579
в %	100	63,4	74,2	94,9	100,9
Мелкая и куст. пр-сть					
абс	3.990	2.881	2.709	2.982	3.272
в %	100	59,7	67,9	74,8	82,2

Таким образом, в то время, как количество рабочих, занятых в цензовой промышленности, уже превысило довоенный уровень,

[1]) К. ц. Госплана.
[2]) Данные ЦСУ.

количество лиц, занятых в мелкой и кустарно-ремесленной промышленности, до сих пор еще значительно отстает от уровня 1913 года.

Было бы жестокой ошибкой и заблуждением полагать, что это вытеснение мелкой и кустарно-ремесленной промышленности надо отнести за счет конкуренции крупной, цензовой промышленности. Наконец, такое предположение опроверг бы прежде всего сам факт товарного голода, под знаком которого проходило развитие народного хозяйства последних лет. Между тем, именно в той промышленности, на продукцию которой острее всего ощущался товарный голод, кустарно-ремесленное производство играет значительную роль. Так, например, в кожевенной промышленности кустарное производство составляет почти 56% общей массы продукции, в обувной—почти 80%, одежной—65%, и т. д.

Столь резкое вытеснение и сокращение кустарного производства в известной мере определялось ошибочной политикой, которую вела крупная промышленность в отношении кустарно-ремесленной промышленности.

Как же рисуется движение кустарно-ремесленной промышленности в ближайшее пятилетие по данным материалов комиссии Госплана?

Валовая продукция пр-сти СССР.

(По ценам 1913 г. в млн. рубл.).

	1913 г.		25/26 г.		1930/31		1930/31
	абс.	в %%	абс.	в %%	абс.	в %%	в %% к 1913 г.
Фабрично-заводская .	6.354	82,0	5.850	84,3	10.342	87,5	162,7
Кустарно-ремесленная	1.395	18,0	1.083	15,7	1.475	12,5	105,7
Итого .	7.749	100	6.933	100	11.817	100	152,5

В то время, как валовая продукция фабрично-заводской промышленности увеличивается по сравнению с 1913 г. на 62,7%, кустарно-ремесленная—всего лишь на 5,7%. По сравнению с 1913 годом валовая продукция кустарно-ремесленной промышленности увеличивается всего лишь на 80 милл. рублей, в то время, как фабрично-заводская промышленность—почти на 4 мрд. руб. Столь незначительный рост валовой продукции кустарно-ремесленной промышленности с неизбежностью привел к резкому снижению удельного веса кустарной промышленности в валовой продукции промышленности в целом: с 18,0% в 1913 г. и 15,7% в 1925—26 году до 12,5% в 30—31 году.

Нам думается, что такое построение пятилетки, рассчитывающее на столь интенсивное вытеснение фабрично-заводской промышленностью кустарных промыслов на ближайшие годы, неправильно и вредно.

Как совершенно правильно отметил т. Рыков в своем выступлении по докладу о кустарной промышленности, представленному ВСНХ СССР, важнейшей особенностью экономического положения настоящего периода является то, что наше хозяйство страдает от недостатка капитала. При таком условии нецелесообразно вкладывать капитал в расширение тех отраслей, которые с успехом обслуживаются кустарной промышленностью. С гораздо большей пользой можно эти деньги вкладывать не на

конкуренцию с кустарями, а в те отрасли, которые представляют собой командные экономические высоты, и в производство тех товаров, в которых ощущается наиболее острый недостаток.

До сих пор в целом ряде случаев кустарная промышленность не конкурирует с крупной промышленностью. Есть целый ряд товаров, которые вовсе не производятся крупной промышленностью, а вырабатываются исключительно кустарями, например, целый ряд изделий из дерева, производство рогожи и т. д. Крупной промышленности нет никакой надобности строить фабрики для производства этих товаров и затрачивать на это средства.

Наконец, кустарная и мелкая промышленность играют значительнейшую и существеннейшую роль в деле рассасывания безработицы и смягчения аграрного перенаселения. Вместе с тем, по данным материалов к пятилетнему плану здесь дело обстоит далеко не благополучно.

Проблема безработицы и использования избыточного населения деревни стоит, как одна из сложнейших и труднейших проблем, которую предстоит разрешить если не в полной мере, то хотя бы в известной части в ближайшем пятилетии. Здесь кустарная промышленность должна будет сыграть значительную роль. Развитие кустарно-ремесленной и мелкой промышленности отнюдь не должно стоять в связи только с товарным голодом. В условиях принятого партией курса на индустриализацию страны, в условиях безработицы и аграрного перенаселения, в условиях недостатка материальных ресурсов развитие кустарно-ремесленной промышленности должно будет несколько разрядить остроту безработицы и смягчить аграрное перенаселение, позволит использовать государству наличные ресурсы для капитального вложения в командные экономические высоты нашего народного хозяйства, а не распылять их по тем отраслям, где по условиям производства может развиваться кустарное производство.

Ближайшее пятилетие характеризуется, по данным материалов, ограниченностью ресурсов для индустриализации и некоторым ростом безработицы и аграрного перенаселения. В этих условиях такое построение пятилетки, где абсолютный прирост кустарно-ремесленного производства совершенно незначителен (80 милл. руб.), а удельный вес в продукции всей промышленности понижается почти в 1½ раза по сравнению с 1913 годом, надо признать неверным, дающим ложную установку в таком важнейшем и ответственнейшем деле.

Сельское хозяйство.

Перейдем к сельскому хозяйству.

Перспективный план, стремясь предусмотреть хозяйственные процессы, намечает и указывает, с другой стороны, те факторы, сознательное воздействие на которые обеспечит более быстрый под'ем производительных сил по пути социалистического строительства. Как правильно отмечается в проекте пятилетки, планирование в области *сельского хозяйства* чревато весьма серьезными трудностями. Результаты мероприятий государства здесь «можно в большей степени *предугадывать*, чем *предусматривать*, понимая под последним такого рода предвидение, которое базируется на заранее известном (хотя бы самым грубым образом)

соотношении между затратами и их результатами. Еще меньшая возможность, даже предугадывания, имеется в тех случаях, а последнее охватывает подавляющую часть сельскохозяйственного производства, когда государство располагает лишь косвенными методами воздействия на направление и темпы его развития».

В силу такого положения основной смысл перспективного плана в области сельского хозяйства «сводится не к предугадыванию чисто количественных результатов развития, а к указанию на его пределы, диктуемые народнохозяйственными потребностями, достижение которых (пределов) в условиях развития народного хозяйства СССР, предусматриваемых перспективным планом в целом, мы считаем практически осуществимыми»[1]).

Главным недостатком проекта «пятилетки» в области сельского хозяйства является преуменьшение его развития. Эти возможности преуменьшены как по линии учета стихийных процессов развития сельского хозяйства, так и по линии учета эффективности затрат и проводимых мероприятий, направленных к поднятию сельского хозяйства.

Свое отражение преуменьшение возможности развития сельского хозяйства в первую очередь получило в методологической предпосылке, легшей в основу перспективного плана, согласно которой темп *интенсификации* значительно уменьшается по сравнению с предыдущими годами.

Иллюстрацией уменьшения темпа интенсификации сельского хозяйства могут служить следующие данные о распределении посевных площадей.

	1913	1923	1926	1930
I. Полеводство, луговодство, огородничество.				
Абс. (м. д.)	101,91	82,88	98,61	111,44
В %% к общ. посевной площади	95,4	95,5	94,3	93,3
II. Технические культуры.				
Абс.	4,91	3,94	5,87	8,04
В %% к общ. посевной площади	4,6	4,5	5,7	6,7

Из этих данных мы видим, что доля технических культур в общей посевной площади увеличивается, но средний годовой прирост, намеченный перспективным планом, *значительно* ниже средне-годового прироста предыдущих лет. Так, средне-арифметический годовой прирост доли технических культур в общей посевной площади за 1923—26 г. равен 0,4%, а за период 1926—30 гг.—0,25%.

Особенно ярко выступает недоучет возможностей развития сельского хозяйства в динамике роста производительности труда.

«Повышение производительности на ближайшие пять лет (1926/27—1930/31 гг.),—читаем мы в проекте пятилетки,—в области растениеводства определяется нами в 6%, т.-е. по фактическому его повышению в последние пять лет по зерновым культурам (согласно исследованию А. Л. Вайнштейна)» [2]), что дает в абсолютных цифрах средний урожай с десятины к концу пятилетки 51,9 пуд.

---

[1]) «Материалы и т. д.», стр. 158.
[2]) Там же, стр. 160.

Для того, чтобы оценить намеченный рост урожайности в разрезе пятилетки, сравним его с соответствующими данными по Германии и Соед. Штатам. В Германии, начиная с 1870 г., средний годовой прирост урожайности свыше 2%. При чем этот рост начался с гораздо более высокого уровня урожайности, чем у нас—с 70—80 пуд. с десятины.

Посмотрим, что говорят данные об урожайности в Соед. Штатах.

Урожайность пшеницы в Соед. Штатах.

Годы	Буш. с акра	Прирост в % к предыдущ. десятилетию
1866—1875	12	—
1875—1885	12,4	3,3
1886—1895	12,7	2,4
1900—1909	14,1	11,0
1910—1919	15,6	10,7

Таблица говорит, что уже в десятилетие 1866—1875 г. урожайность в Америке была выше средней по пшенице в России за период 1900—13 гг. Соответствующие цифры составляют 51,3 пуд. и 50,1 пуд. Во-вторых, прирост урожайности за два последних десятилетия в Соед. Штатах в 3—4 раза превосходит прирост предшествующих двух десятилетий. Как известно, начиная со второй половины 80-х годов, в Соед. Штатах на ряду с экстенсивным ростом сельского хозяйства мы имеем превалирующий рост интенсивности в сельском хозяйстве.

Данные по Германии и С. Ш. мы приводим не для того, чтобы этим сказать, что у нас должен быть точно такой же темп роста производительности труда в области сельского хозяйства, но для того, чтобы показать, что переход к более интенсивным формам сельского хозяйства значительно повышает тот темп прироста, который был раньше.

Наконец, если использовать данные А. Л. Вайнштейна о росте урожайности до войны, на которые ссылается проект пятилетки, то получается, что в крестьянских хозяйствах районов интенсифицирующегося сельского хозяйства рост урожайности был равен 1,4—2,4%. Отсюда мы видим, что даже наиболее низкая годовая норма прироста производительности труда в крестьянских хозяйствах в интенсивных районах до войны выше, чем намеченный перспективным планом годовой прирост урожайности на ближайшее пятилетие.

Общий вывод, который вытекает из данных о росте урожайности в Германии, Соед. Штатах и довоенной России, тот, что намеченный проектом прирост урожайности взят преуменьшенно.

Преуменьшение прироста производительности труда, который намечен в области сельского хозяйства, обусловлено, во-первых, преуменьшением возможного темпа интенсификации сельского хозяйства, во-вторых, недоучетом влияния организационно-производственных мероприятий, направленных к поднятию урожайности, которые намечены в разрезе пятилетки. Сюда относятся, в первую очередь, землеустройство, мелиоративные работы, переход к правильному севообороту, травосеяние, улучшение сортового материала, увеличение снабжения сельскохозяйственными машинами и тракторами, применение химических удобрений и проч.

Как пример недоучета организационно-производственных мероприятий, направленных к под'ему урожайности, можно привести данные проекта по сахарной свекле. По этому плану к 1930—31 году урожайность свеклы достигнет 82 берк. с десятины против довоенных 90—91 берковца. Потребление минеральных удобрений в размере 80 милл. пудов к концу пятилетки обеспечивает для сельского хозяйства минеральное удобрение свекловичного посевного клина на 100%. По вычислениям специальной комиссии при Главхиме, выяснявшей перспективы возможного применения минеральных удобрений по сахарной свекле и хлопку, константная прибавка свеклы с десятины при установленной норме минеральных удобрений определяется в 23—28 берк. с десятины. Принимая во внимание, что средний урожай за последние четыре года по сахарной свекле равен 68,6 берк. с десятины, можно считать, что применение минеральных удобрений, вне зависимости от других факторов, способствующих поднятию урожайности, доведет последнюю по сахарной свекле до довоенного уровня. С учетом же других факторов урожайность должна быть несколько выше.

Аналогичную картину мы видим и с урожайностью хлопка. Несмотря на применение в размере 100% сортовых семян, чего не имелось до войны, а также применение минеральных удобрений не менее, чем в 50% общей потребности, урожайность не достигает довоенного уровня. Укажем лишь, что применение сортовых семян повышает урожайность на 20%, а употребление установленных Главхлопкомом норм минеральных удобрений дает константную прибавку до 20 пуд. хлопка-сырца с десятины. Исходя из этого, надо считать, что с учетом других факторов, действующих в том же направлении, урожайность хлопка будет доведена до более высокого уровня, чем установлено в проекте пятилетки.

Как на некоторую неувязку намеченных мероприятий и получаемых результатов, можно указать на следующее. В течение срока перспективного плана расширение посевных площадей путем землеустройства, переселения, мелиорации, устройства лесов местного значения, использования пахотных угодий, бывших помещичьих земель и т. д. дает к концу пятилетия, по подсчетам проекта, новых 12,7 м. дес., по сравнению с дореволюционной площадью посева, равной для 1914 года 109,7 милл. десятин, в то время, как предполагаемый прирост посевной площади равен по отношению к довоенной 10 милл. десятин. В обоснование этого приводится то, что «при распашке непахотных угодий в одних районах союза, в других районах к 1930 году может оказаться еще незаконченным процесс восстановления довоенных площадей» [1]). Мы считаем, что данное положение неверно, так как известная страховка на этот недоучет уже имеется в установлении самой цифры 12,7 милл. десятин возможного расширения площадей посева. Так, например, на использование пашен от перехода к более интенсивным методам обработки земли: от залежной системы к трехпольной и от трехпольной к многопольной—всего падает лишь 2 милл. десятин. В самих материалах к пяти-

1) Там же, стр. 180.

летке такие расчеты определяют как «пессимистические». Преуменьшено также возможное расширение посевных площадей на переданных из государственного земельного фонда землях и землях, получаемых от расчистки лесов местного значения.

Исходя из этого, мы считаем, что необходимо учесть расширение посевных площадей полностью на 12,7 милл. десятин.

Намеченный темп развития сельского хозяйства и его направление, по подсчетам проекта, дали следующие общие результаты динамики валовой продукции сельского хозяйства на пятилетие 1926/27—1930/31 гг.

Валовая продукция при среднем урожае [1].

(В милл. довоен. рублей).

Годы	Об'ем	В $^0/_0$ к 1913/14 г.	В $^0/_0$ к 1925/26 г.
1913—1914	10.225	100	—
1925—1926	9.746	95,3	100
1930—1931	12.412	121,4	127,4

Из приведенной таблицы мы видим, что рост валовой продукции в течение пяти лет дает увеличение на 27,4$^0/_0$, или в среднем немного менее 5$^0/_0$ в год. Для того, чтобы оценить взятый коэффициент прироста валовой продукции, возьмем соответствующие данные по довоенной России. В разбираемой нами работе дается следующая оценка довоенного коэффициента прироста валовой продукции. «Мы не имеем возможности определить,—говорится там,—в каких размерах повысится коэффициент роста продукции сельского хозяйства в довоенное время, если его исчислить для всей территории, ныне занимаемой Союзом ССР, исходя из годового коэффициента в 2,5% по европейской части этой территории и значительно более высокого (но какого именно—неизвестно) коэффициента по азиатской части. *Можно все же с вероятием ошибиться только в сторону преуменьшения* его размеров считать, что он в среднем за год, за период с *1900—11 гг., не мог быть меньше, чем 3—3,2$^0/_0$, а вполне возможно, что и 3,5$^0/_0$»* (курсив наш).

На с'езде плановых работников докладчик по вопросу о сельском хозяйстве Н. М. Вишневский, говоря о коэффициенте валовой продукции сельского хозяйства в довоенной России, называл, как возможную цифру, 3,5$^0/_0$ и даже 4$^0/_0$. Как мы видели выше, на пятилетие 1926/27—1930/31 гг. в среднем берется рост валовой продукции почти в 5$^0/_0$ в год, т.-е. процент более высокий, чем довоенный. Однако, простого сопоставления коэффициента довоенного с коэффициентом, взятым в проекте пятилетки, было бы недостаточно. При их сопоставлении необходимо принять во внимание, во-первых, что к 1926—27 году восстановительный процесс в области сельского хозяйства не закончился и валовая продукция при среднем урожае составляла 95,3$^0/_0$ от валовой продукции сельского хозяйства 1913 года. Во-вторых, необходимо учесть более быстрый темп роста производительности труда, чем намечено в проекте пятилетки,—роста, обусловленного совокупностью проводимых в этом направлении мероприятий. Все это

[1]) Там же, стр. 163.

заставляет притти к выводу, что взятый темп роста валовой продукции преуменьшен.

Средний годовой прирост темпа валовой продукции, взятый проектом без учета увеличения производительности труда, составляет 3,9$^0/_0$ в год. Первый год пятилетки, при условии среднего урожая за 1925—26 г. и 1926—27 г., дает прирост валовой продукции на 5,4$^0/_0$. Сопоставление цифр 5,4$^0/_0$ и 3,9$^0/_0$ при названных выше условиях само за себя говорит.

Исходя из всего изложенного, мы считаем вполне правильным и актуальным постановление союзного с'езда плановых органов по вопросу о перспективном (пятилетнем) плане развития народного хозяйства, о необходимости в дальнейшей работе над пятилеткой выяснения всех предпосылок и условий для «большего, чем это запроектировано, темпа роста производительности сельского хозяйства с полным и всесторонним учетом всех тех общественных и организационных возможностей, которые открываются для деревни при советском строе».

Снижение цен, товарооборот и другие вопросы.

В процессе дальнейшего хозяйственного развития нашей страны проблема снижения цен промышленных товаров имеет огромное народнохозяйственное значение, являясь на ряду с тем проблемой первостепенной политической важности. Поэтому в пятилетнем плане вопросы цен неизбежно должны занимать одно из первых, центральных мест. Прежде всего, динамика цен является важнейшим показателем промышленного развития страны, степени ее индустриализации. С другой стороны, в цене, как в капле воды, отражаются основные классовые взаимоотношения в стране, и в первую очередь классовые отношения пролетариата и крестьянства. Наконец, то или иное движение цен глубоко влияет на рынок и через рынок на соотношение составных элементов народного хозяйства. Самое незначительное изменение уровня промышленных цен ведет к весьма значительным изменениям ценностных соотношений спроса и предложения на промышленную продукцию. От уровня цен в значительной степени зависит материальное положение рабочих. Цена определяет реальную заработную плату рабочих и в то же время неизбежно отражается на уровне номинальной заработной платы, связывая или освобождая значительные суммы из фонда заработной платы. Все это свидетельствует об узловом положении цены в системе хозяйства, в цепи хозяйственных связей.

Обратимся к рассмотрению проблемы цен в постановке материалов пятилетнего плана. Здесь мы находим проектировку стабильных цен на сельскохозяйственные продукты и снижение отпускных цен промышленности на 17$^0/_0$, при снижении торговой накидки с 35$^0/_0$ до 29$^0/_0$ к отпускной цене. Проектируемый процент снижения оптовых цен и торговой накидки предполагает снижение розничной цены к 30—31 г. приблизительно в размере 21$^0/_0$.

Намеченный проектом темп снижения розничных цен пром. товаров как в части снижения розничной накидки, так и удешевления отпускной цены, нельзя не признать минимальным. Как известно, к 1-му июня 1927 г., согласно директивам партии и правительства, намечено снижение розничных цен в размере

10% и снижение отпускных цен промышленности на 5%. Таким образом, первый год пятилетия осуществляет около половины снижения розничных цен и около 1/3 отпускных, и на остальные четыре года по материалам пятилетнего плана выпадает задача снизить розничные цены дополнительно всего лишь на 11%, а отпускные цены на 12%.

Само собой разумеется, что было бы не реальным рассчитывать на ежегодное десятипроцентное снижение розничных цен на протяжении всех пяти лет, так как те ресурсы, за счет которых происходит снижение цен в этом году (высокие прибыли, явное искривление товаропроводящей сети и пр.), не могут сохраниться в их неприкосновенности на столь длительный период времени. С каждым годом дальнейшее снижение цен будет все более и более упираться в снижение себестоимости промышленной продукции и в проблему рационализации торгового аппарата. Тем не менее, намечаемое проектом снижение розничных и отпускных цен является скорее преуменьшенным, чем преувеличенным, принимая во внимание существующий, крайне высокий, уровень как розничных, так и отпускных. Надо сказать, что материалы к пятилетке идут еще дальше по пути преуменьшения темпа снижения цен. Всюду, где они оперируют со снижением розничных цен, они предполагают это снижение не в размере 21%, а лишь в размере 17%. Так, при сравнении роста благосостояния городского и сельского населения, исчисляя рост продукции сельского хозяйства на душу населения по физическому об'ему на 15%, авторы материалов замечают: «Но пятилетка проектирует значительное снижение промышленных цен—не менее 17%—при стационарности сельскохозяйственных. При этих условиях благосостояние крестьянина возрастает уже не на 15%, а, примерно, на 30%» и т. д. Как видим, *в важнейшем* вопросе о соотношении города и деревни авторы проекта исходят из 17% снижения розничных цен. Они преуменьшают снижение цен даже против 21%, что лишено всяких оснований и совершенно не годится в качестве хозяйственной пятилетней перспективы. Нам могут возразить, что, строя свои расчеты на основе 17%-ного снижения цен, мы оставляем остальную долю снижения в счет резервов, которые-де нам необходимы и т. д. Несостоятельность подобных возражений очевидна. Нельзя оставлять в резерве значительный процент снижения цен, запроектированный тем же проектом, как реальный и целиком осуществимый.

В проекте пятилетнего плана все важнейшие хозяйственные соотношения на предстоящее пятилетие построены на основе 17%-ного снижения цен. Обратимся в первую очередь к вопросам товарооборота, к проблеме встречных товарных потоков, т.-е. потоков промышленной и сельскохозяйственной продукции. В проекте пятилетнего плана по этому поводу мы читаем: «Общее расширение емкости рынка на промышленные продукты личного потребления определилось у нас в 63%. Это довольно хорошо гармонирует с намеченным по пятилетке приростом продукции соответствующих отраслей *государственной* промышленности по физическому об'ему на 67%. Но с учетом частной и кооперативной продукции широкого потребления этот прирост ожидаемого предложения будет значительно ниже—не более 59%. Если бы мы не приняли соответствующих мер в области регулирования квартирной платы и некоторых других статей рабочего бюджета, то получили бы избыток потребительского спроса на продукты промышленности к концу пятилетки в сумме до 250.000.000 руб. довоенных или до 400 милл. руб. черв.» (стр. 21).

Как видим, проект предполагает к концу пятилетия *товарный голод* в солидной сумме 400 милл. черв. руб. Правда, указанная цифра товарного голода является условной, так как, повышая квартирную плату всего лишь на 4%, мы получаем уменьшение потребительского спроса городского населения на промышленные товары и балансы промышленной продукции и платежеспособного спроса сходятся. Тем не менее, совершенно очевидно, что в области товарооборота мы имеем в проекте определенную неувязку. Стоит нам только исходить из снижения розничных цен в размере 21%, как, благодаря усилению платежеспособного спроса городского населения, перед нами снова вырастает проблема товарного голода в 30—31 г., и благополучие на рынке промышленных товаров исчезает. Перед нами дилемма: если принять 17%-ое снижение цен, то это будет означать преуменьшение имеющихся у нас возможностей в области удешевления промышленной продукции, если же остановиться на снижении цен в размере 21%, то это означает угрозу товарного голода. Как мы указывали, снижение цен в размере 21% следует признать вполне реальным и даже минимальным. Поэтому не может быть и речи о «ликвидации» товарного голода за счет преуменьшения темпа снижения цен.

Какие же пути смогут нас привести к более благоприятному соотношению спроса и предложения на промышленные товары? Возможно предположить ликвидацию промтоварного дефицита путем снижения сельскохозяйственных цен, что вызовет сокращение платежеспособного спроса крестьянства. Однако, этот путь не может быть принят без ущерба для развития сельского хозяйства. И не даром материалы к пятилетнему плану проектируют стабильность сельскохозяйственных цен. Другим путем изживания товарного дефицита является путь увеличения производства промтоваров для широкого рынка. Это увеличение возможно за счет усиления удельного веса легкой индустрии и соответственного уменьшения удельного веса тяжелой индустрии; за счет увеличения импорта предметов потребления и, наконец, за счет повышения эффективности капитальных вложений в промышленность и повышения коэффициентов роста кустарной промышленности.

Совершенно понятно, что как путь уменьшения удельного веса тяжелой индустрии, так и путь усиления импорта предметов потребления являются неприемлемыми с точки зрения основной нашей хозяйственной задачи—индустриализации страны. Поэтому изыскательские работы в этом вопросе, несомненно, должны пойти, главным образом, по пути пересмотра принятых проектом коэффициентов эффективности капитальных затрат и коэффициентов роста кустарной промышленности в сторону их увеличения. Мы уже указывали выше, что эти коэффициенты запроектированы в материалах пятилетнего плана с долей значительного преуменьшения. И пересмотр этих коэффициентов является наиболее правильным путем к устранению значитель-

ных противоречий и «узких мест» в пятилетнем плане нашего хозяйственного развития.

Совершенно дезориентирующей является та разновидность «критики» проекта, которую нередко можно услышать из уст некоторых наших ведомственно-настроенных специалистов и которая направлена против взятых темпов нашего хозяйственного развития и темпа индустриализации нашей страны, как темпов преувеличенных. Так наз. «здоровый пессимизм» чиновников смыкается в этих вопросах с «крестьянофильством» и «крестьянолюбием» нашей партийной оппозиции, которая спешно перевооружается и, обжегшись раз на сверхиндустриализме и «рабочелюбии», не прочь закинуть удочку по части «крестьянолюбия» и обвинить партию в сверхиндустриализме. Рассматриваемые нами материалы к пятилетнему плану, по нашему мнению, страдают отнюдь не сверхиндустриализмом, но преуменьшением наших хозяйственных возможностей.

При рассмотрении «материалов» не следует упускать из виду еще одного весьма важного обстоятельства. Проект намечает 33%-ное повышение заработной платы рабочих, что при 17%-ом снижении цен предполагает рост реальной заработной платы на 50%. Однако, совершенно ясно, что, ориентируясь на снижение цен в размере 21%, мы имеем возможность достигнуть 50% роста реальной заработной платы при меньшем повышении номинальной заработной платы. Таким образом, повышенный темп снижения цен освобождает известную часть средств из фонда заработной платы на усиление промышленности при сохранении высокого темпа роста реальной заработной платы и роста благосостояния рабочего класса.

Одним из «узких мест» в нашем хозяйстве является, как известно, безработица и аграрное перенаселение. Оба эти явления тесно между собой связаны. Городская безработица в основной своей массе питается именно за счет аграрного перенаселения деревни. По предположениям материалов к пятилетнему плану, в 1930—31 гг. аграрное перенаселение остается стабильным при неизменной производительности труда в сельском хозяйстве. Если же предположить, что производительность труда возрастет за 5 лет всего только на 5%, то аграрное перенаселение *увеличится* на 3 милл. душ рабочего возраста. Поскольку авторы проекта признают 5%-ное повышение производительности труда весьма скромным, они, так сказать, «гарантируют» нам значительный рост аграрного перенаселения в конце пятилетия. Правда, они оговариваются, что во второе пятилетие мы будем иметь меньший темп роста населения рабочего возраста и поэтому резкое сокращение аграрного перенаселения. Однако, постановка вопроса об аграрном перенаселении для 1-го пятилетия лишний раз указывает на то, что проблемам изживания «узких мест» нашего хозяйства не было уделено достаточного внимания при составлении проекта. Отмеченное нами выше преуменьшение роста интенсификации сельского хозяйства и роста кустарной промышленности в проекте пятилетки сыграло свою отрицательную роль и в вопросе об аграрном перенаселении. Поэтому и здесь следует пойти по пути пересмотра намеченной перспективы в сторону проектировки иных соотношений между ростом рабочего населения деревни и интенсивным развитием сельского хозяйства и кустарного производства.

Все эти замечания ни в какой мере не умаляют, конечно, величайшего и экономического и политического значения работы, проделанной центральной комиссией Госплана по пятилетнему плану. Работа по составлению пятилетнего перспективного плана, ведущаяся как раз в тот знаменательный для нашего хозяйства год, когда довоенный уровень достигнут и превзойден, является свидетельством новых достижений нашего хозяйства, свидетельством величайших преимуществ нашей системы хозяйства перед капиталистической, еще одним шагом вперед по пути к социализму.

И тем более были правы наши планирующие органы, когда ограничили свою работу составлением *материалов* к пятилетнему перспективному плану, вынеся их предварительно на обсуждение всей страны, рабочего класса и его партии.

К. Бауман.

Основные моменты работы партийных организаций.

Характерной чертой, пронизывающей теперь практику партийной работы, как и всей нашей созидательной работы вообще, является ее *конкретность*, все большее стремление приспособить всю нашу работу для более быстрого претворения в жизнь поставленных партией практических задач. Отход от общих разговоров и перенесение центра внимания на практическое выполнение директив партии,—именно этим все более характеризуются методы современной партийной работы. И в планах работы партийных организаций и в самой практике особое ударение делается на *проверке выполнения* ранее данных директив. Действительно, директив, постановлений, резолюций и инструкций у нас бесконечное множество: по любой организации можно набрать целые томы прекрасных постановлений и инструкций. Но гораздо слабее обстоит у нас по части их проведения в жизнь. Именно в этом теперь гвоздь вопроса, и соответственно этому происходит перестройка практики нашей работы. Теперь необходимо гораздо больше внимания обратить на отдельные детали нашей работы, глубже вскрывать наши недостатки и более внимательно содействовать росту новых достижений. Надо пронизать все будни нашей работы партийной принципиальностью, понять, что каждый наш практический успех в области ли хозяйственного или культурного строительства есть маленькое звено общей борьбы рабочего класса за социализм.

Внимание к «мелочам», внимание к будничной практической работе, уменье в гуще самой жизни вносить социалистические изменения, пусть порой крохотные, но творимые миллионами рук, складывающиеся в мощное целое социалистического строительства,—таково одно из требований, пред'являемое работникам различных родов оружия. Но было бы неправильно отсюда проникнуться буднично-обывательской психологией «тише едешь, дальше будешь», психологией «малых» дел, суживающей самый размах работы, инициативу и творчество. Такие настроения нередко имеют место: порой партиец считает достаточным по-чиновнически выполнить свои служебные обязанности, а в разговорах вздыхает: «что делать, время такое...» Или как у отдельных комсомольцев: «нам в СССР делать нечего, махнуть бы в Китай», а пока... лишнюю энергию тратить порой на хулиганские выходки. Такие настроения не имеют ничего общего с установкой партии о необходимости сосредоточить гораздо больше внимания на проверке выполнения, на будничной практической работе. Ибо наша будничная работа есть в то же время великая реорганизаторская работа по преобразованию «России нэповской» в «Рос-

сию социалистическую». И мы ни в какой мере к нашей практической работе не можем подходить по-чиновничьи. Она должна быть пропитана великим энтузиазмом созидания нового общественного строя, она должна быть освещена светом наших конечных целей—построения коммунистического общества. Наша деловитость, практичность не есть простое «делячество», она—деловитость пролетарских революционеров.

Все лозунги партии, на претворении которых в жизнь мы и должны сосредоточить теперь свое внимание, являются вехами в деле построения социалистического общества. Индустриализация страны определяет весь предстоящий этап нашего строительства. Оживление работы советов дает основное направление всей работы по достройке государства-коммуны, как первоначального этапа безгосударственного коммунистического общества. Этим определяется и содержание ближайших очередных задач: рационализации производства, снижения цен, борьбы с бюрократизмом, за режим экономии, за переделку государственного аппарата и т. п.

К проведению в жизнь *рационализации производства* мы только-что приступаем. Еще наблюдается недопонимание всей важности и значения этого лозунга даже отдельными слоями партийцев. Работы в этом направлении еще непочатый край. Наша обязанность, конечно, в первую очередь, достичь правильного уяснения этой директивы всей массой партийцев. Мы со всей отчетливостью должны раз'яснить рабочим массам о коренной, принципиальной разнице между рационализацией у нас и в капиталистических странах. Но мы не можем слащаво замазывать также трудностей, встающих на этом пути. Порой и партийцы не уясняют того, что на определенных участках отдельные группы рабочих и служащих должны будут принести некоторые жертвы в целях выполнения *общеклассовой задачи*. Эти жертвы, как указывал тов. Сталин в своей речи на конференции комсомола, потребуются, но они явятся сравнительно ничтожными, особенно по сравнению с жертвами, уже принесенными рабочими в борьбе за захват и укрепление власти. На отдельных участках нашего хозяйства рационализация производства может приводить (и приводит) к сокращению рабочих и служащих, при *общем росте* нашей промышленности и рабочего класса. В конечном счете рационализация поможет изживанию безработицы, содействуя более быстрому хозяйственному под'ему всей страны. И наша задача научиться, не замазывая трудностей, раз'яснить рабочим массам огромное значение рационализации производства для *всего* рабочего класса, поднять сознание рабочих масс на такую высоту, чтобы они рассматривали отдельные случаи в тесной связи со всей нашей работой, чтобы они интересовались не только отдельной фабрикой, а промышленностью всей страны, видели ее рост, наши достижения по под'ему хозяйства всей страны.

Налицо уже ряд случаев, когда отсталые слои рабочих проявляют протест против рационализации: не хотят введения конвейера, отрицательно относятся к уплотнению рабочего дня, к автоматическому станку и т. п. Имели место даже отдельные случаи избиения (даже убийство) лиц административно-технического персонала со стороны сокращаемых рабочих. Партия делает все возможное, чтобы всемерно ослабить противоречие инте-

ресов отдельных групп рабочих с общеклассовыми интересами (постановления о переводе сокращаемых рабочих на другие предприятия, об их использовании в связи с расширением производства, о выдаче сокращаемым вследствие рационализации от $1\frac{1}{2}$ до 3 месячных пособий). Но отдельные проявления этих противоречий будут иметь место. Задача партийцев давать отпор этим отсталым настроениям, задача партийных организаций сплотить вокруг себя все более широкий рабочий актив на предприятиях, достичь уяснения этой директивы партии всей рабочей массой, чтобы сама рабочая масса была заинтересована и участвовала в проведении рационализации производства.

Подчеркивая огромное значение рационализации производства для хозяйства всей страны, ее принципиальное отличие от капиталистической рационализации, мы в то же время должны проявить максимальную практичность, деловитость, увязать всю нашу раз'яснительную работу с практической работой каждого отдельного предприятия, даже цеха в этой области. Особенно, вырастает в связи с этой задачей роль производственных совещаний и того рабочего актива, который сплачивается вокруг них. Громадную роль должны сыграть профсоюзные организации в целом, печать, комсомол, делегатский корпус работниц. Партийные организации вплотную должны заняться осуществлением правильного руководства работой всех массовых рабочих организаций в этом направлении, проверяя достигнутые результаты и неуклонно — *вместе* со всей рабочей массой — продвигаясь вперед по осуществлению в жизни этой важнейшей партийной директивы.

Второй боевой задачей, которая определяет содержание нашей практической работы, является *снижение цен*. Организация масс вокруг этой задачи нами уже начата, но результаты пока еще явно недостаточны. Потребуется еще напряженная работа, проверка целого ряда областей нашей работы под углом зрения осуществления этой задачи. Рационализация производства должна дать снижение себестоимости изделий промышленности. Но не менее остро стоит вопрос о снижении розничных цен. Проведение предварительного снижения цен (до 8%) по ряду торгующих организаций дает уже нуль прибыли или даже убыток, потому что это снижение цен не было в достаточной мере связано с сокращением накладных расходов, рационализацией товаропроводящей сети и ее аппарата. И здесь надо подчеркнуть необходимость в ряде случаев коренной реорганизации всего аппарата, а не только латания отдельных его прорех. Например, меньше всего снижены цены в деревне. И зачастую это связано с большой дороговизной содержания аппарата деревенских кооперативов, обороты которых не столь значительны. Маленький деревенский кооператив должен содержать заведующего, счетовода, приказчика, сторожа и т. д. При обороте 1.000—2.000 рублей в месяц, содержание его аппарата составляет 300 и более рублей в месяц. Бывают даже случаи, когда содержание одних сторожей заставляет кооператив вылетать в трубу. Здесь уже речь не может итти о внесении тех или иных поправок в работу этих кооперативов, а о коренном изменении организации их аппарата—скажем, о переложении всей ответственности на *одно* платное лицо, которое и организует торговлю и составление отчетности и охрану товаров и т. д. В этом вопросе мы можем и должны кое-чему поучиться у деревенских лавочников. И партийные организации на местах, осуществляя свое руководство работой потребительской кооперации, должны смотреть не только за тем, что произведена соответствующая скидка на товары, но подходить *по-хозяйски* и в соответствии с этим намечать конкретные мероприятия, в нужных случаях ставя вопросы перед вышестоящими организациями.

Партийные организации должны усилить точно так же свое руководство и проверку, исходя из необходимости снижения цен, практикой советских органов. Например, кое-где исполкомы охотно говорят о снижении цен, а вместе с тем набавляют арендную плату на склады, на торговые помещения, коммунальные услуги, как будто это не ложится новым бременем на цены товаров. «Васька слушает, да ест». Или взять кредитующие организации—продумали ли они вопрос о возможности хотя бы небольшого снижения процентов по займам для кооперации, госторговли?

Партийные организации должны также возглавить борьбу против явных извращений линии партии, когда ухудшают качество товаров, подменяют лучшие сорта худшими и т. д. Виновных партийцев нужно привлекать к сугубой партийной ответственности, ибо они дискредитируют директиву партии. Вот уже где действительно чиновничий подход к делу. Со всей суровостью надо вытравливать такое чиновничье отношение партийцев к важнейшему постановлению партии.

Целый ряд вопросов, чисто практических и вместе с тем тесно увязанных со всей принципиальной линией партии, должен быть поставлен партийными организациями при практическом проведении директивы о снижении цен, и каждый партиец должен проявлять свою инициативу и активность, чтобы ее осуществить в жизни.

Третьим вопросом, имеющим точно так же большое значение, является вопрос о *переделке нашего госаппарата*, искоренении в нем бюрократических извращений, об устранении его громоздкости, его удешевлении, достижении гораздо большей четкости в его работе. Эта работа должна тесно переплестись с общей работой по оживлению работы советов. Коренное, принципиальное отличие нашего аппарата состоит как раз в его все большем сливании с массами трудящихся, в их вовлечении в саму практическую работу наших госорганов.

На ряду с планомерной, организаторской работой по устранению излишних звеньев и параллелизма в работе, нам необходимо гораздо шире развернуть связь аппарата с массами, усилить воздействие и контроль рабочих и крестьянских масс над работой госаппарата. Мы должны создать не только актив вокруг советов в целом, но *и рабоче-крестьянский актив из фабрик и деревень вокруг отдельных разветвлений госаппарата, отдельных советских учреждений*. Тем самым мы внесем гораздо больше конкретности и в работу самих советов и их секций, еще больше увяжем принципиальную линию партии с практической работой, вызовем еще большую заинтересованность рабочих и крестьян в строительстве пролетарского государства.

Если для организации промышленных районов особую важность приобретает директива о рационализации производства, то для деревенских парторганизаций задачей современного периода

является переделка, *реорганизация деревни на новых, кооперативных, коллективных началах*. В сущности, подлинный под'ем сельского хозяйства возможен только на этой основе об'единения распыленных крестьянских хозяйств в мощные коллективы, могущие достойным образом использовать современный уровень техники, агрономии. Партийные организации должны ставить перед собой задачу не просто под'ема материального состояния бедноты, маломощных хозяйств, а под'ема их на определенной основе—все большего применения общественно-коллективных начинаний.

Уже сама крестьянская масса проявляет инициативу в этом направлении. Происходит не только организация артелей, отдельных коллективов, машинных товариществ, но и переход целых деревень к новым, социалистическим начинаниям. Ярким примером может служить село Раменье, Волоколамского уезда, Московской губ. Оно завело 250 десятин общественной запашки, частично через осушение *коллективным* трудом болот. Оно приобрело в кредит трактор, уже оплаченный доходами от общественной запашки. Этот трактор бесплатно вспахивает землю бедноты. Далее, доходы от общественной запашки поступают *в общий сельский фонд* по улучшению сельского хозяйства всей деревни, помощи маломощным хозяйствам и т. д. Вот пример, достойный подражания! Здесь мы имеем налицо своеобразный социалистический сектор в хозяйстве данной деревни, командную вышку для ее продвижения по новым путям. В перспективе маячит село Раменье, полностью перешедшее на общественную обработку земли с применением машин и методов, рекомендуемых наукой. Тяга к лучшей новой жизни у крестьян огромная. Жить по-старому нельзя—это осознал уже каждый крестьянский активист. По многочисленным каналам началось строительство новой, советской деревни. Нащупываются все более конкретно пути, по которым все большая масса крестьянства *на основе сочетания своего личного интереса с интересами общественными* продвигается вперед к социалистическому переустройству деревни. И «маленькое» дело села Раменья превращается в огромной важности и принципиального значения факт.

Таковы наши «малые» дела, такова наша будничная работа. Она, как видно уже из перечисленных выше основных задач современной практики — рационализации производства, под'ема сельского хозяйства на новой основе, снижения цен и борьбы с бюрократизмом—идет по путям, которые приведут нашу страну к достижению конечной цели.

* * *

Политика партии правильна. Генеральный лозунг партии—победоносное строительство социализма в нашей стране—осознан не только партией, но и основной массой рабочих, а также передовых крестьян. Партия не хочет возвращаться к дискуссии по уже решенным и ясно осознанным партийной массой вопросам. Перенося центр тяжести своей работы на практическое претворение партийных директив в жизнь, на проверку выполнения, партийные организации вместе с тем должны сосредоточить больше внимания на правильности *подбора, подготовки и выдвижения работников*. «Гвоздь теперь в подборе людей»,—еще на XI с'езде сказал Ленин, одновременно делая утверждение о том, что отступление кончилось. Это не значит, пояснил он, что мы уже научились торговать. Да, мы многому еще не научились, и за это нам приходится платить дань капиталистам и мелкобуржуазной стихийности. Плановость еще не пронизала всю нашу работу, много суеты еще и параллелизма. Даже в самой централизованной области хозяйства—на транспорте—по рельсам «гуляют» товары (встречные перевозки однородных товаров и т. п.). И вместе с тем, когда, стремясь к плановости, мы чересчур перегибаем палку в централизации, у нас на деле получается порой бюрократическое замораживание живого дела. Вот почему особенное внимание мы должны обратить на проведение в жизнь постановления XV Всесоюзной партконференции о проявлении большего доверия к низовым звеньям, на ряду с внесением большей плановости в работу на местах. Все это требует повышения деловой квалификации наших работников вообще и в особенности насыщения периферии более подготовленными, культурными силами. Нам необходимо учиться—и в вузах, и на курсах, и в академиях. Нам необходимо учиться еще в большей мере на живой практической работе, стремясь сочетать учебу с практикой. Нам необходимо направлять работников из культурных центров на места. Чувствуется излишний перегиб в установке партийцев на работу в аппарате в губернских—не говоря уже о столичных—городах. А задачи, стоящие перед нами, требуют насыщения фабрик, заводов и деревень подготовленными организаторами. Образцовая работа на местах—одна из важнейших директив в нашей практической работе.

Растут новые кадры *актива*, не только партийного, но и беспартийного. Надо суметь использовать этот общий рост актива, правильно его разместить и тем самым достигнуть улучшения личного состава наших хозяйственных, кооперативных, советских и партийных органов, чтобы поднять работу еще ступенькой выше. В частности, проводя курс на оживление работы советов, мы должны в гораздо большей мере изучить, знать беспартийный актив, чтобы не случайно или только «по бороде» выдвигать рабочего или крестьянина на работу в тот или другой государственный орган. Прежде всего, борьба за *качество выдвиженцев*. И вместе с тем придание делу выдвижения еще большего общественно-политического значения, путем обсуждения кандидатур выдвиженцев на делегатских и общих рабочих собраниях тех фабрик, откуда товарищ выдвигается. Это выдвижение под общим руководством парторганизаций может и должно вестись по инициативе не только партийных организаций, но и профсоюзов, советов, кооперации. Вокруг всех этих организаций растет пролетарская общественность и создаются соответствующие кадры активистов. Руководители этих организаций, местные партийные и профорганизации должны установить все более тесную связь с передовыми активистами, сплачивающимися вокруг них. Тогда силы наши удесятерятся, и темп нашей работы ускорится.

Ускорение и успешность в работе может и должна быть достигнута через правильную постановку всей *массовой* работы. В этой области мы, во-первых, должны поставить задачей охват *всей массы пролетариев*. У нас нередко на крупных фабриках и заводах из 3.000—5.000 вовлечено фактически в работу профорганизаций, в активное участие по обсуждению политических

и хозяйственных вопросов 300—500 человек, с большей или меньшей регулярностью участвующих в работе делегатских собраний, на фабрично-заводских конференциях и т. д. Зачастую рабочие, живущие в деревне, совершенно не втянуты в работу и политически мало обслуживаются. Бывает, что порой рабочий, живущий в деревне, меньше политически развит, чем местный крестьянин, принимающий участие хотя бы в работе своего сельсовета и кооператива.

Вот почему необходимо в целях охвата гораздо большей массы пролетариев со всей решительностью *развернуть работу в цехе*. Во-вторых, охватывая все более широкие слои рабочих масс, нам вместе с тем необходимо внести еще больше *конкретности и действенности* в массовую работу, направляя ее по линии вышеуказанных основных задач. Нужно, чтобы цехпрофбюро, цех'ячейки, цеховые делегатские собрания, а точно так же общезаводские, реагировали на местные недостатки, искажающие линию партии, выдвигали отдельные практические предложения, могущие улучшить работу заводоуправления или профорганизаций. В первую очередь, заводоуправление или фабзавком обязаны отчитываться об использовании этих предложений. Отнюдь не обязательно ограничиваться отчетами на рабочих собраниях фабзавкомов или директора об общей их работе, необходимо выдвигать и ставить отдельные, наиболее злободневные вопросы, входящие в круг их работы; порой 10-минутная информация директора по наиболее наболевшим вопросам и их обсуждение принесет не меньше пользы, чем общий доклад его. Уже имеются примеры, где на делегатских собраниях, в течение часового заседания соответствующие органы информировали, давали ответы рабочим на ими самими выдвинутые десятки вопросов.

Такая постановка работы вызовет больший интерес рабочих к постановлениям общих и делегатских собраний, усилит проверку выполнения со стороны рабочих масс, в еще большей мере воспитает в них чувство коллективного хозяина, будет способствовать изживанию противопоставления рабочих заводоуправлению и т. п.

В-третьих, нужно озаботиться *обогащением* содержания массовой работы. Политические и культурные потребности рабочих масс выросли качественно, они одновременно стали более многообразны.

Рабочие интересуются и политикой, и техникой, и вопросами организации труда, и искусством. Рабочий класс выдвигает из своих недр отряды активистов, интересующихся, в первую очередь, тем или другим участком нашего социалистического строительства. Между тем, в нашей массовой работе еще много трафаретности, шаблона. Например, чрезвычайно редко где поставлена работа с выросшим вокруг производственных совещаний активом, в первую очередь интересующимся вопросами организации труда или техникой. Профорганизации в особенности должны учесть это в своей массовой работе, использовать имеющиеся культурные силы для постановки соответствующих циклов докладов в клубах, для организации соответствующих рабочих кружков, а также оказывая содействие соответствующим кадрам рабочих активистов при поступлении на курсы, в вечерние университеты и т. п. Парторганизации точно так же должны усилить свою работу по политическому воспитанию рабочего

актива. Тут и открытые собрания ячеек, и специально созываемые ячейками или парткомами собрания рабочего актива, с постановкой общеполитических вопросов, и вовлечение в школы политграмоты и т. д.

Сплачивая вокруг себя и воспитывая новые кадры *рабочего актива*, партийные и профессиональные организации получают в нем *могучее орудие для развертывания и углубления всей массовой работы* среди все более широких слоев рабочих. Там, где налицо уже значительный рост рабочего актива, можно и должно ставить вопрос об его использовании для усиления политической работы среди окружающего фабрики трудящегося населения (крестьянство, кустари, жены рабочих и служащих).

Пролетарский актив должен быть популярным не только на своей фабрике, но и среди всего трудящегося населения данной местности. Нам надо шире осуществить применение идеи Ленина *о политическом шефстве* рабочих над крестьянством и другими слоями трудящихся, ибо это усилит еще в большей мере гегемонию пролетариата, его руководящую роль по отношению ко всей массе трудящихся.

Более того, таким образом мы достигнем роста активности среди самих рабочих масс. Нередко активист, не играющий заметной роли на самой фабрике, весьма интенсивно проводит работу среди более отсталых слоев—кустарей, крестьянства. Он вырастает политически сам в своих глазах, он начинает чувствовать себя вожаком, руководителем, от политической инертности он переходит к активности. Ряд примеров показывает, как использование рабочих для работы, например, по шефским организациям в деревне, приводит к росту их политической активности на самой фабрике. Особенно во время политических кампаний, например, по перевыборам советов, необходимо гораздо шире использовать выросший беспартийный рабочий актив, равно как и крестьянский актив в деревне. Но и в практической повседневной работе парторганизации должны широко организовать дачу отдельных поручений беспартийным рабочим-активистам.

Несомненно, что то громадное вовлечение рабочих и крестьянских масс, которое теперь проводится по линии снижения цен, рационализации производства, борьбы с бюрократизмом, в частности путем организации рабочего и крестьянского актива вокруг отдельных советских учреждений, дает новый значительный рост рабочего и крестьянского актива, облегающего наши партийные организации и являющегося его помощником.

Все более сложные задачи встают перед нами. В гораздо большей мере, чем до сего времени мы должны, на ряду с вопросами, связанными с переустройством хозяйства, поставить вопрос об *улучшении быта рабочих*, о внесении в него большей культурности. Конечно, мы здесь наталкиваемся, как на огромное препятствие, в первую очередь на нашу бедность: скученность в квартирах, отсутствие достаточных помещений для клубов и т. п. Но все же слишком мало сделано и того, что можно было бы сделать на этом заброшенном участке нашей работы. Взять хотя бы массовое пьянство в рабочих районах в день получки, нередко следующую затем поножовщину, драки, избиения мужем жены и детей, безнадзорность детей в тех семьях, где мать и отец (а это обычно на текстильных фабриках) работают на предприятиях. Рост партийного, комсомольского и беспартийного актива дает нам воз-

можность выделить организаторские силы и на этот участок борьбы с тяжелым наследием прошлого, некультурностью, пронизывающей наш быт. Особенное внимание мы должны обратить на подрастающее поколение. «Дети—цветы земли»—говорил Горький; во всяком случае, они—наше будущее. Уничтожить безнадзорность детей в рабочих районах, организовать для них разумные игры, развлечения, отдых—это обязанность женделегаток и комсомольцев, и пионеров в первую очередь.

Ставя так работу во всех областях, мы действительно достигнем того, что рабочий класс *в целом* явится коллективным строителем нового общественного строя, выдвигая на передовые позиции кадры своих активистов из глубочайших своих пластов.

Этот могучий рост рабочего актива вместе с тем дает нам возможность усилить работу *по приему* в партию, по увеличению рядов боевого авангарда за счет пролетариев от станка. Эта задача тем более настоятельна, что за последний год и во время партпереписи произошел некоторый отсев, в том числе рабочих, из наших рядов. 1924 и 1925 гг. были годами бурного роста партии, и, главным образом, этот рост шел кампанейским путем. Нередко в партию вступали отдельные рабочие, случайно подхваченные общей волной тяги рабочей массы в партию. Вместе с тем, громадное увеличение наших рядов затруднило возможность перевоспитания беспартийных клеточек в партийные. Теперь этот процесс отсева, в основном, надо считать законченным. Наша задача правильно организовать прием в партию новых кадров политически выросших рабочих не путем кампаний, а в порядке систематической, повседневной работы. Рост пролетарской общественности, усиление размаха работы партийных, советских, профсоюзных и др. организаций, большее вовлечение рабочей массы в их работу, дают нам возможность отобрать в партию лучшие, проверенные на общественно-политической работе, кадры. Усиливая прием в партию, мы ни в коем случае не можем понизить строгость отбора. Партия не проходной двор: нужно принимать товарищей со всей сознательностью, продумавших свое вступление в партию, тех, которые в своей практической работе ставят общеклассовые задачи пролетариата выше цеховых интересов отдельных групп рабочих. Именно в этом заключается основной критерией при определении, кого принимать в партию. И сами партийные организации и члены партии должны проявить больше инициативы по вовлечению товарищей, достойных быть в рядах партии. Особенное значение здесь приобретает работа цеховых ячеек и групповых организаторов. В ближайший период мы должны выполнить одну из основных организационных директив партии о том, чтобы в составе партии было не менее 50% рабочих от станка.

* * *

Мы переживаем, несмотря на ряд затруднений, полосу хозяйственного и культурного под'ема страны. Растет активность всех слоев населения. Впереди по своей активности и росту политической сознательности и сплоченности идет пролетариат. Все более огромные массы народа—бедняки, середняки-крестьяне, трудящиеся города—сплачиваются вокруг советской власти, все с большей сознательностью они признают и поддерживают диктатуру пролетариата. И вместе с тем, гораздо шире развивается деловая критика наших недостатков, все большие массы организуются вокруг практических мероприятий по их устранению. Нам именно в настоящий период переустройства нужна эта здоровая, деловая критика масс. Она ускоряет самый процесс переделки. Но критика—не только наше оружие, но и оружие наших врагов. В условиях нэпа на ряду с процессом развертывания социалистического строительства проявляется и противоположный ему процесс—оформления буржуазной и мелкобуржуазной идеологии. Она становится более четкой и активной. Она просачивается и в отдельные слои трудящихся в виде антисемитизма, шовинизма, порою роста религиозности и т. п. Приспешники идеологии новой буржуазии и кулачества стремятся направить критику отдельных недостатков нашей работы по руслу критики всей системы советской власти. И наша задача, четко улавливая дезорганизующие, антисоветские тона критики, давать на каждом шагу им решительный отпор: в совете ли, профсоюзах или на собраниях,—нигде члены партии не должны оставлять без ответа ни одну из попыток подрыва авторитета советской власти.

Но для всех, разве за исключением явно запутавшихся, заблудившихся, свернувших с ленинской дороги оппозиционеров, видны исторические пропорции этих двух процессов в нашей стране: в то время как наш процесс социалистического строительства есть могучий поток, процесс антисоветский обречен на гибель. Вот почему мы с полной уверенностью продолжаем развертывание советской демократии, содействуем росту советской пролетарской общественности.

Это обязывает наши парторганизации к усилению своего руководства развивающейся советской общественностью. Только под руководством партии она является подлинно пролетарской общественностью и направляется по правильному руслу—социалистического строительства. *Партийная общественность должна быть авангардом всей советской общественности.* При росте активности широких беспартийных масс, мы в еще большей мере должны развернуть активность и самодеятельность партийных масс. Проведение советской демократии особенно заостряет вопрос о полном и последовательном осуществлении *внутрипартийной демократии.*

Совершенно нетерпимым явилось бы положение, когда в первую очередь беспартийные критиковали бы действительные недостатки нашей работы, а партийцы отмалчивались бы, или, что еще хуже, во что бы то ни стало стремились бы замазать эти недостатки. Это значило бы плестись в хвосте, а не итти в авангарде борьбы за устранение наших болячек и недостатков в нашей работе. Партийцы *первые* должны вскрывать недостатки и принимать все меры к их устранению. Это еще более повысит авторитет партийных организаций в беспартийных массах.

В этих целях нам необходимо гораздо большее проявление инициативы со стороны как отдельных членов партии, так и целых парторганизаций. У нас широко разветвились и приблизились к самой массе звенья партийного руководства. На крупных предприятиях бюро общезаводской ячейки все более начинает играть *роль партийного комитета* (райкома); оно обросло активом, работающим на определенных участках партработы;

вокруг него создался своеобразный, не платный, а на основе роста самодеятельности партийных масс, «аппарат»—в сущности, оргкомиссия при бюро ячейки заменяет собою оргтдел райкомов, как агитпропкомиссия—агитпроп, женкомиссия—женотдел. Далее, широко развертывается низовая сеть цеховых ячеек и за последние годы—низовые «агенты» партии, группорги, являющиеся организаторами каждого десятка партийцев и вожаками в соответствующей группе беспартийных рабочих. Звенья партийного руководства внедрились в самую гущу рабочей массы; их обрастание беспартийным активом—еще теснее, еще более мощно должно закрепить связь партии с рабочей массой.

И творческая, инициативная работа всех этих разветвленных звеньев партийного руководства, *выдвижение ими вопросов снизу* перед вышестоящими организациями, как в свою очередь выдвижение вопросов каждым партийцем перед низовым руководящим звеном, даст небывалый рост партийной общественности, внесет массовую коллективность в осуществление всего партийного руководства. Недостатков в этой области еще много, но уже прошел изрядный срок, как партийные организации от общих разговоров о внутрипартийной демократии перешли к практическому ее осуществлению. Методы убеждения и раз'яснения, все большего развертывания самодеятельности партийных масс и все большего осуществления коллективности в руководстве—все более пронизывают практику современной партийной работы.

Усложнившаяся и разросшаяся работа требует большего уточнения методов руководства и со стороны партийных комитетов. В недостаточной мере ими еще использовываются фракции (советов, профсоюзов, кооперации), как *вспомогательные звенья* по осуществлению партийного руководства всеми областями нашего строительства. Фракции сами должны проявлять больше инициативы по выдвижению вопросов перед соответствующим парткомом, обеспечивая в то же время проявление инициативы по постановке тех или других вопросов перед фракцией в целом со стороны каждого отдельного ее члена. Коллективность в работе должна измеряться не количеством заседаний и протоколов, а именно своевременным реагированием ее на актуальные вопросы.

Таким путем мы осуществим на деле то требование, которое теперь пред'является партийному руководству,—проявление большей чуткости к запросам политически и культурно выросших рабочих масс. В этих же целях нам необходимо обратить, особенно за летний период, больше внимания на *подготовку*, учобу партийного актива; при этом особую важность приобретает повышение политической квалификации работников в цехе (секретарей цех'ячеек, группоргов).

Развертывание внутрипартийной демократии должно способствовать и поднятию политического уровня членов партии, в частности воспитанию молодых членов авангарда великой армии борющегося пролетариата. Наша партия—авангард этой армии; она одновременно добровольный союз единомышленников. Нам необходимо боевое, железное единство наших рядов, величайшая их дисциплинированность. Но наша дисциплина не противоречит, а целиком сочетается с внутрипартийной демократией, ибо рост нашей дисциплинированности основан, в конечном счете, на все большем осознании каждым членом задач партии. Наша дисциплина не есть «лямка», а сознательное выполнение отдельной

частью партии общепартийных директив. Те же, которые не хотят их выполнять, вопреки общей воле партии, находятся на грани отхода или отходят от партии. И одновременно с проведением внутрипартийной демократии нам необходимо усилить борьбу с элементами разложения, срывающими выполнение директив партии, дискредитирующими их. Мы упорно должны продолжать нашу работу по повышению *качества* наших рядов. И контрольные комиссии должны в настоящий период переделки госаппарата проявить особенную жесткость к тем партийцам, которые продолжают заниматься бюрократической волокитой, не проводят или злостно искажают линию партии по снижению цен, по проведению режима экономии.

Мы перегружены нашей внутренней созидательной работой. Но нет и не может быть ни одной парторганизации, которая позабыла об общей борьбе *всего международного пролетариата*. Особенно в настоящий момент рабочий класс и вся партийная масса проявляют громадный интерес к международным событиям. Наша задача широко осветить в рабочих и крестьянских массах международное положение СССР, осветить борьбу китайского народа против империализма, назревание новых революционных сил в рабочем классе капиталистических стран. Эти вопросы приобретают и острое внутрипартийное значение в связи с новыми попытками оппозиции развернуть именно по ним дискуссию (например, последнее выступление Зиновьева). Надо со всей тщательностью изучить политику партии в международных вопросах. У нас нет никакой необходимости вступать здесь на путь дискуссии; политика ЦК правильна и признана правильной всей партийной массой. Тем более в настоящий момент, при весьма обострившейся обстановке нашего международного положения—было бы преступлением итти на роскошь дискуссирования. Вся масса партийцев, все парторганизации железной стеной сплотились вокруг ленинского ЦК, и никаким попыткам оппозиции не пробить этой стены. Партия со всей революционной настойчивостью и выдержкой будет продолжать великое дело строительства социализма, подымая на новой основе мощь нашей страны, готовя сокрушающий отпор попыткам империалистов нарушить нашу созидательную работу и оказывая всемерную поддержку пролетариям всех стран и угнетенным империализмом народам в их борьбе за победу над мировым капиталом.

М. Рубинштейн.

К характеристике экономики Китая.

(Окончание).

IV. Иностранный капитал в Китае.

1. Внешняя торговля.

Основным орудием проникновения иностранного капитала и воздействия империализма на народное хозяйство Китая долгое время была лишь внешняя торговля.

«Открытие» Китая для европейской торговли сопровождалось многочисленными войнами, насилиями и грабежами.

«Дымящиеся развалины самых крупных и самых старых городов, гибель земледельческого хозяйства на огромных пространствах земли, невыносимый налоговый гнет для изыскания военных контрибуций были спутниками всех европейских вторжений и шли в ногу с успехами торговли. Из свыше 40 китайских «договорных» портов каждый куплен потоками крови, резней и разрушением» [1].

Как мы уже упоминали, в настоящее время по абсолютным цифрам внешняя торговля Китая является весьма значительной (занимая по общим оборотам 7-е место в мире—после Англии. Соед. Штатов, Франции, Германии, Индии и Голландии). При этом бросается в глаза ее бесперебойный и все ускоряющийся рост.

Так, по пятилетиям внешняя торговля Китая составляла в таэлях [2]:

1899 г.	576.100.557
1904 »	720.125.962
1909 »	939.722.755
1914 »	1.058.821.028
1919 »	1.637.162.362
1924 »	2.379.032.756

При этом характерно, что и последние годы, заполненные стачками, бойкотом, гражданской войной все же не дают сколько-нибудь заметного снижения торговли.

[1]) Роза Люксембург—«Накопление капитала», ГИЗ, 1923, стр. 408.

[2]) Мы приводим лишь номинальные цифры, не внося поправок на изменение цен, так как отсутствие в Китае достаточно полной статистики цен и составление данных о внешней торговле в таэлях (условных единицах серебра) делает такую поправку крайне спорной и затруднительной. Курс таэля колебался за последние 15 лет очень значительно, но эти колебания не соответствовали общей кривой роста мировых цен. Кроме того, эти изменения курса имели совершенно разное значение для различных по типу товаров экспорта и импорта в Китай.

1925 г.—год шанхайской и гонконгской стачки дал лишь небольшое снижение по сравнению с 1924 г., но был все же выше 1923 г. В 1926 г., несмотря на продолжение бойкота Гонконга, северный поход, столкновения в Северном Китае—внешняя торговля (по предварительным данным) довольно значительно выросла.

Вообще, она обнаруживает чрезвычайную цепкость, зачастую продолжается непосредственно во время военных действий или переходит из одних портов в другие.

Зато в участии основных империалистических стран во внешней торговле Китая мы видим серьезную перегруппировку. На ряду с резким падением доли Англии, мы имеем значительный, хотя сопровождающийся большими колебаниями, рост Японии и Соед. Штатов.

До войны Великобритании принадлежала в китайской торговле основная роль.

В 1925 г. мы имеем уже совершенно другую картину. Так, в импорте Китая основную роль играли следующие страны [1]):

Япония	300 милл. таэлей
Гонконг	176 » »
Соединенные Штаты	143 » »
Великобритания	93 » »
Брит. Индия	49 » »
Голл. Индия	37 » »
Германия	32 » »
Другие страны	135 » »
Всего	965 милл. таэлей

Доля Великобритании в импорте Китая составляла лишь 9% против 31% Японии и 15% Соед. Штатов. Правда, очень крупная роль (18%) принадлежала Гонконгу. Но по заявлению отчета коммерческого секретаря Великобритании в Шанхае лишь около 10% импорта Гонконга в Китай состоит из товаров великобританского происхождения [2]). Если даже увеличить процент импорта из Великобритании на соответствующую долю (1,8%), она все же будет значительно отставать не только от Японии, но и от Соед. Штатов.

[1]) «Report on the industr. Situation in China». 1926. Department of overseas trade London.

[2]) Совершенно никчемным является поэтому довольно часто встречающееся в нашей литературе складывание долей Великобритании с Гонконгом, Индией и другими частями Британской империи, при чем общий итог иногда даже фигурирует под заголовком «Доля импорта из Англии» (?).

О характере импорта из Гонконга мы упоминали выше. Импорт из Индии в Китай (в котором основную роль играет хлопок) также имеет совершенно другой характер и экономическое значение, чем импорт из Великобритании. Сами англичане это прекрасно понимают и нигде в официальных изданиях такого рода сложениями не занимаются, хотя бы они и могли несколько прикрасить неумолимые факты неуклонного падения английской доли в торговле Китая.

В экспорте Китая Великобритания занимает еще меньшее место.

В 1925 г. экспорт из Китая составлял:

В Японию	186	милл.	таэлей
» Соедин. Штаты	143	»	»
» Гонконг	114	»	»
» Францию	66	»	»
» СССР	48	»	»
» Великобританию	47	»	»
» другие страны	—	»	»
Всего	776	милл.	таэлей

Таким образом, в экспорте Китая Великобритания занимала лишь 6-е место (в частности после Франции и СССР), составляя лишь 6% всего экспорта против 24% в Японию и 19% в Соед. Штаты. При этом, по данным торговой статистики Гонконга, вряд ли больше 1% китайского экспорта в Гонконг направляется затем в Англию.

Мы видим, таким образом, что роль Англии во внешней торговле Китая в настоящее время уменьшилась как абсолютно, так и относительно.

Как источник сырья Китай не играет для Англии почти никакой роли, как рынок сбыта он все более уплывает в другие руки.

С другой стороны, данные о внешней торговле Китая показывают чрезвычайно выросшую роль Японии, занимающей уже 1-е место, как в импорте, так и в экспорте,—а также огромный рост Соед. Штатов, оттеснивших Англию на третье место.

Это опровергает довольно распространенное представление о незначительности интересов Соед. Штатов в Китае.

В 1926 г. экспорт Соед. Штатов в Китай вновь вырос на 12%, составив по стоимости 129,5 милл. ам. долл., на 300% выше, чем годовые средние за 1910—14 гг. [1]).

Еще большее значение принадлежит Соед. Штатам в торговле важнейшего центра Китая—Шанхая, где им уже несколько лет принадлежит *первое место*. Так, в 1924 и 1925 гг. торговля (импорт и экспорт) Шанхая составляла в миллионах таэлей [2]):

	1924 г.	1925 г.
Всего	759,90	738,00
В том числе:		
Соед. Штаты	180,50	176,96
Япония	153,0	150,80
Великобритания	131,60	99,26
Брит. влад. (кроме Гонконга)	76,80	79,50
Гонконг	46,00	39,20

Еще ярче выступают эти изменения в соотношении разных стран при рассмотрении импорта в Китай по роду товаров.

[1]) Отчет Department of Commerce of U. S. A. в «Un. States daily» от 9/III 1927 г.

[2]) «Chinese Economic Bulletin».

Так, в импорте тканей в Китай, соотношение Англии и Японии, по сравнении с довоенным, совершенно перевернулось.

Соответствующие доли во всем импорте тканей составляли (в процентах):

	1911 г.	1923 г.	1925 г.
Англия	62	35	24
Япония	13	53	66

Особенное значение имеет импорт машин в Китай.

Он дает картину довольно пестрых колебаний, при чем, несмотря на снижение за последние годы, он был все же по стоимости в 1924 г. вчетверо выше, чем средние за 1910—1913 гг.

При этом ввоз из Англии и Германии вырос втрое, из Японии—в 9 раз и из Соед. Штатов—в 12 раз.

Доля основных стран характеризуется следующими цифрами [1]):

	Соед. Штаты	Англия	Япония	Германия
		в процентах		
1914 г.	8,4	46,0	10,5	13
1919 »	44,7	14,5	25,1	—
1920 »	54,1	23,2	16,5	0,3
1924 »	20,7	29,6	18,8	17,0

Таким образом, Соед. Штаты, обогнав уже значительно Англию в 1919—1920 гг., затем вновь снизились на 2-е место. В 1926 г. по предварительным данным Соед. Штаты вновь выдвинулись в этой части импорта на 1-е место.

По данным о ввозе машин через Шанхай за первую половину 1926 г. из Соед. Штатов было ввезено на 1 миллион долл., из Англии—на 800.000, Японии и Германии—на 290.000.

В импорте машин через Тяньцзинь доля Англии также резко упала [2]).

Уже это показывает значительные различия в характере заинтересованности разных империалистических государств в китайской внешней торговле.

Торговля Соед. Штатов меньше всего пострадала бы от тарифной автономии Китая. Уменьшение спроса на ткани совершенно не задевает Соед. Штатов. В то же время она вызвала бы ускорение индустриализации страны—рост спроса на текстильные и другие машины, сталь, автомобили и т. д., т. е. рост (во всяком случае на время) той части китайского импорта, где основная роль принадлежит Соед. Штатам.

Роль чисто китайского торгового капитала во внешней торговле, несомненно, выросла за последние десятилетия, но он продолжает в основном носить посреднический характер, лишь в незначительной степени захватывая важнейшие конечные звенья экспортно-импортных операций.

Даже американский журнал «China Weekly Review» вынужден признать, что «жалобы иностранцев на рост китайской конкуренции в этой области больше выдуманы». В Шанхае имеется лишь

[1]) «Far Eastern Review», 1926.

[2]) «Industrie d'Handelszeitung» 1926, № 304.

86 китайских фирм, занятых экспортом и импортом, из них не более дюжины сколько-нибудь крупных. В других портах еще меньше. В то же время конкуренция среди иностранных фирм резко выросла. Число этих фирм выросло с 933 в 1899 г. до 7.286 в 1924 г.; конкуренция заставила значительно изменить методы торговли, специализировать ее и т. п.

Преобладающее значение иностранного капитала во внешней торговле Китая закрепляется тем, что в его руках сосредоточено 93% морского судоходства за границу (при чем и в этой области в 1925 г. японская доля—39,6%—обогнала английскую, снизившуюся до 25,8%). Даже во внутреннем (береговом) судоходстве китайская доля (правда, быстро выросшая за последние годы) составляет лишь 46%.

Наконец, основное значение имеет тот факт, что экспортно-импортные операции целиком зависят от крупных банков и поэтому, в конечном счете, все нити внешней торговли сходятся в руках банковских гигантов Англии, Японии и Соед. Штатов.

Необходимо, однако, отметить, что основной характер посреднических функций китайского торгового капитала за последнее время значительно меняется. Прежний «компрадорский» тип посредничества все более сокращается и во многих областях отмирает. В частности крупнейшие американские и японские фирмы теперь отказываются от услуг компрадоров прежнего типа. Пионерами в этом отношении были Стандарт-Ойл и Британско-американский табачный трест, прибегающие к современнейшим американским методам торговли, основанным на широчайшей «научной» рекламе, непосредственном снабжении каждого потребителя по одинаковым ценам во всей стране, сложной централизованной системе учета спроса, организации транспорта и т. п. В свое время они прибегали к широкой бесплатной раздаче по деревням керосиновых ламп, чтобы приучить население к потреблению керосина, в конкурентной борьбе резко сбивали цены, чтобы затем, достигнув соглашения с Роял-Детч, начать систематически подымать их. Агенты Стандарт-Ойл проникли без помощи компрадоров в самые глухие уголки страны. Их продукты внедрились почти в каждую семью, стали необходимостью. Нет городка, при в'езде в который не виднелись бы характерные баки Стандарт-Ойл.

Та же картина и в методах торговли табачного треста с еще большим преобладанием рекламы и «создания спроса». Для этой цели работают громадные, «научно» поставленные отделы, использовывающие китайское искусство и религиозные праздники, испещряющие плакатами и афишами великую китайскую стену, раздающие листовки и иногда бесплатные образцы на каждой ярмарке.

Как отмечает вышеуказанный американский журнал, нет поселка, где нельзя было бы купить папирос треста, нет достаточно глухого уголка, где не побывал бы уже «табачный агент». Они исходили все тропинки Монголии, чтобы всучить рассыпанным по степи монголам папиросы «Пират», они проникли в дебри западного Сычуана и Гансу, используя все средства транспорта.

В самой глубине страны, на стратегических пунктах транспорта у них имеются базисные склады, обеспечивающие бесперебойность снабжения каждой лавчонки. Все это без участия компрадоров, при помощи комми, которые при найме подписывают обязательство изучить китайский язык, или при посредстве китайских служащих, ничем не отличающихся от остальных. Все эти методы целиком переняты и применяются в еще более широком масштабе японскими фирмами, бродячие продавцы которых сбывают на всех ярмарках ткани и вязаные изделия, мыло и дешевую парфюмерию, игрушки, галантерею, всякую мелочь.

Но основной удар системе компрадорства наносит громадное развитие сети китайских банков современного типа, на совершенно новой основе создающих связь иностранных банков-ских спрутов с хозяйством отдаленнейших районов страны, нисколько в то же время не подрывая господства иностранного финансового капитала.

2. Экспорт капитала в Китай.

Важнейшим фактором, совершившим переворот в социальных отношениях Китая, был экспорт капитала, перенесший в страну крупнокапиталистические предприятия в их последних формах, создавший индустриальный пролетариат, вызвавший гораздо бо́льшую и совершенно иную по характеру заинтересованность империалистических государств в Китае, чем внешняя торговля.

Основным условием экспорта капитала является различие норм прибыли. Оно в данном случае проявляется в необычайно ярких формах. Прибыли, получаемые иностранным торговым, промышленным и банковским капиталом в Китае, уступают разве лишь пресловутым каучуковым акциям во время послевоенного бума. Дивиденды английских угольных предприятий в Китае составляют в среднем 20—30%, судоходных в худшие годы (1923 и 1925 гг.)—31%, в 1924 г.—56%, с 1912 по 1916 г.—свыше 100% ежегодно [1]).

Текстильные предприятия выплачивали не менее 30%, Гонконгско-Шанхайский банк многие годы платил акционерам не менее 50%. В 1926 г., т.-е. за период бойкота Гонконга и ряда ударов британской торговле, он выплатил даже 63% дивиденда [2]).

Выкачивание бо́льшей части прибылей из страны неотделимо от самой сущности экспорта капитала. В результате, иностранный капитал одной рукой развивая производительные силы Китая, другой задерживает их рост, хищнически разоряя страну и высасывая ее соки.

Нет никакой возможности дать сколько-нибудь точную картину наличных иностранных инвестиций в Китае. Имеющиеся оценки чрезвычайно разноречивы, очень часто совершенно произвольны и ни в коей мере не дают достаточной основы для подробного анализа.

Мы ограничимся лишь приведением некоторых новейших оценок. Основную роль в этой области все еще, повидимому, играют инвестиции *Англии*.

Ряд американских источников оценивает британские интересы в Китае в $1\frac{1}{2}$ миллиарда ам. долл., т.-е. около 3-х миллиар-

[1]) «British imperialism in China» L. R. D. London. 1927.
[2]) «Economist» 23-IV 1927.

дов рублей; эта оценка является наиболее частой. По последнему отчету председателя Chartered Bank of Jndia, Australia and China [1]), ведущего в Китае крупнейшие операции, «собственность британских подданых» в Китае оценивается в 350 миллионов фунтов, т.-е. около 3½ миллиардов рублей. Имеются отдельные и более высокие оценки. Но и эта сумма инвестиций, составляющая 1/8—1/9 всех вложений британского капитала за границей, является громадной, особенно, если принять во внимание отмеченную выше незначительность в настоящее время роли Великобритании во внешней торговле Китая и относительно небольшое непосредственное участие в китайской промышленности. В этой области англичанам принадлежат из крупных предприятий лишь 4 (правда, весьма крупных) текстильных предприятия, 2 очень значительных угольных (Кайланское о-во и Пекинский Синдикат) и несколько крупных верфей и механических заводов. По имеющимся, правда, не очень достоверным, оценкам в угольную промышленность вложено около 22 миллионов р. англ. капиталов и в текстильную около 20 милл., т.-е. суммы крайне незначительные. Оплаченный капитал британских промышленных компаний в Шанхае, составляет, по сводке английского консула около 27 миллионов фунтов, но в этой сумме ¾ дает Британско-америк. табачный трест со значительным участием американского капитала.

Гораздо более крупные английские капиталы вложены в железные дороги. Из всей железнодорожной сети Китая свыше ½ построено на иностранные займы (на сумму около 500 миллионов ам. долл.) и свыше 1/3, как непосредственные концессии разных стран (на сумму около 290 милл. ам. долл.). Всего около 6/7 китайских жел. дорог построены на иностранные капиталы [2]).

Британская доля по подсчетам, произведенным в работе тов. Канторовича [3]), составляет 130 милл. кит. долл., по одной английской оценке—200 милл. р.

Нам незачем здесь останавливаться на громадной роли жел. дорог для империалистического проникновения в Китай,—роли, которая несравненно шире непосредственных финансовых интересов, так как контроль над железной дорогой обеспечивает господство над природными богатствами, рынком, стратегическим и политическим положением, всем хозяйственным развитием соответствующего района.

Огромные суммы вложены англичанами в портовые сооружения, морское и речное судоходство, долю участия в которых мы отмечали уже выше.

Но основными инвестициями английского капитала являются многочисленные займы пекинскому правительству, отдельным милитаристам и т. п.

Все эти займы сопровождаются соответствующими «гарантиями», контролем, установлением «сфер влияния» и интересов.

Посредством займов, на обеспечение и покрытие которых идут таможенные пошлины, отчасти ликины, значительная часть налогов, соляная монополия, доходы жел. дорог, почт, телеграфа, промышленных предприятий и др., иностранный империализм

[1]) Statist 2/IV 1927 г.
[2]) «Currency, Banking and Finance in China» Washington. 1926.
[3]) А. Канторович.—«Иностранный капитал и железные дороги Китая». 1926.

подчиняет себе все народное хозяйство Китая, выкачивая прибыли из всех крестьянских хозяйств, даже живущих полунатуральным хозяйством, разоряет их, обеспечивает высасывание трудовых усилий ряда поколений.

Почти все эти махинации с займами проходят через *Гонконг-Шанхайский банк*, являющийся также центром вложения всех правительственных поступлений, таможенных пошлин и т. п. Кроме того, он играет руководящую роль в определении курса многочисленных китайских валют и получает, благодаря игре на этих валютных махинациях, громадные прибыли.

Этот банк является становым хребтом британских финансовых интересов на Дальнем Востоке. Основной (оплаченный) капитал Гонконг-Шанхайского банка, как это обычно бывает, совершенно не отражает его значения, составляя лишь 20 миллионов гонконгских долларов. В 1924 г. его резервный фонд составлял 65 милл. долл., депозиты, которыми он распоряжался—523 миллиона, займы 264 милл., наличная касса 98 милл. и чистая прибыль 13 миллионов.

В 1926 году [1]) он дал чистой прибыли 17 милл. долл. (т.-е. 85% основного капитала), резервный фонд вырос до 74 миллионов, текущие счета и депозиты составляли 616 миллионов, в активе займы и разного рода кредиты составляли 515 милл., наличная касса 120 милл. и ценные бумаги 123 миллиона. Общий баланс составлял 789 милл. гонконгских долларов. Таким образом, суммы, которыми банк распоряжался, более чем в 30 раз превышали оплаченный капитал, а чистая прибыль ежегодно возмещала этот капитал почти полностью.

Таким образом, английский капитал, при относительно незначительной внешней торговле с Китаем и небольшом непосредственном участии в промышленности, методами, типичными для финансового капитала в империалистический период, держит в своих руках ряд важнейших командных высот и посредством займов, контрибуций, пошлин, налогов и т. п. выкачивает через банки громадные прибыли из всего народного хозяйства Китая.

Для охраны и расширения этих прибылей спешат в Китай все новые английские броненосцы и аэропланы, расстреливаются Ван-Сян и Нанкин, подкупаются У-Пей-Фу, Чжан-Цзо-Лины и Чан-Кай-Ши.

В огромной степени выросла за последнее десятилетие роль *японского капитала* в Китае.

Общая сумма японских инвестиций в Китае, по имеющимся неполным данным, повидимому, близка к английской. Однако, характер этих инвестиций несколько иной. При такой же, как у англичан, роли в правительственных займах и еще большей доле в жел. дорогах японский капитал в значительно большей степени, чем британский, сосредоточился на непосредственных вложениях в промышленность.

Прежде всего, громадное значение имеет тот факт, что японский капитал контролирует почти целиком молодые ростки *тяжелой промышленности* Китая и ее сырье—добычу желез. руды. Металлургия Манчжурии (построенные по последнему слову техники Аншанские заводы) целиком в японских руках.

[1]) 111-й отчет собранию акционеров Times Trade Suppl. 19/III 1927.

Металлургические заводы в районе Ханькоу формально числятся китайскими предприятиями, но связаны японским капиталом по рукам и ногам.

Очень интересны методы, при помощи которых японский капитал овладел крупнейшим предприятием тяжелой промышленности Китая—Хан'епинским комбинатом[1]). Он был основан, как чисто-китайское предприятие (с участием правительства), и, несмотря на незаконченность оборудования, сулил широкие перспективы, так как обладал запасами высокосортной руды и угля, расположен чрезвычайно благоприятно на скрещении Янцзы с железной дорогой и т. п. Но вследствие возраставших финансовых трудностей предприятие все глубже погрязало в долги и в 1913 г. принуждено было пойти на кабальные условия займа у японцев. Оно заключило сроком на 40 лет 2 займа (в 15 и 6 милл. иен) у Иокогама Спеши Банк и японских правительственных металлургических заводов (Imperial Iron Works). При этом заем и проценты должны были выплачиваться не деньгами, а частью железной рудой, частью чугуном. Всего должно было быть поставлено Японии не менее 15 миллионов тонн высокосортной железной руды и 8 милл. тонн чугуна, при чем эти поставки натурой должны были продолжаться, если бы даже предприятие получило возможность выплатить займы деньгами. Для контроля над выполнением этих условий на предприятии назначен ряд японских «советников». Но и этого было мало. В пред'явленных Японией Китаю в 1915 г. 21 требовании целая группа пунктов посвящена Хан'епинскому комбинату, при чем один из них (правда, отклоненный) требует отказа от сооружения других конкурирующих предприятий без согласия японцев. Таким образом, цель японских кредиторов (за которыми непосредственно стояло правительство) состояла в том, чтобы получать железную руду и чугун для своей промышленности по дешевке, даже если бы это было для предприятия совершенно убыточно. При вызванном же этой убыточностью невыполнении каких-либо условий, они имели повод вмешаться и целиком овладеть предприятием. В условиях далее оговорено, что на каждую тонну руды, потребляемую в домнах комбината, 2 тонны должны вывозиться в Японию. В результате оказалось, что запасов руды, которых было бы достаточно на многие годы для работы самого комбината, при таком форсированном экспорте нехватает. Предприятие переживает резкий длительный кризис, далеко не использует своей производственной способности (около 500.000 тонн в год), а за последние годы домны вообще не работали.

Эти методы японского империализма типичны для всей тяжелой промышленности Китая.

При производственной способности около 900.000 тонн в год фактическая продукция за последние годы не превышала 200—300 тысяч тонн, из которых 160—200 тысяч вывозились в большей своей части в Японию.

Стремясь обеспечить себя дешевыми источниками сырья и полупродуктов, японский капитал в то же время сознательно тормозит дальнейшее самостоятельное развитие тяжелой промышленности Китая, в которой ему принадлежит свыше $80^0/_0$.

[1]) См. Tegengren—«The iron ores and iron industry of China» Part II. Peking. 1924.

Другое положение мы имеем в китайской *текстильной* промышленности—области, где японскому капиталу также принадлежит огромная роль. По официальным данным Японии принадлежит в Китае лишь 1,3 миллиона веретен из общего числа в 3,4 милл. и 7.200 станков из 24.000, т.-е. меньше, чем китайскому капиталу. Но эти данные не принимают во внимание смешанных предприятий с преобладающим участием японского капитала, а также китайских предприятий, задолженных японским банкам и фактически носящих лишь китайскую вывеску. В общем японскому капиталу фактически принадлежит около половины китайских текстильных фабрик (по данным, приводимым проф. Ледерером [1]), $40^0/_0$ продукции пряжи и $50^0/_0$ тканей). По своим основным и резервным капиталам японская группа является наиболее сильной, что позволяет ей выгоднее, чем китайским предприятиям, использовать хлопковый рынок, кон'юнктуру и т. п.

В то же время они обладают гораздо лучшей связью с рынками сбыта, чем английские фабрики, обходятся без компрадоров.

В то время, как в тяжелой промышленности японский капитал ставит своей целью вывоз сырья и полупродуктов, в текстильной он стремится использовать дешевую рабочую силу и сырье для снабжения китайского же рынка.

Лишь в небольшой части текстильные продукты, произведенные в Китае на принадлежащих японцам фабриках, вывозятся за границу (в Южн. Африку и др. страны).

Мы не останавливаемся на других отраслях промышленности, где японский капитал также захватывает все новые позиции.

Американский капитал не перешел еще к инвестициям в Китае в широком масштабе. По последним официальным сведениям, американские капиталы в Китае оцениваются лишь в 150 миллионов американск. долларов: из них лишь 70 милл.—в промышленных (главным образом, табачных и электрических) и коммерческих предприятиях и 80 милл.—в миссионерских, культурно-просветительных и т. п. организациях. По ряду других, полуофициальных материалов, эти данные, несомненно, преуменьшены.

Таким образом, мы видим, что утверждение о захвате иностранным капиталом основных командных высот народного хозяйства Китая, отнюдь, не является преувеличением. Несмотря на быстрый рост китайской буржуазии, важнейшие позиции остаются в руках иностранного капитала.

В руках *английского капитала*—контроль над значительной частью железнодорожной сети и судоходства, крупнейшие предприятия угольной промышленности, важнейшие банки, определяющие курс валют, распоряжающиеся займами, играющие огромную роль в экспортных и импортных операциях.

Японский капитал, помимо безраздельного господства над экономикой Южной Манчжурии, контролирует почти целиком китайскую металлургию, половину хлопчато-бумажной промышленности, около $^1/_3$ судоходства, телеграфную связь и т. д.

Американский капитал не перешел еще к широким промышленным инвестициям, но выдвинулся на 2-е место в торговле, с одной стороны, все более прибирая к своим рукам снабжение

[1]) «Magazin der Wirtschaft». 1927.

машинами—ключ к индустриализации страны,—с другой, поглощая значительную часть сырья и полуфабрикатов (шелк). Соед. Штаты делают в Китае лишь первые шаги. Широчайший размах их подготовки—в виде осведомительного, миссионерского аппарата, обработки общественного мнения, подчинения Филиппин, долженствующих играть роль как бы базисного склада для китайского рынка, и т. п.,—показывает, что они готовятся к гораздо более широким выступлениям на китайской арене.

Овладение таможенным аппаратом, экстерриториальность, концессии и сеттльменты, неравноправные договоры, поддержка китайских милитаристов, броненосцы и миссионеры, полиция, пресса и школа являются лишь надстройками, орудиями обеспечения всех этих, лишь бегло обрисованных нами, интересов иностранного империализма в Китае. За иностранными банками стоит весь дипломатический, военный и агитационный аппарат, выполняющий их волю, охраняющий дивиденды и прокладывающий пути для дальнейшей экспансии.

V. Общая характеристика китайской экономики.

При общей характеристике китайской экономики необходимо, прежде всего, вновь подчеркнуть чрезвычайную пестроту социально-экономических укладов.

В громадную страну, столетиями жившую в состоянии относительного застоя и неподвижности, ворвался иностранный капитализм в своих наиболее современных формах. Все ускоряющимся темпом, на основе последних достижений техники производства, торговли, войны, эксплоатации и обмана масс, он начал разлагать, видоизменять, приспособлять к своим целям те формы экономических и социальных отношений, которые он застал. Но как ни быстра была по темпу эта «работа» капитала, она, конечно, не могла в короткие сроки ликвидировать многочисленные остатки старого в этой громадной стране с ¼ населения земли.

При этом нельзя забывать, что иностранный капитал проникал в Китай, главным образом, уже в период своего упадка, разложения и загнивания, когда он особенно полон глубочайших, неизбывных противоречий. Противоречия между производством и потреблением, между ростом производительных сил и капиталистической формой присвоения, между чрезвычайно высокой нормой накопления и разорением, пауперизацией широчайших масс населения,—все они полностью переносятся в страну новой индустриализации, воссоздаются в ней на еще более широкой основе, в еще более острых и напряженных формах.

Иностранный империализм в Китае, одной рукой разрушая или переделывая и приспособляя найденные им докапиталистические, крепостнические формы эксплоатации, другой рукой частично воссоздает их; одной рукой бешено развивая производительные силы, другой он их уничтожает, нагромождает тысячи препятствий к их росту. Вне этого клубка противоречий, этой чрезвычайной неравномерности, лихорадочности, спазмодичности развития нельзя разобраться в китайской экономике, выделить основные, преобладающие, важнейшие для социального анализа тенденции.

Мы имеем в социально-экономической структуре современного Китая пестрое переплетение следующих основных элементов:

1) Значительные элементы докапиталистических отношений: остатки натурального крестьянского хозяйства с его патриархальной, родовой и пр. надстройкой, остатки относительно крупного землевладения при мелком земледелии, натуральной аренды, крепостнических, кабальных отношений.

2) Мелкое товарное производство крестьян, кустарей и ремесленников, в той или иной степени втянутое уже в рыночные отношения, рядом методов эксплоатируемое и разоряемое как туземным торговым капиталом, так и иностранным империализмом.

3) Быстро выросшие за последние десятилетия элементы туземного капитализма, также в чрезвычайно пестрых и разнообразных формах—от капиталистической мануфактуры и работы на дому до современнейших фабрик.

4) Иностранный финансовый капитал в своих последних формах, чрезвычайно концентрированный, хищнический, вооруженный до зубов, выкачивающий из Китая громадные прибыли и готовый на все для их защиты.

Какие же элементы преобладают в современном Китае? Само собой понятно, что численно громадное преобладание за мелкими товарными производителями, при значительном распространении и докапиталистических, натуральных, крепостнических отношений.

Но в то же время, как мы показали на примерах из разных областей народного хозяйства, рядом сложных, прямых и косвенных, явных и прикрытых путей капитализм, в первую очередь иностранный финансовый капитал, овладев командными экономическими высотами, охватывает, подчиняет себе, эксплоатирует все народное хозяйство страны. Он высасывает прибыль не только из наемных рабочих, но и из миллионов мелких товаропроизводителей, а частично (напр. посредством налогов) и из слоев, почти не вышедших из натурального хозяйства.

Как мы видели, характерным для китайской деревни, несмотря на всю пестроту хозяйственных укладов, моментом является ломка отсталых, патриархальных, докапиталистических отношений, процесс втягивания в обстановку товарного хозяйства, подчинения рынку.

В Китае идет разложение крестьянства, «раскрестьянивание» и пауперизация значительных его слоев, разложение старого косного патриархального быта.

Необычайно низкий жизненный уровень и особенно его неустойчивость не дают возможности большой части крестьянства существовать без продажи своей рабочей силы, хотя бы на время.

Нельзя при этом забывать замечаний Ленина, что в земледелие капитализм проникает в особых формах, и не надо слишком шаблонно понимать, что капитализм требует лишь свободного безземельного рабочего. Ленин в «Развитии капитализма в России» подробно описывает громадный слой «наемных сельскохозяйственных рабочих с наделом» и причисляет основную массу неимущего крестьянства к «представителям сельского пролетариата»[1]).

[1]) «Развитие капитализма в России», 2-е изд. 1908 г., стр. 122.

В написанной уже в 1908 г. работе «Аграрный вопрос в России к концу XIX века» он вновь повторяет, что «низшие группы крестьянства, в частности однолошадные и безлошадные дворы, представляют из себя, по своему положению в общем строе народного хозяйства, батраков и поденщиков (шире: наемных рабочих) с наделом» [1]). Он издевается над народниками и «учеными» буржуазными статистиками, насчитывавшими в тогдашней России лишь «горсть пролетариата», видевшими лишь «изолированный уголок» с 1½ миллионами фабричных рабочих. В противовес этим «курьезным расчетам» он прибавлял к этим 1½ миллионам 3½ миллиона с.-х. наемных рабочих, миллион строителей, 2 миллиона работающих на дому, фактически занятых капиталистами, и получил в итоге около 10 миллионов наемных рабочих, т.-е. «около половины всего взрослого населения страны, участвующего в производстве материальных ценностей» [2]).

Кроме того, отвечая на рассуждения В. В. об «изолированном уголке», он подчеркивает, что «тот уголок», который кажется иному народнику таким незначительным, воплощает в себе, на самом деле, квинт-эссенцию современных общественных отношений, а население этого «уголка», т.-е. пролетариат, является, в буквальном смысле слова, одним только передним рядом, авангардом всей массы трудящихся и эксплоатируемых».

Все эти положения и методы расчета мы считаем в полной мере приложимыми к современному Китаю. А это дает, разумеется, совершенно другую картину классовых сил, чем на основе абсолютных цифр фабрично-заводского пролетариата и крестьянства.

Подавляющие массы китайского крестьянства, как и крестьянства дореволюционной России, живут под тройным гнетом: развивающегося туземного капитализма, иностранного империализма и остатков крепостничества, страдают и от недостаточного развития капитализма и от перезрелого капитализма (империализма).

Освободить их от этого тройного гнета не может лишь буржуазный переворот, так как, несмотря на всю глубину и распространенность крепостнических пережитков, они слишком тесно успели переплестись с капиталистическими методами эксплоатации крестьянства.

О французском крестьянстве 40-х годов Маркс писал:

«Эксплоатация крестьянства отличается от эксплоатации фабричного пролетариата лишь своей внешней формой. Эксплоататор тот же самый *капитал*. Отдельные капиталисты эксплоатируют отдельных крестьян с помощью *гипотек* и *ростовщичества*, класс капиталистов эксплоатирует класс крестьян посредством *государственных податей*. Призрак крестьянской собственности был талисманом, который отдавал крестьян во власть капитала; во имя этой призрачной собственности капитал травил их против городского пролетариата. Только падение капитала может поднять мужика, только антикапиталистическое, рабочее правительство может положить конец его экономической нищете и общественной деградации» [3]).

[1]) Ленин—Собр. соч., т. IX, стр. 662.
[2]) «Развитие капитализма», стр. 461.
[3]) Маркс. «Классовая борьба во Франции». СПБ., изд. 1906, стр. 112.

В Китае многомиллионные массы крестьянства эксплоатируются и угнетаются все более переплетающимися силами помещиков, милитаристов, ростовщиков, торгового капитала и иностранного империализма.

Поэтому, несмотря на то, что, как мы уже отмечали, в Китае еще огромное поле для чисто-буржуазной аграрной революции, для расчистки «хлама средневековья», было бы иллюзией делать из этого заключение, что эту чистку может и захочет произвести крупная буржуазия. Эту чистку может провести и проведет *пролетариат*, который уже становится во главе широчайшего движения всех непролетарских трудящихся и эксплоатируемых Китая—крестьянства, кустарей, ремесленников, городской мелкой буржуазии.

7/V—27 г.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

ОТВЕТ КРИТИКАМ [1]).

Десятая годовщина Февральской революции явилась поводом к обзору литературы, посвященной событиям 1917 года. В целом ряде журналов и газет опубликованы статьи, содержащие критические разборы вышедших за последнее время воспоминаний и исторических исследований и хроник. Ряд журналистов уделили особое внимание моим работам о семнадцатом годе и даже книгам, посвященным нашей партийной работе во время войны до февральского переворота. Особое место среди этих критиков занял т. Д. Я. Кин в третьем номере журнала «Историк-Марксист», подвергнувший своему разбору мои произведения, как «Канун семнадцатого года» (две книги), так и две книги «Семнадцатый год», касающиеся непосредственно предфевральских событий и Февральской революции. В пятом номере журнала «Большевик» опубликована статья т. Ар. Ломакина, разбирающая мою третью книгу «Семнадцатый год». Кроме этих товарищей, целый ряд писателей и даже один профессор, прямо или косвенно, как будто мимоходом, дали свои оценки моим работам, на которые я считаю необходимым дать ответ.

Начнем наш ответ на разбор моих книг с т. Кина, автора помещенной в 3 номере журнала «Историк-Марксист» статьи под заглавием «Семнадцатый год в изображении т. А. Шляпникова». Тов. Кин с первой же строки ошарашивает читателя претенциозным обвинением меня в том, что заложенная в содержании моих работ «философия семнадцатого года»—неленинская, небольшевистская. Тов. Кин находит, что я писал свои книги о семнадцатом годе «с точки зрения того периода, когда т. Шляпников *писал* историю, а не того, когда он делал ее».

В качестве основного довода в пользу об'явления моих взглядов и писаний о Февральской революции небольшевистскими т. Кин приводит выдержку из первой книги «Семнадцатый год» (стр. 19), которая, по его мнению, является «ключем к пониманию «концепции» 1917 г. т. Шляпникова». Указанное т. Кином место относится к концу 1916 года и началу 1917 г. Глава, из которой взята цитата, носит заголовок «Перед 9-м января».

В этой главе я писал, как мы, большевики, относились к намечавшемуся уже тогда революционному под'ему в нашей стране. Тов. Кин, вырвав несколько строчек из текста, сделал их «центральной идеей, труда т. Шляпникова» в таком виде: «вопрос о движущих силах приближавшейся революции был разрешен в нашей партийной литературе, испытан на опыте революции 1905 года. Соотношение классовых сил со времени первой революции мало изменилось. Оправдались вполне наши предвидения относительно поправения российского либерализма, руководимого конституционно-демократической партией. Положение в стране осложнялось войной, но все сложности, противоречия и трудности военного времени способствовали обострению классовой борьбы как между промышленниками и помещиками, так и со стороны рабочих против царской и капиталистической кабальной системы» [2]). Данную в этой цитате характеристику движущих сил приближавшейся революции критик использовал для обвинения меня в том, что в моей истории

---

[1]) Статья идет в порядке обсуждения. В следующем номере вместе с окончанием статьи будет помещен и ответ на нее. *Ред.*

[2]) См. «Семнадцатый год», кн. I, стр. 19.

«крестьянство совершенно отсутствует». Но всякий читатель может легко проверить и убедиться, что ключ т. Кина поддельный, фальшивый и к большевистскому замку не подходит. Тов. Кин умышленно оборвал цитату в том месте для того, чтобы пред'явить ныне модное обвинение. Но опровергнуть его легко—следует только продолжить ту цитату, начало которой привел т. Кин, чтобы убедиться в неосновательности всего его обвинения. В той же книге и на той же странице, с которой цитирует т. Кин, и буквально следующая за концом его цитаты строка говорит прямо, что «все мы, большевики того времени, были единодушны в том, что основными двигателями грядущей революции во время войны будут пролетарии и крестьяне, одетые в серые шинели. Союз этих сил должен был определить успех революции, ее размах и глубину преобразований. Эти положения отделяли нас от всех социалистов других направлений. И меньшевики и социалисты-революционеры (типа Дана, Керенского, Пешехонова) полагали основной силой надвигавшихся событий организованную буржуазию. В расчете на нее они строили свою тактику поддержки прогрессивного блока, организации общественных сил вокруг Думы и т. п.» [1]).

Из продолжения приведенной т. Киным цитаты видно, что пишущий эти строки, работники ПК, работники Бюро ЦК учитывали крестьянство и учитывали его там и постольку, поскольку оно могло проявить себя активно—в армии, в казармах Питера и Москвы прежде всего. Самый учет крестьянских сил нами делался не отвлеченно, а соподчиненно развитию революционного рабочего движения. Этот учет был верен, оправдался на деле и доказательств не требует.

Мое сообщение о том, что среди большевиков не было разногласий по вопросам оценки характера революции и ее движущих сил, и выдвинутое при этом положение, что соотношение классовых сил за время войны мало изменилось по сравнению с революцией 1905 года дает т. Кину повод к заявлениям, что я не видел «никакой принципиально новой стороны в революции 1917 года». В качестве доказательства моего «непонимания» т. Кин приводит цитату из «Письма издалека» В. И. Ленина, появившегося в марте 1917 г., в котором В. И. Ленин писал: «первая революция, порожденная всемирной империалистской войной, разразилась. Эта революция, наверное, не будет последней. Первый этап первой революции, именно русской революции 1 марта 1917 года... закончился».

Критик не замечает, что мои суждения конца 1916 г. и начала 1917 г., т.-е. *до революционного переворота, противопоставляет постановке вопроса о революции, данной В. И. Лениным после революции, после мартовского переворота.* В начале моей статьи т. Кин обвинял меня в том, что я писал о 17-м годе «с точки зрения того периода, когда я писал историю, а не того, когда я делал ее», и предлагает мне следовать методу фальсификации истории. В конце 1916 года мы не ставили вопрос о русской революции так, как В. И. Ленин поставил его после мартовского переворота. Хороша была бы история, если бы ее писали по Киновскому способу.

Придравшись к моему образному выражению, что «всероссийская буржуазия, по примеру и подобию буржуазии всех других воевавших стран, приняла войну, как свое родное, весьма прибыльное дело»—т. Кин запрашивает меня: от кого это буржуазия приняла войну? Тов. Кин, очевидно, забыл, что в июле 1914 года в момент об'явления войны у власти стоял царизм, а не буржуазия. Буржуазия еще не была у власти.

---

[1]) См. «Семнадцатый год», кн. I, стр. 19.

А у нас еще на памяти русско-японская война, к которой отношение буржуазии, ее наиболее прогрессивных элементов, было в то время отрицательное, т.-е. совершенно иное, чем к войне с германской коалицией.

Мои популярные об'яснения, почему целый ряд крупных землевладельцев, помещиков выступил против царизма, т. Кина совершенно не удовлетворяют. Критик приводит цитату (из кн. «Семнадцатый год» стр. 16), где я пишу, что «наиболее дальновидные представители дворянства и монархии понимали опасности, угрожавшие господству их класса, и примкнули к расплывчатой оппозиции прогрессивного блока», и обвиняет меня в том, что я не сделал «анализа процесса разложения правящей верхушки». Из таких мелочей т. Кин делает вывод, что я «не понял как следует международного и внутреннего соотношения переплета классовых сил», а поэтому, видите ли, «связал себе руки при анализе движущих сил и своеобразия Февральской революции». Извините, уважаемый критик, что-нибудь одно: или я не понял, или же, поняв, связал себе руки, но вместе—не выходит.

Как же следует понимать, по Кину, международный и внутренний переплет классовых сил? О· отечески меня поучает, взяв выписку из сочинений В. И. Ленина, ег› «Письмо издалека», в котором он писал: «Революция победила так скоро и так по внешности, на первый поверхностный взгляд «радикально», то лишь потому, что в силу чрезвычайно оригинальной исторической ситуации слились вместе, и замечательно «дружно» слились, совершенно различные потоки... Именно: заговор англо-французских империалистов, толкавших Милюкова и Гучкова с К⁰ к захвату власти в интересах продолжения империалистской войны... Это—с одной стороны. А, с другой стороны, глубокое пролетарское и массово-народное движение». Чем легче было свергнуть самодержавие, т.-е. осуществить буржуазную революцию, тем острее и тем раньше вставал вопрос о переходе «к новому этапу, новой революции».

Приведя эти слова В. И. Ленина, относящиеся к послефевральскому перевороту, критик пытается «бить» меня ими за приведенное мною соображение о прогрессивном блоке, высказанное при оценке боровшихся классовых сил периода декабря 1916 г. и начала января 1917 г., т.-е. не только задолго до победы, но даже до начала Февральской революции. Конечно, очень легко было бы писать воспоминания по цитатам из сочинений В. И. Ленина, из нашего центрального органа, выходившего во время войны («Социал-Демократа») и других произведений позднейшего времени, но такие писания были бы фальсификацией подлинной истории и событий, участником и свидетелем которых я был. Писанием такой истории, т. Кин, вам придется заняться самому.

Тов. Кин обвиняет меня в «чрезмерной слабости» к питерскому пролетариату, которому я отдал в своих книгах только должное, но все же по-моему еще недостаточно красочно, недостаточно сильно, что заслужил он своей героической борьбой за время войны. Это «обвинение» т. Кин пытается прикрыть ссылкой на то, что я придерживаюсь «невысокой оценки одного из передовых флангов провинциального пролетариата—московского». Тов. Кин берет из моих книг («Семнадцатый год», ч. I, стр. 18) определения и характеристики, говорящие, что «Москва в конце 1916 года и начале 1917 года переживала революционно-патриотический под'ем. Значительная доля этого под'ема была вызвана борьбой «истинно-патриотической» общественности против германофильского петербургского правительства и двора. В Москве собирались все с'езды Мининых и Пожарских нашего времени, горевших желанием спасти Россию и получить Дарданеллы и Константинополь. Среди студенчества также наблюдалось революционное настроение. Рабочие не отставали от настроений мелкобуржуазных элементов, но патриотических восторгов не выявляли». Эту характеристику он пытается опровергнуть моими отдельными замечаниями относительно небольших выступлений наших партийных товарищей, имевших место в Москве под лозунгом «долой войну», и приводит цитату из вышедшей ранее книжки («Канун семнадцатого года», ч. II), в которой я делился своими впечатлениями о поездке в Москву следующими словами: «Настроение московских рабочих и демократических кругов населения было родственно питерскому».

Приведя эти характеристики, критик вопрошает: как это примирить? Но напрасно мой критик ищет противоречий в этих строках. Если он потрудится прочесть внимательнее и первое и второе место и не в выдержке, а полностью, то ему ясно будет, что обе характеристики однородны и лишь взаимно дополняют друг друга. Я не согласен льстить московским пролетариям и говорить о военном времени то, чего не было. Настроение московских пролетариев, за исключением сознательной части металлистов, было в то время иное, чем питерцев. Об этом настроении я писал осторожно, что оно *родственно* питерскому, но это не означало, что оно тождественно ему. Это настроение родственно было лишь в части отрицательного отношения к царизму, но не к войне. Характеризуя антивоенное настроение и отношение питерских рабочих, я отнюдь не прикрашивал действительности. Любой товарищ может найти подтверждение этому в фактах рабочего движения Питера того времени. Если обратиться к фактам рабочего движения по 1916 году, то моя характеристика, данная Москве и Питеру целиком и полностью, даже гораздо ярче, подтверждается. По данным отчета министерства торговли и промышленности в январе 1916 года в Москве было 3 экономических стачки с 3.285 стачечниками, в то время как в Питере было 11 забастовок и свыше 5 тысяч участников стачек. Если же взять политические стачки, по которым особенно наглядно видна степень сознательности и активности, в частности стачку протеста 9 января, то по всей России было в том году 38 стачек, и на один Питер приходилась 31 из них. В Москве была лишь одна политическая забастовка в день 9 января, затронувшая 2.228 рабочих-металлистов Всеобщей Компании Электричества, а в Питере на тот же день министерский отчет дает свыше 45.000 рабочих, участников стачки. Данные за февраль говорят о 12 забастовках во всей Московской губернии, количество стачечников 10.600 человек, а в Питере было 10 забастовок с 32.000 стачечников. Кроме того, 9.500 рабочих участвовали в политических стачках-протестах. В марте месяце в экономическом движении Московской губернии участвовало 3.397 рабочих, в политическом—2.031 рабочий в пяти стачках протеста. В Петрограде за тот же месяц март в экономической борьбе участвовало 9.200 рабочих, а в политических стачках—свыше 48.000 рабочих. Если взять апрель месяц, известный нам рабочими протестами в связи с годовщиной Ленского расстрела, то в этом месяце в Москве был ряд экономических стачек, но не было ни одной политической стачки, в то время как в Питере количество участников политических стачек было свыше 8.000 рабочих. После относительного летнего затишь, стачечное движение снова поднялось осенью, и октябрь дал количество стачечников на целую треть больше января. В этом месяце в Москве на экономической почве бастовало всего 8.116 рабочих, и не было ни одной политической стачки, в то же время в Питере было свыше 6.000 рабочих, участников экономических стачек, и 138.000 рабочих, участников политических забастовок. Эти факты говорят гораздо больше, чем сказал я в своих работах о питерском пролетариате, и никаких прикрас не требуют.

После неудачной попытки умалить значение питерского пролетариата в общей революционной и пролетарской борьбе нашей страны критик переходит к моим замечаниям и характеристикам, касающимся состава рабочих военного времени. Его не удовлетворяет данная мною характеристика рабочего движения и степень влияния на него буржуазии («Семнадцатый год», ч. I, стр. 18). Там сказано, что «хотя состав рабочих за время войны и был изменен не в пользу пролетарских элементов, тем не менее рабочее движение все время сохраняло, в общем, независимость от буржуазных влияний. Отношение петербургских рабочих к царской политике, к царизму было отрицательное, революционное. Война не встречала патриотической поддержки в *большинстве* питерского пролетариата». Эти положения критик не решается опровергнуть, но пытается противопоставить их другим по времени характеристикам, в которых я писал, что *часть рабочих* поддалась на призывы соглашателей и приняла резолюцию о поддержке Государственной Думы. Но нигде в своих работах я не писал, что питерский пролетариат весь, без всякого исключения, состоял из революционных и сознательных элементов. Нет, мы знали, что среди петербургского пролетариата были и либералы, были и более отсталые рабочие, еще верившие в монархию, не говоря уже о тех, которые шли за соглашательскими партиями. Но все эти элементы, будучи в составе пролетариата, не оказывали решающего влияния на самое рабочее движение. Приведенная критиком цитата говорит, что рабочее движение в общем за время войны, в период, указанный мною, было независимо от тех буржуазных влияний, проводниками которых являлись соглашательские партии. На той же странице, откуда т. Кин взял цитату, я указал, что питерский пролетариат за время войны был разбавлен мелкобуржуазными элементами, пришедшими из деревень, и городской мелкой буржуазией, стремившейся пристроиться на заводах, чтобы укрыться от войны. Но эти элементы тогда еще не оказывали влияния на характер рабочего движения.

Все мои характеристики, данные питерскому пролетариату за период подполья (декабрь 1916 г.—январь 1917 г.), т. Кин противопоставляет характеристикам, данным мною тому же пролетариату, но уже несколько месяцев позже, в иной исторической обстановке. Критик свидетельствует этим, что он лишен элементарной марксистской способности рассматривать события в их историческом развитии. Немарксистский способ сравнения совершенно различных периодов классовой борьбы т. Кин положил в основу своего разбора моих книг. Взяв из «Семнадцатого года» (кн. I, стр. 224) сообщение о том, что «уже в те дни нам приходилось наблюдать, как легко поддавались широкие рабочие массы на удочки «всенародного братства» или единства «революционной демократии, в лоно которой попали и петербургские промышленники и московские купцы», критик злорадствует—вот видите, что он говорит тут, а что он говорил раньше—и обманывает читателя, избегая указать, к какому периоду относится данная характеристика. В первом случае я писал о настроениях и положении рабочего движения в декабре 1916 г. и в январе 1917 г., а во втором дал характеристику создавшегося положения уже после переворота. О том, что после 27 февраля рабочее движение было разбавлено в значительной доле «общедемократическим движением», всем известно и у меня отмечено достаточно полно. Во времена подполья, до февральского переворота, руководящая роль в рабочем движении принадлежала нашей партии, которая, опираясь на передовые слои рабочих-металлистов, вела за собой большинство питерского пролетариата. Этой роли нашей партии никто, кроме с.-д. меньшевиков, до сих пор не оспаривал.

После переворота рабочему движению был противопоставлен поток широчайших кругов мелкой буржуазии в виде солдат, различных служащих, чиновников. Кроме того, на политическую арену выступил новый слой рабочих, втянутых на заводы во время войны. Политическую свободу, добытую революцией, буржуазия сумела использовать в первые недели после переворота, с помощью соглашательских партий, для отвлечения части питерских рабочих от нашей партии, и мы сохранили свои позиции лишь среди передовых элементов Питера—части металлистов.

Перевес социалистов-революционеров и социал-демократов меньшевиков над большевиками в первом Петроградском Совете Рабочих и Солдатских Депутатов об'ясняется не только влиянием непролетарских элементов на пролетариат, но и прямым превосходством и физическим давлением мелкобуржуазных масс в недрах самого Совета. В той же книге, которую так настойчиво цитирует критик, он мог бы найти данные, говорящие о том, что значительная доля, в несколько раз превышавшая количество пролетарских членов Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, приходилась на солдатские элементы и представителей различных служащих государственных и торговых учреждений. Вот это прямое давление мелкой буржуазии и обеспечило перевес над нами всех соглашательских сил.

От мелочных придирок т. Кин еще раз переходит к анализу движущих сил революции, данному мною в первой и второй книжке «Семнадцатого года». Взяв из второй книги «Семнадцатый год» (со стр. 163) цитату, в которой сказано: «в середине марта эсэры повели работу по организации особого Крестьянского Совета Депутатов. За дело взялись таинственные, никому неизвестные за годы войны, комитеты Крестьянского союза. В своем обращении в Петроградский Совет Раб. и Солд. Деп. и во Врем. Правительство инициаторы изложили цели Совета: подготовка многомиллионного крестьянства к выборам в Учредительное Собрание, посредством об'единения крестьян во Всероссийский Совет Крестьянских Депутатов, имеющий свое пребывание в Петрограде. В Исп. Комитете Совета Раб. и Солд. Деп. не придавали тогда большого значения такому Крестьянскому Совету, так как участие солдат в советах по всей стране фактически разрешило дело организации крестьянства». Критик делает из этого факта выводы о моем «пренебрежительном» отношении к крестьянству. Из моего ответа видно, на каких фальшивых данных основываются брошенные им обвинения. На таких же фальшивых и неверных основаниях покоится и это обвинение. Из приведенной им же цитаты видно, что солдатскую массу, находившуюся в городских казармах, мы рассматривали как крестьянскую массу, но находившуюся в таких условиях, которые давали нам возможность воздействовать на нее и ни в какой степени не отделяли ее от оставшихся в деревнях сравнительно мало активных крестьян. Еще в первой книге «Семнадцатый год» я писал, что инициатива организации и вхождения солдат-крестьян в Петроградский Совет принадлежала нашему Бюро Центрального Комитета. Критик же, игнорируя это указание заявляет, что инициатива в деле организации крестьянства в первый период революции целиком принадлежала эсэрам и при этом подчеркивает, что считает этот факт «немаловажным», дающим с.-р. первенство в деле организации крестьян. Уж не ваша ли это родня, т. Кин? Мы никогда не конкурировали с эсэрами в деле организации мелкой буржуазии и «крестьянства вообще». Для нас не является удивительным то, что соц.-революционеры в начале революции 1917 года, да и раньше, пытались организовать «крестьянство вообще». Такой задачи мы в начале 1917 года не ставили. «Письмо из далека» В. И. Ленина говорит не об организации «крестьянства вообще», а о вы-

делении из этого «крестьянства вообще» беднядких советов и советов сельскохозяйственных рабочих. Со всеми выдвинутыми в его письме положениями наше Бюро Центрального Комитета было согласно. Неправильно толкует критик взгляды В. И. Ленина, когда говорит о том, что он во всей широте и, как будто бы по-эсэровски, поставил вопрос об об'единении «крестьянства вообще». Нет и не было такой постановки в письмах В. И. Ленина. Охватить крестьянские массы, в первую очередь беднядкие круги, нам было легче всего через армию, через солдат. Нам важна была не простая самоорганизация крестьянства, а такая его организованность, которая позволяла бы рабочему классу руководство им. Этой формой организации были в те дни солдатские советы.

Критик обвинил меня в городском подходе к крестьянству. Под словом «городской» я понимаю пролетарский, рабочий подход и с этим вполне согласен. Иного подхода к событиям 1917 года у меня нет и не будет.

Критик оспаривает высказанные мною (в двух последних книгах «Семнадцатый год») соображения о причинах перехода армии на сторону боровшихся рабочих в Петрограде. Взяв цитату («Семнадцатый год», кн. I, стр. 161), в которой говорится, что «запасной солдат, оторванный от своей земли, батрацкой работы, от фабричного станка или иной службы, был близок по своим настроениям населению рабочих кварталов, так называемой демократии», он заявляет, что хотя и верны высказанные мною соображения относительно значения города в революционизировании крестьян, запасных солдат, но, что решающее значение в этом отношении имели настроения «деревни и всей страны». Что это за «вся страна», настроение которой так магически передавалось нашим запасным солдатам, можно легко догадаться—т. Кин противопоставляет настроения буржуазии пролетарским. Что же касается до влияния настроений деревни, то эти настроения солдаты приносили с собой, они влияли на солдат, но в меньшей степени, чем самое положение солдат в городе, в казармах и на фронте.

Стремясь доказать революционизирующее влияние деревни на солдат, критик допустил чудовищное извращение действительности. Помимо того, что т. Кин противопоставил солдата, самого носителя крестьянских настроений, настроениям «деревни» вообще, т.-е. самому себе, критик еще прикрасил керенщину, утверждая, что во время ее положение солдат улучшилось. Если под этим улучшением понимать материальные условия, то они к тому времени значительно *ухудшились*. Что же касается до моральных и правовых, то и здесь этот термин «улучшилось» применять нельзя, ибо это «улучшение» было фальшивым. Замена царских и поповских обрядностей новыми, якобы «революционными», предназначенными для лучшего обмана солдата в его подготовке к наступлению, не считалась нами «лучшей».

Далее т. Кин переходит, по его выражению, опять к «первородному греху т. Шляпникова»—его характеристике революции». Критик берет (со стр. 67, кн. I, «Семнадцатого года») мои воспоминания о том, что я «помню случаи, когда споры поднимались до вопросов о характере нашей грядущей революции. Многим товарищам было «не по душе» ограничение задач нашей революции рамками буржуазного порядка. В Харькове, как нам сообщали, на почве теоретической оценки характера революции в нашей стране, возникли разногласия. Часть товарищей рассматривала надвигавшуюся революцию, как начало социалистической эпохи. Другая ограничивала ее задачами буржуазной демократии». Приведя эту цитату, автор мудро спрашивает: «А кому это «ограничение» было «по душе» и когда оно было «по душе» большевикам: в 1905 году, в 1917 г.?

На это я могу сказать, что большевикам вообще были чужды исходные от души не только в 1905 г. и не только в 1917 году, но, полагаю, подлинным большевикам и ныне.

К этой цитате, относящейся к дореволюционному периоду, автор добавляет другие, взятые из той же книги, но из главы, относящейся уже к первым дням мартовской революции, в которой я изложил наши споры с с.-д. меньшевиками при обсуждении вопроса о власти. В этом месте мною написано, что «разногласий по вопросу о составе власти и ее задачах в нашей среде не было. Мы предлагали Исполнительному Комитету составить Временное Революционное Правительство из рядов тех партий, которые входили в Совет того времени. Его программой должно быть осуществление минимальных требований программ обеих социалистических партий, а также решение вопроса о прекращении войны».

Критик выдернул из этой части одну фразу, надергал еще несколько слов из других мест и разных глав и преподносит читателю окрошку взглядов, обвиняя меня в непонимании «характера мартовской революции», и заявляя, что мои рассуждения о ней «устарели». В доказательство моего непонимания автор приводит выдержку из письма В. И. Ленина, в котором он подчеркивал важность проведения строгого деления социалистов на патриотов-шовинистов и на интернационалистов-антишовинистов, указав при этом, что такое деление соответствует прежнему делению на революционных с.-д. и оппортунистов, но совершается по времени в «близкую к социалистическому перевороту стадию развития». На основании этой цитаты из письма В. И. Ленина критик делает вывод, что уже тогда, в 1915 году, В. И. Ленин ставил перед нашей РСДР Партией в России задачи, «близкие к социалистическому перевороту». Между изложенными мною взглядами и взглядами В. И. Ленина и всего ЦК того времени расхождений по вопросу о характере революции не было. Для сведения критика могу сообщить, что в ответ на мое извещение В. И. Ленина на появление в Харькове расхождений по вопросу о приближавшейся революции, был дан ответ в статье «Несколько тезисов» в № 47 «Социал-Демократа» самим В. И. Лениным. Чтобы избавить легкомысленных критиков от ошибочных толкований писем В. И. Ленина, я приведу место, отвечающее прямо на вопрос о характере нашей революции. Пункт 5 тезисов и следующий за ним 6 отвечают на этот вопрос достаточно определенно, а именно:

«5) Социальным содержанием ближайшей революции в России может быть только революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства. Революция не может победить в России, не свергнув монархию и крепостников-помещиков. А свергнуть их нельзя без поддержки пролетариата крестьянством. Шаг вперед расслоения деревни на «хуторян-помещиков» и на сельских пролетариев не уничтожил гнета Марковых и К° над деревней. За необходимость *отдельной* организации сельских *пролетариев* мы стояли и стоим безусловно во всех и всяких случаях».

«6) Задача пролетариата России—довести до конца буржуазно-демократическую революцию в России, *дабы* разжечь социалистическую революцию в Европе. Эта вторая задача теперь чрезвычайно приблизилась к первой, но она остается все же особой и второй задачей, ибо речь идет о *разных классах*, сотрудничающих с пролетариатом России: для первой задачи сотрудник—мелкобуржуазное крестьянство России, для второй—пролетариат других стран».

Это следует запомнить не только историкам, но и «критикам», пытающимся на основании «опыта» 1917 года обвинять меня в «устарелости»

за мысли и действия партии, оправданные ходом событий. Что за буржуазно-демократической революцией будет период борьбы за социализм и последует социалистическая революция, в этом мы были убеждены. Но подменять один этап другим мы не позволяли ни себе, ни другим, ни до переворота, ни задним числом на манер «критика» т. Кина.

Ввзобравшись на высоты ленинизма, своеобразно и совершенно ложно понятого критиком, он об'являет антиленинским мое указание, что отсутствие политических свобод в нашей стране толкало рабочий класс на революционное завоевание их. До сих пор это обстоятельство считалось элементарным, но по т. Кину выходит, что борьба рабочего класса за политическое освобождение, за обеспечение путей для организованной борьбы за социализм—цеховщина. Так буквально и пишет сей «ленинец». Стремление обеспечить «завоевания *для себя* рабочим классом возможности создавать свободные политические, профессиональные, просветительные организации» т. Кин об'являет «ничего общего с ленинизмом» не имеющим [1]). И этакие вещи печатаются в «Историке-Марксисте». Судя по ударению, которое делает т. Кин на этой фразе, он считает «неленинским» стремление рабочего класса *для себя* использовать добытые политические свободы. Почему это рабочий класс об'является подверженным цеховщине, если он использует *для себя* всю сумму политических свобод? О ком же хлопочет наш критик, чьи интересы предлагает защищать рабочему классу—молчит. Написав такую галиматью со ссылками на ленинизм, извратив элементарные его понятия, т. Кин требует от меня «пересмотра» моих взглядов, которых я придерживался в 1916 и 1917 годах, в частности в начале революции. Нет, т. Кин, не могу уважить такой явно антибольшевистской просьбы. Не вижу также никакой разницы между словами «полномочный» и «полновластный» и препираться на этот счет не намерен.

Тов. Кин прыгает из одной книжки в другую, цепляется за отдельные слова и от моих воспоминаний переходит к статьям о «Керенщине», всюду ища мою «зловредную концепцию», но неудачно. Все его поиски и критика обнаружили лишь хаос в его собственной голове. Тов. Кин предлагает считать началом «керенщины», не июль и не видит, что критикуемая им статья начинается от апрельского кризиса.

Но целый ряд «критических» приемов т. Кина указывает не только на хаос в его голове, но и на... его любовь к передержкам. Так, взяв цитату («Семнадцатый год», кн. I, стр. 218) из главы «Сдача власти», в которой я писал, что в первые дни марта «Совет и его Исполнительный Комитет были действительными органами революционной власти, хотя и не приступали к овладению бюрократическими аппаратами власти»—т. Кин заявляет, что я «неправильно понимал пути перехода революции к диктатуре пролетариата». Никто из с.-д. большевиков в марте 1917 г. не ставил в порядок дня вопрос о диктатуре пролетариата. Тов. Кин пользуется излюбленным им методом «подстановки», граничащим с фальшью. Далее тот же мудрец раз'ясняет, что «как будто переход власти к Советам должен был или мог произойти в форме *овладения* бюрократическим аппаратом власти, а не путем разрушения царско-бюрократической, буржуазной государственной машины». Видимо, автору этих строк не известен наш октябрьский опыт, который учит, что для того, чтобы разрушить чуждую нам государственную машину, нужно ей овладеть, иначе ее не разрушишь. Так мы и делали в октябрьские дни 1917 г. Убожество своей критики т. Кин выдает за нищету «моей» философии.

---

[1]) См. «Историк-Марксист», 50. стр. Подчеркнуто в оригинале.

Но это не все. Для суждения о моей «философии» автор собрал все клеветническое, давно опровергнутое документами и свидетелями. Так, в виде примечания помещена ссылка на сообщение т. Ольминского (опровергнутое на страницах «Пролетарской Революции») о том, что будто я выступал на собрании в обществе адвокатов в начале войны 1914 г. с «патриотической» речью. Тов. Ольминский приписывал это сначала т. Шмидту, которого совсем не было на собрании, я же был в то время на многих собраниях и всегда по поручению Петербургского Комитета нашей партии выражал и защищал ее взгляды. Подлинность моих утверждений и моих антивоенных взглядов могут подтвердить и давно подтвердили живущие поныне, знавшие меня по партийной и заводской работе тт. Каюров, Шмидт, Осипов и др. Кроме того, есть и документы: первая прокламация против войны, изданная ПК, была написана мной. В архивах Истпарта есть мои письма к В. И. Ленину, начиная с октября н. ст. 1914 г., и они могут быть свидетелями моего поведения.

А. Шляпников.

(Окончание следует).

МОДЕСТ РУБИНШТЕЙН.—«Капиталистическая рационализация». Изд. Профинтерна. Москва, 1927 г., стр. 69.

В мировом хозяйстве сейчас находят особенно яркое выражение тенденции усиленной трестификации, концентрации и рационализации производственных процессов. Рост этих тенденций является выражением стремлений современного капитализма выйти из полосы послевоенного кризиса. Важнейшее противоречие капитализма в настоящее время состоит в том, что гигантски выросший производственный аппарат ни в какой степени не соответствует платежеспособному спросу. Колоссально возросшая продуктивность стоит в резком противоречии с емкостью рынка, прогрессивно сужающегося, благодаря растущему обнищанию масс. Проблема рынка—центральная проблема, вокруг которой нанизываются все основные вопросы современной политики капитализма. Второй момент, упирающийся также в эту проблему, заключается в том, что за последнее десятилетие на арену империалистической борьбы выступил новый могущественный конкурент в лице С. Ш. Последние сумели в колоссальной степени развить свои производительные возможности и оставить далеко позади себя в экономико-техническом отношении своих европейских собратьев. Широко проведенная ими рационализация своего производства (тейлоризм, конвейер, трестификация и т. д.) в значительной степени способствовала утверждению могущества С. Ш.

Естественно поэтому, что крупнейшим капиталистическим державам, в первую очередь Германии,—в силу особых условий наиболее полно ощущающей указанное выше противоречие,—в своих усилиях по отвоеванию внешних рынков, сфер влияния и т. д. приходится стать на путь такой реорганизации или рационализации своего производственного аппарата, которая хоть на время помогла бы им выбраться из сложившегося тупика. Политика капиталистов состоит в том, чтобы провести рационализацию в первую очередь за счет жесточайшей эксплоатации живой рабочей силы. Проблема рационализации все более становится в центре внимания широчайших общественных слоев; не случайно, что последний расширенный пленум ИККИ уделил ей столь большое внимание. Автор рецензируемой работы поставил себе задачей конкретное рассмотрение форм и методов капиталистической рационализации, ее социального значения и влияния на складывающееся соотношение классов. Тов. Рубинштейн правильно отмечает, прежде всего, тот факт, что

проблема рационализации носит ярко выраженный международный характер.

Какими же путями осуществляется капиталистическая рационализация? 1) Прямым нажимом капитала, повышающим степень эксплоатации, посредством увеличения рабочего дня (Германия, Англия, Италия), понижения заработной платы, срывом законодательства по охране труда и т. п. 2) Организационно-техническими усовершенствованиями: механизацией и автоматизацией производства, введением новых методов организации труда, иной расстановки людей в производстве, что в итоге приводит к усилению эксплоатации рабочей силы более сложными, утонченными методами. Но при этом, как правильно подчеркивает автор, нельзя упускать следующих двух моментов:

1) Эти две стороны процесса рационализации не есть нечто раздельное, резко отличное, хорошее и плохое—как это пытаются представить с.-д. кретины. Живая действительность знает единый процесс—взаимосвязанный и взаимозависимый различными своими сторонами. «Развитие техники в капиталистической обстановке неизбежно ведет к усилению эксплоатации труда». Этот неразрывный диалектический процесс, вытекающий из капиталистического применения машин, показан Марксом. VII расширенный пленум ИККИ совершенно правильно со всей ясностью указал, что рабочий класс не может быть ни за, ни против капиталистической технической рационализации. Последняя—дело капиталистов. Задачей рабочего класса является всемерная борьба против тех социальных последствий рационализации, которые ухудшают и относительно и абсолютно положение рабочего класса.

2) Точно так же надо иметь в виду, что соотношение между этими двумя сторонами не всегда и всюду одинаково. Современный капитализм в силу необходимости значительных затрат капиталов для технической реконструкции своего производственного базиса; в силу того, что эти затраты могут окупаться лишь при условии расширения его продуктивности, что в свою очередь упирается во все более сокращающийся платежеспособный рыночный спрос, склонен чаще всего (Германия) итти по линии наименьших затрат, т.-е. первым путем, производя соответствующие капитальные затраты во вторую очередь. Но все же и последние принимают подчас довольно широкий характер, вызывая колоссальное повышение производительности труда. Автор развертывает перед читателем интересный фактический материал, показывающий громадные успехи капиталистической техники. Но не в этом он видит свою основную задачу. Констатируя эти успехи, он указывает на социальное значение последних, на те последствия, которые из них вытекают. Он проводит ту мысль, что технические улучшения, способствуя «повышению органического строения капитала, относительному повышению его постоянной части за счет переменной», неизбежно приводят к падению нормы прибыли. «Капитал стремится компенсировать это падение рядом мероприятий..., из которых основным является, однако, значительное усиление использования сократившейся переменной части посредством усиления интенсификации труда». Достигается это максимальным невероятным уплотнением рабочего дня, использованием каждой секунды, работой непрерывным потоком, системой конвейера и т. п. Целой системой мер капитализм доводит интенсификацию человеческого труда до физиологического максимума, превращая рабочего окончательно в придаток механического автомата. Эта мысль хорошо иллюстрируется целым рядом примеров из рабочих корреспонденций, заявлений буржуазных наблюдателей, на ряду с с.-д. «свидетельствами». Например, фордовский рабочий в шотландской газете «Форвед» утверждает: «работа у конвейера в короткий срок приводит к глубокому нервному истощению, приводящему вследствие монотонности труда к полнейшему отупению, или нервному заболеванию» («индустриальный нервоз»). Тоже отмечает и Артур Файлер—внимательный буржуазный наблюдатель: «лента выжимает максимум и даже больше переносимого». На ряду с этими свидетелями не лишено значительного интереса заявление германского профессора Заксенберга. Он развивает ту мысль, что 1) «темп конвейера определяется обычно «опытом по лучшему рабочему», за которым должны затем поспевать остальные»; 2) основное значение «текучей работы» должно заключаться не в механизации, а в максимальном использовании живой рабочей силы; и 3) для того, чтобы «преодолеть утомление рабочих к концу дня», необходимо к этому моменту ускорение темпа конвейера, ослабляющее (!) утомление; при чем, если возможно, «делать это по инициативе (!) самих рабочих». Капиталистическим рационализаторам мало хищнической эксплоатации живой рабочей силы, граничащей с физиологическим максимумом. Для «поддержки» последнего необходимо создать еще специальное нервное возбуждение, состояние психоза. Такова капиталистическая рационализация, воспеваемая прожженным реформизмом.

Какие же конкретные результаты для рабочего класса в целом вытекают из нее? Автор, прежде всего, указывает на резкий рост безработицы. Максимальная интенсификация труда и вытеснение ручного труда машиной делают совершенно «излишними» значительные массы пролетариев. Но если развитие капиталистической техники всегда вызывает рост резервной армии труда, то отличительной особенностью нынешней безработицы является то, что она носит застойный, хронический, затяжной характер, благодаря международному характеру рационализации, наблюдаемой во всех капиталистических странах, без всяких надежд на рассасывание. Таким путем миллионы производительного рабочего населения,—как на это указывал еще Маркс,—вынуждены окончательно выйти в тираж. «В этом слове обнаруживается специфическая граница капиталистического производства». Примеры: Германия, где постоянная цифра безработицы колеблется вокруг 2 миллионов рабочих, что вместе с сокращенно работающими,—составляет 28% всего пролетариата; Англия, у которой норма безработицы в довоенный период редко превышала 3%, между тем, после довоенного периода он не снижался ниже 9%, дойдя в 1926 г. до 13%. В С. Ш.—в этом наиболее «благополучном раю» рационализации—в обрабатывающей промышленности из 11 милл. рабочих, «сезонная» безработица ежегодно охватывает 1.750 тыс. чел., при 29% рабочих, работающих сокращенное рабочее время. Следует отметить и тот факт, что состав безработных совершенно изменился, ибо проводящаяся рационализация делает совершенно ненужными значительные кадры квалифицированных рабочих, заменяя их более дешевым и выгодным «подученным» трудом.—Но, может быть, положение оставшихся на работе—в смысле оплаты их труда—улучшается, благодаря гигантски возросшей его производительности? Факты дают на этот вопрос отрицательный ответ. По вычислению германского экономиста Кучинского, «почти во всех производствах, индекс покупательной способности зарплаты (с учетом производительности труда), отражающий долю рабочих соответствующего производства в их продукции, с 1914 г. по 1925 г. значительно упал». Тоже показывает и департамент торговли С. Ш. и др. свидетельства. Если ко всему вышесказанному добавить: 1) что даже некоторое повышение номинальной зарплаты ни в какой степени не покрывается бешеным темпом изнашивания рабочей силы (40-летний возраст

рабочего находит все меньшее применение в производстве С. Ш., так капитализм искусственно сокращает жизнь рабочего); 2) что это частичное повышение номинала теряет все свое значение в результате повышения цен, проводимого капиталистическими картелями; 3) что, как правило, мы наблюдаем резкое падение номинальной и реальной заработной платы; 4) тенденцию замены высоко оплачиваемого квалифицированного труда более низко оплачиваемым подученным,—нам станет ясна общая линия к понижению доли заработной платы в стоимости продукта, с одной стороны, и причины сужения емкости внутреннего рынка и прогрессивного обнищания масс — с другой. Эта общая тенденция капиталистического производства усиленно подгоняется и подхлестывается рационализацией, создавая предпосылки к гигантскому столкновению классов и всеобщему кризису капитализма.

Автор приводит интересные цифры, выражающие тенденцию к изменению структуры рабочего класса. Мы уже указывали на его замечания о замене квалифицированного труда «подученным». К этому необходимо добавить заметное увеличение численности и роли служащих в промышленности. Но и самый состав последних рационализация значительно видоизменила, упростив работу и пролетаризировав их кадры.

Несомненно, что жестокая эксплоатация, массовая безработица, боязнь попасть в ряды «обреченных» приводит у части рабочих к росту пассивности и ослаблению революционной энергии. Но это только влияние первого этапа рационализации, ибо по мере все большего проявления ее результатов завязывается новый узел противоречий, безысходная нищета масс обостряет борьбу. Характер же рационализированного труда (всеобщая связность) сделает ее успешной.

Любопытно, наконец, отметить отношение к капиталистической рационализации международного реформизма. Ряд ярких примеров и выдержек из речей с.-д. вождей, из с.-д. печати и пр., приводимых автором, убедительно доказывает правильность того тезиса, что «с.-д. и реформистская верхушка профсоюзов остается, несмотря на видимость оппозиции, одним из основных орудий капиталистической рационализации, прочищающим ей путь, ослабляющим «трения» ее проведения». Являясь принципиальными сторонниками хозяйственной системы капитализма, стоя целиком и безоговорочно на платформе необходимости его окончательной стабилизации и оздоровления, «во имя которого рабочему классу придется пойти на жертвы (!), которые впоследствии окупятся»,—капитал-реформисты не могут рационализацию не «приять». Больше того, они не только ее поддерживают, но усиленно предлагают предпринимателям и капиталистическому правительству свои услуги в деле ее непосредственного проведения. Доказательством этому, кроме фактов, указываемых автором, могут послужить: ответный (предпринимателям) меморандум А. Д. Г. Б., выступления германской профсоюзной делегации, ездившей в С. Ш., выступления ответственных должностных лиц с.-д., как-то: Тарнова (пред. союза деревообдел.) К. Цвинга, Гроссмана (зам. предс. Д. Г. Б.) и т. д. и т. п.

Приведем пару выдержек из приводимых автором документов, характеризующих классовое предательство и капиталистическое перерождение социал-реформизма. «Профсоюзы ничуть не противники методов рационализации, наоборот,—они всегда содействовали им. Именно потому, что я стою на той точке зрения, что рабочие являются элементом хозяйства (?), стремящимся к равноправию (!), на мой взгляд, рабочий внутри своей организации обязан совместно с предпринимателями отыскивать те формы рационализации, типизации, тейлоризации и т. д., которые оказываются полезными для хозяйства (!)» (из доклада Иеккеля на

Бреславльском с'езде А. Д. Г. Б.). А попутно с этим, орган германского об'единения профсоюзов доходит до утверждения, что каждый шаг рационализации означает «часть пути по возвращению к потребительскому хозяйству, правда, в крупнокапиталистических организационных формах, но без крупнокапиталистического духа (!) и, следовательно, представляет большой кусок практической социализации. Тысячелетняя мечта рабочего класса будет этим выполнена». Комментарии здесь, нам думается, будут излишни.

Таков в основном тот круг вопросов, который затронут в рецензируемой брошюре. Небольшая, но содержательная и обстоятельная работа имеет целый ряд достоинств, основными из коих являются ее несомненная выдержанность, умелая комбинация материала и изложение его в недурной литературной форме. Но в ней имеется и ряд недостатков—легко исправимых, но которые тем не менее бросаются в глаза при внимательном ее чтении. Прежде всего автор работы, озаглавив тему брошюры «капиталистическая рационализация», несомненно, сузил свою задачу, хотя и не оговорил этого. Он рассматривает самый процесс рационализации почти только в пределах внутреннего производственного процесса. Между тем, проблема рационализации, как известно, включает в себя ведь не только это. Широко проводимая концентрация предприятий (что составляет, кстати говоря, один из важных моментов германской рационализации) «чистка»—закрытие нерентабельных, организация международных трестов и картелей и т. п.,—все это составляет как выразился т. Бухарин, одно из важнейших слагаемых рационализации. Без хотя бы краткого изложения и этой стороны вопроса ясность картины, несомненно, страдает. Изложение этой стороны проблемы тем более важно, что на почве ее строится не мало иллюзий, сеющихся реформистским лагерем.

Точно так же следовало бы в общем введении больше места уделить выяснению основных причин рационализации и затем уже из нее исходить. Недостаточно ясно и четко вскрыта связь между понижением себестоимости—как результатом рационализации, и повышением цен картелями и пр. капиталистическими об'единениями. Весьма полезным явилось бы расширение главы об отношении реформизма к данной проблеме, что важно увязать с общей концепцией реформизма о «хозяйственной демократии».

В общем же работа т. Рубинштейна, несмотря на свои небольшие размеры, несомненно, является ценным вкладом в литературу, трактующую проблему рационализации. От большинства этих работ она выгодно отличается тем, что дает сжатое, систематическое изложение существа вопроса с точки зрения проблемы в целом (организационно-технических и социальных моментов). Тем самым, она поможет многим тт. разобраться в постановке и разрешении этой проблемы в капиталистических государствах в отличие от СССР.

А. Александров.

Редакция: В. Астров. Н. Бухарин. В. Молотов. А. Сленков. Е. Ярославский.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
НА ГАЗЕТЫ:

„ПРАВДА"

Центральный орган ВКП (б).

Подписная цена:

На 1 мес.	1 руб.	— коп.		На 6 мес.	5 руб.	50 коп.
» 3 »	2 »	85 »		» 12 »	10 »	— »

„БЕДНОТА"

Ежедневная крестьянская газета.

Подписная цена:

На 1 мес.	— руб.	70 коп.		На 6 мес.	3 руб.	90 коп.
» 3 »	2 »	— »		» 12 »	7 »	50 »

„Комсомольская ПРАВДА"

Орган Центрального Комитета ВЛКСМ.

Подписная цена:

На 1 мес.	— руб.	75 коп.		На 6 мес.	4 руб.	25 коп.
» 3 »	2 »	15 »		» 12 »	8 »	25 »

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ВСЕСОЮЗНАЯ ГАЗЕТА

„ПИОНЕРСКАЯ ПРАВДА"

Орган ЦК и МК ВЛКСМ.

ГАЗЕТА рассчитана на ШКОЛЬНИКОВ и ПИОНЕРОВ.

В газете имеются специальные полосы: **„Газета Октябрят"** и **„Пионерская Деревня"**.

Особое внимание уделяется деревне: беседы агронома, быт и труд деревни, опыт работы деревенских школ и пионеротрядов.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

на 1 мес.—**15** к., на **3** мес.—**45** к., на 6 мес.—**90** к., на 9 мес.—**1** р. **35** к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

в главной конторе изд-ва

„ПРАВДА" и „БЕДНОТА",

МОСКВА, Мал. Черкасский пер., 3/4, тел. 2-89-24,

а также во всех отделениях „ПРАВДЫ" и почтово-телеграфных конторах.